

**ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ**

Ливонский поход Ивана Грозного

Перемирия

Приготовления к войне

Полоцк

Великие Луки

Псков

Запольский Ям

В.В. НОВОДВОРСКИЙ

Тайны Земли Русской

Витольд Новодворский

Ливонский поход Ивана Грозного

«ВЕЧЕ»

1904

Новодворский В. В.

Ливонский поход Ивана Грозного / В. В. Новодворский —
«ВЕЧЕ», 1904 — (Тайны Земли Русской)

Книга известного русского историка XIX века Витольда Владиславовича Новодворского посвящена малоизученному периоду правления Стефана Батория и событиям, имевшим большое историческое и политическое значение для всей Восточной Европы, из которых особо выделяется Ливонская война, которая велась Царством Русским за территории в Прибалтике и выход к Балтийскому морю. Книга (авторское название – «Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой») по праву считается классическим трудом, не утратившим до наших дней своей исторической ценности. В новом издании книга публикуется с некоторыми сокращениями и с сохранением стиля и орфографии оригинала.

© Новодворский В. В., 1904

© ВЕЧЕ, 1904

Содержание

I. Перемирия	6
II. Ливонский поход Иоанна (1577)	39
III. Приготовления к войне	56
IV. Полоцк	71
Конец ознакомительного фрагмента.	89

В. В. Новодворский

Ливонский поход Ивана Грозного

© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Царствование Стефана Батория весьма плохо исследовано, как это прекрасно выяснил проф. В. Закржевский в своем сочинении «Stefan Batory, przegląd historii jego panowania i program dalszych nad nią badań». Это обстоятельство, между прочим, побудило меня заняться изучением этой эпохи, и таким образом явилось нынешнее исследование.

Говорить здесь о значении борьбы из-за Ливонии в судьбах Восточной Европы считаю делом излишним, ибо пришлось бы повторять то, что всем уже известно. Но позволю себе сказать несколько слов о характере своей работы. В науке допустима одна только точка зрения – научная, т. е. точка зрения истины; однако, к сожалению, в области социальных наук подняться на такую высоту весьма трудно. Тем не менее приблизиться к идеалу объективизма возможно путем монографических, детальных исследований, ставящих себе целью критическую проверку исторического материала. К таким исследованиям принадлежит и мое сочинение, или по крайней мере я желал придать ему такой характер. В сочинении моем существуют, конечно, многие, притом большие недостатки и недочеты; я могу утверждать только одно с чистой совестью, что старался отыскать истину, но насколько к ней приблизился, не мне, понятно, судить об этом. Меня утешает мысль, что если мое исследование имеет какое-нибудь научное значение, оно пригодится в каком-нибудь отношении для других исследователей, которые поведут дело далее, шире и глубже и создадут нечто совершенное.

В заключение позволю себе принести искреннюю и глубокую благодарность тем учреждениям и лицам, которые оказывали мне помощь и содействие в моих разысканиях.

В. Новодворский

I. Перемирия

Война Иоанна IV с Речью Посполитою из-за Ливонии была прервана при Сигизмунде Августе трехлетним перемирием, срок которому истекал к концу июня 1573 года¹. Но интересы обоих государств были столь противоположны и отношения между ними до такой степени натянуты, что война могла возобновиться во всякое время, еще до истечения срока перемирию. Прекратилась собственно – да и то не вполне – только борьба на полях сражений, но борьба политическая и дипломатическая продолжалась с прежней силой. Заключая перемирный договор с Речью Посполитою, Иоанн в то же время приводил в исполнение проект ливонского королевства, объявляя королем Ливонии герцога Магнуса на условиях вассальной зависимости². Послы Сигизмунда-Августа, заключившие с Иоанном перемирие, донесли по своему возвращении об этом королю и вызвали в нем немалую тревогу, так как эта политическая комбинация направлена была против интересов Речи Посполитой³. Со своей стороны, Сигизмунд-Август прилагал все усилия к тому, чтобы уничтожить уже в самом зародыше московский флот на Балтийском море, что тогда называлось нарвскою навигациею, усматривая в ней большую опасность не только для Речи Посполитой, но и для всей Западной Европы⁴.

В 1569 году он нанял к себе на службу каперов, которые должны были задерживать иностранные корабли, везшие в пределы московского государства какие бы то ни было товары⁵. На это король датский, сблизившийся с Иоанном Грозным, и его брат Магнус ответили заведением тоже каперских судов, которые не мало вреда причиняли торговым интересам Речи Посполитой, задерживая корабли, шедшие в польские гавани. Таким образом, на море война, собственно, как бы и не прекращалась⁶.

¹ Перемирные грамоты Иоанна и Сигизмунда-Августа от 1570 г. у кн. М. Щербатова (Ист. Рос., т. V, ч. IV, № 16, стр. 92—123), в Книге посольской метрики Великого княжества Литовского, ч. I, №№ 191 и 192 и в Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LXXI, стр. 724–734.

² Г. В. Форстен. Балтийский вопрос, т. I, 532–540.

³ Akta podkanclerskie Pranciszka Krasinskiego. Biblioteka Ordynacji Krasinskiach Rok 1870, № CXXIX.

⁴ Bibl. Ord. Eras. Rok. 1871, стр. 60.

⁵ Г. В. Форстен. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII ст. (Записки Историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, т. XXI, стр. 128, № 54).

⁶ Bibl. Jrd Kras. Rok. 1870, стр. 167, 201, № CLVIII.

Изображение Магнуса, герцога Голштинского на печати. XVI в.

Самое заключение перемирного договора сопровождалось обстоятельствами, которые могли повлечь за собою нарушение перемирия, а следовательно, и возобновление войны. Посольство Сигизмунда-Августа, ехавшее в Москву, от самой границы московского государства подвергалось оскорблениям со стороны московских приставов и их слуг и само платило им тем же. Прибыв в Москву, оно не застало там Иоанна: он не возвратился еще из своего путешествия в Новгород, где он произвел такую ужасную кровавую расправу. По возвращении царя в столицу послы были приняты сначала довольно радушно, но когда прибыл в Москву герцог Магнус, отношения Иоанна к польско-литовскому посольству изменились. Оно стало подвергаться различного рода оскорблениям, к чему, впрочем, и само подавало иногда повод, нанося обиды Москвитянам. Царь приказывал бить посольскую свиту батогами и издевался над польскими обычаями⁷. Когда один из послов, литовский писарь Андрей Иванович Хари-

⁷ Об этих происшествиях мы почерпаем сведения из двух источников: литовского и московского. Подробности, сообщаемые тем и другим, согласуются между собою, расходясь только в том, что литовский источник умалчивает об оскорблениях, которым подвергались Москвитяне, а московский представляет обиды, который наносились посольству, как наказание царя за дерзкое поведение послов. См. *Despekty i obelzywosci, ktore siy dzialy nam poslom I. K. Moscl etc.* (A. Przewdziecki, *Jagiellonki polskie* V. 116–172 по-польски и по-латыни у Aug. Theiner, *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum illustrantia* II. 752–737) и Сborn. Рус. Имп. Общ. LXXI. 713–715, 723.

тонович-Убринский⁸, отказался дерзко принять царские подарки, считая их не соответствующими своему званию, Иоанн отправил на посольский двор отряд вооруженных людей, которые на глазах послов разрубили двух коней, подаренных царю послами; начальник же отряда, Булат Арцыбушев, бранил послов поносными словами, топтал ногами подарки, поднесенные посольством, а литовскому писарю вырвал половину бороды⁹.

У купцов, Греков и Армян, прибывших с посольством в Москву, были отобраны в казну, по приказанию царя, товары, причем купцы не получили никакого вознаграждения. Мало того, когда посольство выехало из пределов московского государства, Иоанн приказал выгнать их за границу «в одних рубашках, без шапок и босыми»¹⁰. Затем он произвел избиевание польских и литовских пленных, которые были заключены в московских темницах¹¹.

Оскорбления послов вызвали в Польше сильное негодование. Жалуясь на свои обиды перед королем, они увещевали его нарушить перемирие, подавая ему надежду на благополучный исход войны, так как силы «варвара» истощены постоянными войнами, голодом и моровой язвой, а подданные сильно ненавидят его за его ужасную жестокость¹².

Общественное мнение требовало тоже сначала весьма настоятельно, чтобы король объявил Иоанну войну¹³. Но Сигизмунд-Август не мог последовать этим советам, ибо положение Речи Посполитой вследствие продолжительной войны также было тяжело. Однако он не преминул воспользоваться настроением общественным, чтобы подготовить умы к необходимости новых жертв на ведение борьбы с врагом.

⁸ L. Gornicld, *Dzieje w Koronie polskiej* (Dziela wszystkie Warszawa 1886. t. III. 236).

⁹ Приключение с литовским писарем Иоанн приказал послам, которых он отправил в Польшу для ратификации перемирного договора, так объяснить: «...и Ондрей учал соболи на землю метати и в те поры прилучился царского величества приказный человек Булат Дмитриевич Арцыбушев и он с Андрея снял юпу для соболей, чтобы сободем в грязи убытка не было и хватил невежливо и за то царское величество на Булата словесную опалу великую наложил» (Сборн. Рус. Имп. Общ. LXXI. 786). Аббат Цир, состоявший при дворе Сигизмунда-Августа посланником, со слов одного из литовских послов изображает в письме к императору Максимилиану II сцену еще более сильную. Послы являются во дворец. Разгневанный царь, окруженный опричниками, начинает грозно кричать на послов. Опричники готовы броситься на них, чтоб их перебить. Жизнь послов находится в опасности. Тогда перед разгневанным Иоанном бросается на землю митрополит (Кирилл) и молит даровать жизнь послам. Царь смягчился, и послы были спасены.

¹⁰ *Despekty i obelzywosci etc.*, op. cit. V. 171. Факт ограбления Армян и Греков подтверждается самим Иоанном: «...и мы о тех о всех статьях справлялись с казначеи и с дьяки царского величества и они нам сказывали, что те кони и товары иманы в цене царского величества у армян и у греков и в прежних обычаях того не было, чтоб с литовскими послы армян и греки приходили» (Сборн. Рус. Имп. Общ. LXXI. 757–758).

¹¹ См. Alexandri Giuignini Veronensis Omnium Regionum Moscoviae Descriptio (A. Starczewski, *Historiae ruthenicae scriptores exteri* I. 41–43). Этот писатель изображает ужасные сцены. По его счету, было перебито до 160 человек; некоторых царь собственноручно умерщвлял. Мы знаем, что сочинение Гваньини считается памфлетом, но такой общий приговор, по нашему мнению, не может мешать нам пользоваться – с должной, конечно, осторожностью – этим сочинением, как историческим источником: ведь и памфлетист может сообщить много верного, чтобы придать своему памфлету характер правдивости. К сожалению, критического разбора сочинения Гваньини мы не нашли. Чиполла (Carlo Cipolla, *Un Italiano nella Polonia e nella Svezia tra il XVI e il XVII secolo* в *Miscellanea di storia italiana* t. XXVI p. 585) принимает сообщения Гваньини о жестокостях Иоанна на веру. Но известие об избииении литовских и польских пленных подтверждается автором рассказа «*Despekty i obelzywosci*» (I. c. V. 171–172). О пребывании польско-литовского посольства в Москве мы имеем еще сообщение флорентинского купца Тедадьди, проживавшего в московском государстве долгое время (см. Purling, *Un nonce du pape en Moscovie*. Paris 1884, p. 173–174). По его словам, Иоанн не обращался так дурно с послами, как об этом ходили слухи: послы сами своими насмешками над Москвитянами и своим поведением раздражали Иоанна; особенно сильно рассердил его еретический проповедник (Рокита), которого они привезли с собой. В рассказе Тедадьди замечается желание представить Иоанна лучше, чем он был на самом деле: Пирлинг (Papes et tsars, p. 208) называет Тедадьди апологетом царя. Что оскорбления посольства были сильны, доказывает тот факт, что Стефан Баторий припоминал впоследствии Иоанну эти оскорбления, считал их оскорблениями самого короля и приводил их как один из поводов, вследствие которых он объявляет царю войну, см. *Acta Stephani Regis* (*Acta historica res gestas Poloniae illustrantia* t. XI № CXIV, стр. 167).

¹² Сообщение аббата Цира (Вен. госуд. арх.) императору Максимилиану (письмо от 28 августа 1570 г.).

¹³ Сообщение Цира 28. XL 1570 (Вен. Госуд. Арх.). Из Москвы возвратился Шлихтинг, бывший в плену семь лет; он рассказывает ужасы о жестокостях царя и подтверждает сообщения послов. Ita ardent vindictae cupiditate Poloni, quod omnibus rationibus bellum serenissimo regi contra exhaustum fame, peste, externis et domesticis caedibus barbarum persuadere satagunt...

Польский король Сигизмунд II Август. Художник Я. Матейко

Далее, перемирный договор не установил вполне мирных отношений между Речью Посполитою и московским государством: вооруженная борьба продолжалась в витебской и полоцкой областях, там, где находились спорные земли; кроме того, Магнус, получив вооруженную помощь от Иоанна, вторгнулся в пределы польско-литовской Ливонии и произвел опустошение в окрестностях Пернова и Руина¹⁴.

Наконец, Иоанн не совсем точно соблюдал условия перемирного договора: по этим условиям замок Таурус (Taurus), разрушенный войсками Сигизмунда-Августа, не следовало возобновлять, между тем Иоанн приказал его отстроить и поставил в нем гарнизон. Сигизмунд-Август считал это обстоятельство нарушением договора и указывал на него как на повод, вследствие которого война может возобновиться еще до истечения срока перемирия. Это обстоятельство обсуждалось на сейме 1572 г. Действительно, построение этого замка и постановка в нем гарнизона представляли немалую опасность для Литвы, так как крепость находилась недалеко от литовской столицы – города Вильны¹⁵.

¹⁴ Н. Н. Бантыш-Каменский. Переписка между Россией и Польшей по 1700 год. Чтения в Общ. Ист. и Древн. Рос, 1860. IV (книга четвертая), стр. 135–136.

¹⁵ См. Instrukcja sejmowi Warszawskiego 1571 г. Bibl. Ord. Kras. Rok 1871 № CCCXC, стр. 452 и *Тургенев*, I. № СЫХ.

Вильно в конце XVI в.

Одним словом, отношения между обоими государствами были весьма неустойчивы; на мир была очень слабая надежда. Ратифицируя условия перемирного договора в 1571 году, польский король подумывал уже о войне и старался подыскать средства на ведение ее¹⁶. Однако перемирие не было нарушено по следующим причинам. Сигизмунд-Август в последние годы своего царствования был тяжело болен, и вопрос о том, кому достанется корона Речи Посполитой, сильно интересовал соседних государей. К ним принадлежал и Иоанн Грозный. В 1569 году гонцу Федору Мясоедову, отправляемому в Польшу, был дан такой наказ: «...провесть ему того, которым обычаем то слово в Литве и Польше в людях носится, что хотят взять на великое княжество и на Польшу царевича Ивана и почему то слово в люди пущено, обманкою ли, или в правду того хотят и все ли люди того хотят, и почему то слово делом не объявится, а в людях носится»¹⁷. В 1570 году польско-литовские послы, приехавшие в Москву для заключения перемирия, заявили царю, что так как у их короля нет детей, то «ради Короны Польской и Великого Княжества Литовского желают избрать себе государя от славянского рода и склоняются к тебе, великому государю и твоему потомству». Иоанн отнесся к этому заявлению недоверчиво, что и вполне понятно, так как он мог думать, что это заявление ни более ни менее, как только дипломатическая уловка, сделанная с той целью, чтобы склонить его к большой уступчивости, чем в действительности она и была¹⁸. Тем не менее Иоанн сильно заинтересо-

¹⁶ Ратификация происходила 8-го мая 1571 г. (см. Н. Н. Багдасаров. *Op. cit.*, стр. 135).

¹⁷ А. Малиновский. Исторические доказательства о давнем желании польского народа присоединиться к России. *Общ. Ист. и Древн. Рос.* Москва, 1833. VI, стр. 12.

¹⁸ В искренность посольского заявления нельзя верить уже хотя бы потому, что послы были враждебно настроены к Иоанну за те обиды, которым они подвергались в Москве. Кроме того, неискренность этого заявления явствует из самих слов послов. После заявления о том, что польско-литовский сенат склоняется к Иоанну и его потомству следуют слова: «и ты б, великий

вался этим заявлением, как и вообще известиями, приходившими из Речи Посполитой, о том, что там хотят иметь государем его или его сына.

Отправляя в 1571 году для ратификации перемирного договора послов, князей Канбара и Мешерского, в Польшу, Иоанн не только приказывал им разведать, каково настроение страны по вопросу об избрании преемника Сигизмунду-Августу, но вместе с тем и очистить или оправдать его, Иоанна, в глазах польско-литовского общества, которое могло относиться к нему враждебно за казни, им совершенные¹⁹. Послы присылали царю «приятные донесения». Между прочим, они писали следующее: «Говоря в Варшаве: нехай не вдолзе Польша и Литва с Москвою посполе будет, король стар и хвор и бездетен, а опричь московского иного государя не искати»²⁰. Московское посольство имело тайное поручение устроить брак Иоаннова сына с сестрою короля Софиею²¹. Когда в 1572 году разнеслось известие, что король впал в тяжкую болезнь, Иоанн послал в Польшу гонца Василия Малыгина разузнать, достоверно ли это известие; гонец вскоре донес, что Сигизмунд-Август скончался (7-го июля 1572 года)²².

государю, опатрил по тому письму нашему, что есмя дали список рубежом полоцкому повету и иным замком рубежа, велел своим бояром по тому перемирное постановление делати». Что Иоанн понял уловку послов, показывают его слова: «...А коли уж вам хотение к прихильности и вам пригоже нас не раздражати, а делати так, на чем есмя велел...» (см. Собрн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LXXI, стр. 677).

¹⁹ Соловьев. История России (изд. 1894), кн. II. 204.

²⁰ А. Малиновский. Стр. 14–15, Соловьев. II. 204, Собрн. Ими. Рус. Ист. Общ., т. LXXI, стр. 803.

²¹ Аббат Цир (Веп. Госуд. Арх.) сообщает императору Максимилиану, что московское посольство имеет весьма важные полномочия.

²² Н. Н. Бантыш-Каменский, 1, стр. 137.

Вооружение русской дворянской конницы. Гравюра из книги С. Герберштейна Записки о Московии

Наступившее безкорольеве вызвало большую тревогу в польском и литовском обществе относительно дальнейших судеб Речи Посполитой и безопасности ее от внешних врагов. Положение было действительно критическое. В Литве и Пруссии господствовало столь сильное недовольство условиями люблинской унии, что эти страны, казалось, готовы были расторгнуть узы, соединившие их с Польшею. Внутри происходила ожесточенная социальная и религиозная борьба, борьба между шляхтою и аристократиею, между католиками и протестантами. К тому же со смертью короля не стало руководителя государственной обороны. Речь Посполитая распадется, казалось, на свои составные части, которые сделаются добычею ее врагов. Но шляхетское общество подумало о средствах спасения той федерации, которую оно само создало, причем проявило замечательную энергию. В различных частях Речи Посполитой были составлены конфедерации с целью самозащиты от внутренних и внешних врагов.

Литве угрожала наибольшая опасность со стороны Иоанна Грозного. Ввиду этого руководители ее поспешили войти в дипломатические сношения с московским царем, чтобы отвести эту опасность от своей страны. Съезд литовских вельмож, в котором принимал участие и польский подканцлер Франциск Красинский, краковский епископ, как представитель Польши, отправил к Иоанну от имени Речи Посполитой гонца Федора Зенковича Воропая, чтобы изве-

стить царя о кончине короля и просить о сохранении существующего перемирия. Чтобы удержать Иоанна от враждебных действий против Литвы, съезд решил прибегнуть к следующей стратегеме. Гонцу было наказано заявить царю, что выбор его на престол Речи Посполитой возможен, и что, если это случится, тогда все спорные вопросы, из-за которых между государствами происходит столь ожесточенная война, сами собою и мирно разрешатся.

Иоанн рассчитывал на такое предложение; тем не менее он счел необходимым подействовать на Речь Посполитую угрозами. Зная по слухам о смерти Сигизмунда-Августа, он притворился, что событие это еще ему неизвестно, и отправил к королю гонца с письмами. Такой образ действий Иоанна встревожил литовских вельмож, ибо возбудил в них подозрение, что царь затевает что-то недоброе²³.

Действительно, письма Иоанна наполнены были угрозами. Он заявлял, что если Речь Посполитая не пришлет к нему в октябре месяце для заключения мира великих послов, на проезд которым в свое государство он присылал с гонцом опасную грамоту, в таком случае он сочтет такое пренебрежительное отношение к себе за обстоятельство, указывающее, что Речь Посполитая не желает соблюдать с ним мир, а потому займет Ливонию. В этих угрозах Иоанна литовские сенаторы увидели еще большую опасность для Речи Посполитой. Им показалось, что находится в опасности не только Ливония, но и Литва, так как царь готов при всяком удобном случае броситься на все, чем только можно легко завладеть.

Надо было предупредить опасность сколь возможно скорее. Гонца выслушали на сеймике в Рудниках и поспешили уверить царя, что великое посольство прибудет к нему согласно его желанию. Гонец тотчас же поехал назад в Москву. Между тем прибыл сюда Федор Зенкович Воропай; он разъехался в дороге с московским гонцом, когда последний направлялся еще в Литву²⁴. Иоанн принял Воропая весьма ласково²⁵. Стратегема польских и литовских вельмож увенчалась полным успехом. Иоанн поверил искренности заявления, сделанного ему гонцом от имени литовско-польского сената, и счел возможным избрание свое на польский престол. «Скажи польским и литовским панам, – говорил царь гонцу, – чтобы они, переговоривши и посоветовавшись меж собой, присылали ко мне поскорее послов. И если будет то Богу угодно, чтоб я сделался их государем, тогда я обещаюсь перед Богом прежде всего, и им также обещаю сохранить их права и свободы, и если будет нужно, то еще и больше приумножу и от чистого сердца пожалую». Царю нравилась мысль об избрании его в короли главным образом потому, что тогда осуществилось бы его заветное стремление к Балтийскому морю: тогда Ливония, Москва, Новгород и Псков составили бы одно владение. В таком виде представлялось уму

²³ Письмо литовских сенаторов к польским от 14-го сентября 1572 года: московский гонец прибыл с письмами к королю; невозможно допустить, чтобы великий князь не знал о смерти короля; поэтому тут кроется что-то недоброе; пусть паны коронные сообщат поскорее свое мнение; когда гонец приблизится к Вильне, он будет задержан на время перед городом (собрание документов, относящихся к безкоролевью 1572–1574 гг. в львовской библиотеке гр. Баворовских, лист 227).

²⁴ Ход дипломатических сношений Речи Посполитой с Иоанном представляется в исторических сочинениях неопределенно или даже сбивчиво, что объясняется отсутствием даты в документе, дающем нам отчет о посольстве Воропая (*Тургенев*, I. 229–232). Карамзин (IX. 215–219, изд. 1852) относит, по-видимому, аудиенцию этого гонца у Иоанна к сентябрю 1572 г., ибо, передав слова царя Воропаю, продолжает рассказ следующим образом: «За сим Иоанн, в глубокую осень, выехал из Москвы, с обоими сыновьями, чтобы устроить войско в Новгороде и сдержать данное королю шведскому слово», т. е. начать с ним войну, а из примечания 412 явствует, что царь выехал из Москвы 21-го сентября. Соловьев, кн. II (изд. 1894 г.) столбец 239, замечает, что «от приезда Воропая до приезда нового посла литовского, Гарабурды, прошло месяцев шесть», т. е. относит аудиенцию Воропая тоже к сентябрю, так как Гарабурду царь принимал в конце февраля 1573 года. Трачевский (Польское безкоролевье, Москва, 1869, стр. 252) выражается слишком туманно: «В начале 1573 года Иоанн Грозный получил разом несколько грамот из Польши и Литвы. Около того времени, когда он выслушал просьбу Литовцев, привезенную его собственным гонцом, в Москву прибыл Федор Зенкович Воропай». Московский гонец был в Литве в конце сентября, Иоанн уехал из Москвы 21-го сентября в Новгород и был там еще в начале 1573 года, поэтому изложение Трачевского надо признать сбивчивым. Между тем сам Иоанн указывает на сентябрь, как на время, когда он принимал Воропая (см. прибавление I). Трачевский (I. с. 252) считает инициаторами посольства Воропая панов, присутствовавших на кнышинском съезде, но это неверно. Постановления кнышинские подписали одни лица (см. *Bibl. Ordyn. Kras. Rok 1871. 426–427*), Иоанн же в своем письме (см. то же прибавление) называет других лиц, как тех, которые прислали к нему Воропая.

²⁵ См. прибавление II.

Иоанна осуществление делаемого ему предложения. Приобретение Ливонии считал он столь важным для себя, что готов был в том случае, если бы он не был избран королем Речи Посполитой, уступить ей за Ливонию Полоцк с пригородами и далее часть своих собственных московских владений. Перспектива соединить под своею властью столь обширные государства, как московское и литовско-польское, прельщала Иоанна несомненно²⁶. Понимая, что слава тирана, которую он приобрел за свои казни всюду, куда доносилось его имя, может повредить успеху дела, он наказывал тем же послам, о которых мы выше говорили, заявлять, что казни – достойное наказание изменников. Точно таким же образом царь оправдывался и перед Воропаем. «Если кто наказан, – говорил он гонцу, – то наказан сообразно своей вине. Скажи, разве у вас измены не наказывают, разве изменникам прощают? Я знаю, что наказывают» – и в доказательство этого привел один случай смертной казни, совершенной в Вильне над неким Викторином, которого обвинили в намерении убить короля по наущению самого Иоанна²⁷.

Иоанн поверил заявлениям Воропая, а между тем они были неискренни. Литовские вельможи о возведении Иоанна на престол Речи Посполитой и слышать не хотели. Николай-Христофор Радзивилл тотчас после смерти Сигизмунда Августа писал (15-го июля) следующее своему дяде виленскому воеводе: «Боже сохрани, чтобы нами командовал московский колпак и потому, ради Бога, советую вам вовремя принять меры против московского посла». Столь же враждебно к кандидатуре Иоанна относился и главный руководитель тогдашней Литвы Ходкевич²⁸. Кандидатура царя была более всего популярна среди польской и литовской шляхты; сочувствовало этой кандидатуре и православное население литовского княжества нешляхетского происхождения, но сочувствие это было, конечно, чисто платоническое, потому что нешляхта была лишена активного участия в государственных делах²⁹.

²⁶ Утверждаем это вопреки Соловьеву, *op. cit.* II кн., столб. 204.

²⁷ Тургенев, I. 230.

²⁸ См. Трачевский, *op. cit.* Примечания, стр. 101.

²⁹ Венецианский посол Липпомапо выражается о событиях безкорольева после бегства Генриха таким образом: «говорят, что народ литовский и русский хотел бы видеть его (т. е. Иоанна) польским королем и что он имеет не менее многочисленную партию, как и всякий другой претендент на корону, особенно между крестьянами, но они мало ему помогут, ибо к избирателям не принадлежат», см. *Relacje juncjuszow apostolskich i imiych osob w Polsce*. Berlin – Poznan, t. I, 280.

Христофор Радзивилл. Гравюра XVI в.

О московской кандидатуре думало также и духовенство, имевшее, конечно, прежде всего в виду интересы церкви, распространение католичества. Но Ходкевич высказывался против

этой кандидатуры самым решительным образом, так что мысль об ней была оставлена духовенством³⁰.

Несмотря на это, литовские вельможи продолжали обманывать Иоанна заявлениями о своем желании подчинить Речь Посполитую власти московских государей. Они отправили к нему нового гонца Степана Матвеева и предлагали корону великого княжества литовского не самому царю, а младшему сыну его Феодору³¹, прибавляя, что будут советовать польским панам и склонять их к тому, чтобы и Польша также избрала себе королем царевича.

Но этим литовские вельможи не ограничились. Согласно желанию Иоанна, они отправили к нему посла, которого царь уже знал по предшествовавшим переговорам, присяжного писаря великого княжества литовского Михаила Гарабурду, дав ему поручение разузнать в точности, захочет ли младший сын Иоанна, царевич Феодор, утвердить клятвою свое обещание соблюдать права и вольности Литвы, если он будет избран на литовский престол, ибо они желают иметь у себя царевича великим князем³². Вместе с тем они просили царя продолжить перемирие³³, что и было главною целью всех этих дипломатических переговоров.

В отправке Гарабурды произошла задержка до конца 1573 года³⁴, так как Литовцы, узнав, что Иоанн выступил в поход против Шведов, успокоились: опасность не была уже так грозна.

Гарабурду Иоанн принимал в Новгороде (24, 25 и 28-го февраля и 6-го марта)³⁵. Царь отнесся к новым предложениям литовских вельмож недоверчиво, что было вполне основательно. Они оправдывали задержку в отправлении к царю посольства моровым поветрием, которое свирепствовало в Литве и Польше и не позволило съехаться вместе литовским и польским вельможам, чтобы обсудить вопрос, кого избрать в короли Речи Посполитой. Во-вторых, они предлагали корону то самому Иоанну, то его сыну Феодору. Все это могло возбуждать в царе подозрение, что Литва действует неискренно. Однако цель, с какою Гарабурда ездил к Иоанну, была достигнута: перемирие не было нарушено, хотя и не вполне, ибо московские войска, отправленные против Шведов, перешли границу Ливонии, принадлежавшей Речи Посполитой, выжгли и сильно опустошили окрестности замков Буртника и Руина. Это нападение возбудило в Ходкевиче, управлявшем Ливониею, сильное опасение, будет ли он в состоянии дать отпор многочисленной армии врага, так как у него войска немного; да к тому же, за недостатком денег, он не мог платить своим воинам жалованья. Опасения за судьбу Ливонии усиливались у Ходкевича еще вследствие того, что в стране обнаруживалось брожение умов, враждебное польско-литовскому владычеству: по Ливонии разъезжал какой-то аббат и возмущал ливонское дворянство и вообще население страны против Речи Посполитой³⁶.

³⁰ См. письмо папского нунция Коммендоне от 12-го сентября 1572. года. *Тургенев* I, 224, № CLX.

³¹ См. «Грамоту московского царя Иоанна Васильевича литовским радным панам в ответ на предложение и литовско-польского престола сыну его, царевичу Феодору» в «Акты, относящиеся к истории Западной России» III, 161, № 55. Матвеев был отправлен после Воропая, что явствует из след. слов грамоты: «что есте присылали до нас гонца своего Стефана Матвеева с грамотою и в той грамоте своей к нам писали есте: ведомо уже нашей милости есть, что великого государя Жигимонта Августа, короля и великого князя, брата нашего, а вашего государя, в животе не стало...» Можно предположить, что вопрос об избрании Феодора обсуждался на сеймике в Рудниках и что Матвеев был послан к царю с этого именно сеймика. В грамоте говорится дальше так: «а вы, рада, и також княжата и панята и все рыцертво...»

³² *W. S. hr. de Broel-Plaier. Zbior pamietnikow de dziejow polskich Warszawa, 1838, II, 20.* Грамота, данная Гарабурде, имеет такую пометку: *pisan w Rudnikach roku Bozego 1572, miesiecia oktobra 27 dnia*. Не ошибка ли это? Сеймик в Рудниках происходил в конце сентября, и едва ли он затянулся на целый месяц. Грамота, которую Гарабурда должен был представить царю, носит дату 27-го сентября (об ней ниже). Дата эта, кажется, вернее. Трудно предположить, чтобы литовские паны вторично собирались в Рудники в октябре. Гарабурда представителю отчет о своем первом посольстве к Иоанну на рудничком сеймике в конце сентября (*Тургенев*, I, 226») и тогда же он получил, вероятнее всего, новые полномочия посольские к Иоанну.

³³ Акты, относящиеся к истории Зап. Рос, III, 162, № 56.

³⁴ См. *Relacja poselstwa Michała Haraburdy (K. Sienkiewicz, Skarbiec historii polskiej, II, 63–77): Roku 1572 Grudnia 29 dnia będąc mnie Michału Haraburdzie posłanemu i рук. Ими. Пуб. библ. лат. F IV 33.*

³⁵ См. также *Тургенев*, I, 237–242, № CLXX.

³⁶ См. письмо Ходкевича от 9-го января 1573 г. к польским сенаторам в рук. Лат. F. IV. 33 и *K. Sienkiewicz, op. cit. II, 271–273.* Письмо это переведено на немецкий язык и помещено в *Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv, Est und*

Пересылки Литовцев с Иоанном вызывали в Польше неудовольствие и усиливали взаимное недоверие и вражду, которые существовали уже и так вследствие того, что Литва желала возвратить себе те земли, которые по условиям люблинской унии были присоединены к Польше³⁷. Здесь ходили слухи, что Литовцы готовы передаться московскому царю. Вражда разъединяла и литовскую знать, притом до такой степени, что некоторые литовские вельможи посылали в Польшу доносы на других, обвиняя их в тайных сношениях с иностранными государствами к вреду Речи Посполитой, именно в сношениях с московским царем³⁸. Однако Литва не желала уничтожить унию, так как, очевидно, считала ее для себя весьма полезной.

Несмотря на отчужденность, проявленную ей по отношению к Польше в 1572 году, литовский съезд, созванный на 20 декабря этого года и состоявший из вельмож и шляхты, решил отправить послов на конвокационный сейм, который должен был определить место, время и порядок избрания нового короля. Послами были подканцлер литовский Евстафий Волович и витебский каштелян Павел Пац. Явившись в Варшаву на сейм³⁹, они самым решительным образом вооружились против слухов о каких-то соглашениях Литвы с Москвой. По их словам, переговоры с Иоанном велись для того, чтобы возбудить в нем надежду на возможность утвердить так или иначе свое владычество над Литвою и таким образом удержать его от враждебных действий против Литвы и Ливонии. Они говорили, что Глебович донес ложно на Литву по давнишней злобе на Ходкевича. Эти объяснения вполне удовлетворили польский сейм, и сенат, и посольскую избу. По желанию Литвы, элекция короля отложена была до весны, т. е. до того времени, когда тают снега и разливаются реки, вследствие чего вторжение в страну особенно затруднительно для неприятеля. Деятельность литовской дипломатии увенчалась полным успехом. Но ей предстояла задача еще труднее – склонить Иоанна к продолжению перемирия. Царь угрожал, что если Речь Посполитая изберет в короли французского принца, тогда он будет промышлять над Литвой. А сейм как раз начал склоняться на сторону французской кандидатуры, Ввиду этого опасность со стороны Иоанна могла быть сильной. Однажды разнеслась даже весть, сообщенная сейму из Литвы Радзивиллом и другими вельможами, что Иоанн прислал в Полоцк своего сына с войском, что он сам следует за ним с другой армией и что таким образом Литве угрожает вторжение неприятеля. Элекционный сейм решил 29-го Апреля отправить к царю послом галицкого чашника Андрея Тарановского⁴⁰.

Kurlands. Riga, 1847. IV.

³⁷ *Hejdensztejn*, *Dzieje Polski*. I. 26; Тургенев, I. № CLXV и CLXVIII.

³⁸ Таковы доносы князя случского Юрия Омельковича и минского каштеля на Ивана Глебовича. *Hejdensztejn*, I. 46. *Plater*, *Zbior pamietnikow* III. 21 и *Chr. Varsevicii Rerum polonicarum libri III*. (*Krzysztofa Warsze wickiego niewydane pisma zebrał i wydat T. Wierzbowski*, Warszawa, 1883, стр. 26–27).

³⁹ Конвокационный сейм назначен был на 6-е января 1573 года. Гейденштейн ошибочно указывает в одном месте (I. 35) 6-е февраля, как начало сейма, но в другом месте (I. 42) он сам исправляет эту ошибку. День открытия конвокационного сейма определяется лат. рук. F. IV. 33 в Публ. Библиот. и словами грамоты, посланной литовским вельможам со съезда в Мсцибове (*K. Senkievicz*, op. cit. II. 48–49).

⁴⁰ *Orzelski*, I. 102, рук. Лат. FIV, 36, pag. 80 в Публ. Библ.

Император Максимилиан II. Портрет XVI в.

Избрание Генриха на польский престол сблизило Иоанна с императором Максимилианом II, так как оба они потерпели неудачу в Речи Посполитой. Император отправил к царю письмо, в котором жаловался «на злодейство Карла IX, истребившего более 100 000 верных подданных в день св. Варфоломея, единственно за то, что они имели свою особенную веру», говорил с негодованием о дружбе французов с султаном, который помог Генриху приобрести корону Ягеллонов, убеждал Иоанна вступить за христиан, предлагал ему взять Литву, а Польшу уступить Австрии и заключить тесный союз с империей. Царь немедленно отправил гонца к Максимилиану, убеждая его употребить все меры к тому, чтобы не пропустить Генриха

в Польшу и прося прислать поскорее послов для заключения вечного мира между Австрией и Россией. «Мы все будем стараться о том, – писал Иоанн, – чтобы польское королевство и Литва не отошли от наших государств; мне все одно, мой ли, твой ли сын сядет там на престол»⁴¹.

При таких обстоятельствах приходилось исполнять свое поручение Тарановскому, что, конечно, миссию его делало весьма затруднительною. Польского гонца сопровождал известный уже нам литовский гонец Федор Зенкович Воропай. И сам Тарановский добровольно отправлялся только в качестве гонца. Он хотел действовать так, как будто бы он везет лишь письмо к Иоанну, а великое посольство идет вслед за ним.

Посланцы переехали границу московского государства 19-го июня. Их приняли здесь весьма радушно. Велижский воевода сопровождал их до Новгорода, где тогда был Иоанн и по обыкновению старался выведать от гонцов побольше вестей о том, что происходит в Речи Посполитой. Хитрый Поляк прикидывался сторонником московского царя, отделялся от привязчивого любопытства воеводы и приставов заявлениями, что много обывателей и Польши, и Литвы желают иметь своим государем Иоанна, предлагал свои услуги царю и таинственно намекал, что имеет весьма важные словесные поручения, которые может сообщить только самому государю.

Иоанн принял Тарановского и Воропая весьма ласково, пригласил их к своему столу и щедро угощал. А затем 12-го июля расспрашивал Тарановского, почему и на каких условиях избран французский королевич и почему не избрали его, Иоанна, или его сына, или, наконец, Максимилианова сына. Тарановский дал такой ответ. Сейм с великим сожалением отказался от выборов Иоанна, и только потому, что царь не пожелал прислать, подобно другим государям, своих послов на сейм и таким образом показывал вид, как будто он не хочет приобретать польской короны. Разошелся было слух, что на сейм едет великое посольство от царя, вследствие чего сейм шесть недель провел под Варшавою, не приступая к выборам короля, так как питал надежду на скорое прибытие посольства. Посылали даже двух гонцов, одного по направлению к Полоцку, а другого к Витебску, чтоб узнать от пограничных воевод и старост, едет ли посольство или нет. И когда гонцы принесли известие, что царь посла не пришлет, тогда только сейм приступил к выборам.

Ждать же дольше не было уже никакой возможности. Возле Варшавы собралось с лишком сто тысяч человек, вследствие чего явилась потребность в громадном продовольствии. Дело дошло, наконец, до того, что в окрестных деревнях нельзя было достать ни овса, ни сена, ни травы, ни соломы, нельзя было приобрести съестных припасов даже за деньги. Поэтому пришлось поскорее начинать и кончать выборы. Сын императора и сын самого Иоанна не избраны за молодостью лет. Но если бы сам царь приехал управлять Польшей, тогда получил бы престол Речи Посполитой и сын его Федор. Ибо уже назначены были даже те лица, которые должны были учить его языкам польскому, немецкому, итальянскому и латинскому.

Королевич французский избран, но с таким условием, – намекал ловкий гонец, – что есть еще возможность занять польский престол и самому Иоанну. Французскому королевичу назначен срок приезда в Польшу – день св. Мартина (11-го ноября). Не приедет к этому сроку – и Поляки вольны выбрать другого государя.

А приехать ему трудно, потому что придется ему совершить путешествие или по морю, или через враждебную немецкую страну. К Иоанну же собирается ехать вскоре из Польши торжественное посольство, которое уладит несомненно недоразумения, вызванные отчетом посла Гарабурды. Он донес Полякам и Литовцам, будто царь в беседе с ним заявил, что отпускать сына своего Федора царствовать в Речи Посполитой на условиях, представленных Гарабурдою, не желает. «Сын мой не девка, – сказал будто бы царь, – и я приданого за ним не дам, не уступлю ни Полоцка, ни Смоленска, ни Ливонии; напротив того, пусть Речь Посполитая отдаст

⁴¹ Оржельский называет его только Федором, но фамилию его мы узнаём из письма Иоанна.

мне Киев. Если Федор будет королем, то другому роду уже не царствовать в Речи Посполитой». Эти выражения и другие оскорбили сенаторов Польши и Литвы. Но так как словам Гарабурды никто не верит, то все может хорошо окончиться.

Услышав объяснения Тарановского, Иоанн перестал гневаться на Ляхов, считая причины, вследствие которых они избрали королем французского принца, основательными; по его мнению, поведение Поляков по отношению к нему было вполне корректное, и напутали только Литовцы⁴².

Иоанн поверил объяснениям Тарановского, стал питать надежду на возможность своего избрания в польско-литовские короли и вследствие этого заключил с Речью Посполитой перемирие еще на один год⁴³, вопреки советам цесарского посла Павла Магнуса, который был в это время у Иоанна⁴⁴.

Вместе с тем Иоанн поспешил принять меры, направленный к тому, чтобы Генрих не был пропущен в Польшу. С этой целью он сблизился с императором, как об этом мы уже выше говорили, с этою же целью он вошел в сношения с дружественным себе королем Дании. В письме к последнему он просил не пропускать Генриха через пролив Зунд ни из Франции в Польшу, ни назад, обещая за эту услугу отдать всю Ливонию его брату Магнусу и даже самому датскому королю, если у Магнуса не будет потомства⁴⁵.

Перед Поляками Иоанн так оправдывал свой образ действий. К нему приезжали Федор Зенкович Воропай и Михаил Гарабурда, которые вели с ним переговоры об условиях, на каких он может занять престол Речи Посполитой, а потому он считал уже дело порешенным и вследствие этого на элекционный сейм послов своих и не посылал. При этом он выражал надежду, что в том случае, если Генрих не прибудет к установленному сроку, Поляки пожелают иметь его своим государем, и обещал отправить для переговоров об условиях его избрания послами ивангородского наместника и своего ближнего дворянина Михаила Васильевича Колычева да дьяка Петра Ерша Михайлова⁴⁶.

Вместе с тем Иоанн понял, что главными виновниками неудачи, постигшей его, были литовские вельможи. Они присылали к нему Гарабурду лишь с той целью, чтобы выведать его намерения, а совсем не для того, чтобы договориться об условиях избрания его на польско-литовский престол; он беседовал с послом по душе, без всякого лукавства, но и тайно, а они оповестили весь мир и планы его расстроили⁴⁷.

К ведению мирной политики по отношению к Речи Посполитой побудили Иоанна также и неблагоприятные вести, шедшие с востока и с театра войны против Шведов. В казанской и астраханской области произошло возмущение Черемис и Татар, которое принудило царя направить вооруженные силы государства в эту сторону и сохранять мир на западной границе⁴⁸. Кроме того, поражение, которое русские воеводы потерпели от Шведов близ Лоде, сделало Иоанна миролюбивее: он начал переговоры со шведским правительством о заключении мира⁴⁹.

Поверив заявлению Тарановского о том, что избрание его королем еще возможно, Иоанн отправил в Польшу посольство, но оно было задержано в Литве до тех пор, пока не соберется вальный сейм⁵⁰. Очевидно, это был только предлог; послы же были задержаны нарочно литов-

⁴² Это мнение Иоанна, сообщаемое Тарановским, подтверждает сам Иоанн в своем письме.

⁴³ Рассказ самого Тарановского (см. прибавление III) о посольстве совпадает с рассказом Оржельского (I, 154–156).

⁴⁴ *Тургенев*, I, 247, № CLXXIII.

⁴⁵ Письмо Тарановского и Оржельский (I, 156).

⁴⁶ См. письмо Иоанна к польским сенаторам; почти то же говорит и Оржельский, I, 178–179.

⁴⁷ Письмо к литовским вельможам.

⁴⁸ *Соловьев*, II, 259. Акты, относящиеся к ист. Зап. Рос. т. III, 164–165, № 58 и письмо Тарановского (прибавл. III).

⁴⁹ См. летопись Рюссова в Сборнике материалов и статей по ист. Прибалтийского края. Рига. 1880, III, 219–221 и Соловьев, II, 259.

⁵⁰ *Тургенев*, I, 249–250. №№ CLXXV и CLXXVI. Настоящие имена послов узнаём мы из письма Иоанна (см. прибавление

скими вельможами с тою целью, чтобы продлить время до тех пор, пока не прибудет в Польшу Генрих⁵¹. Так действительно и случилось. Тогда Иоанн отозвал своих послов назад⁵².

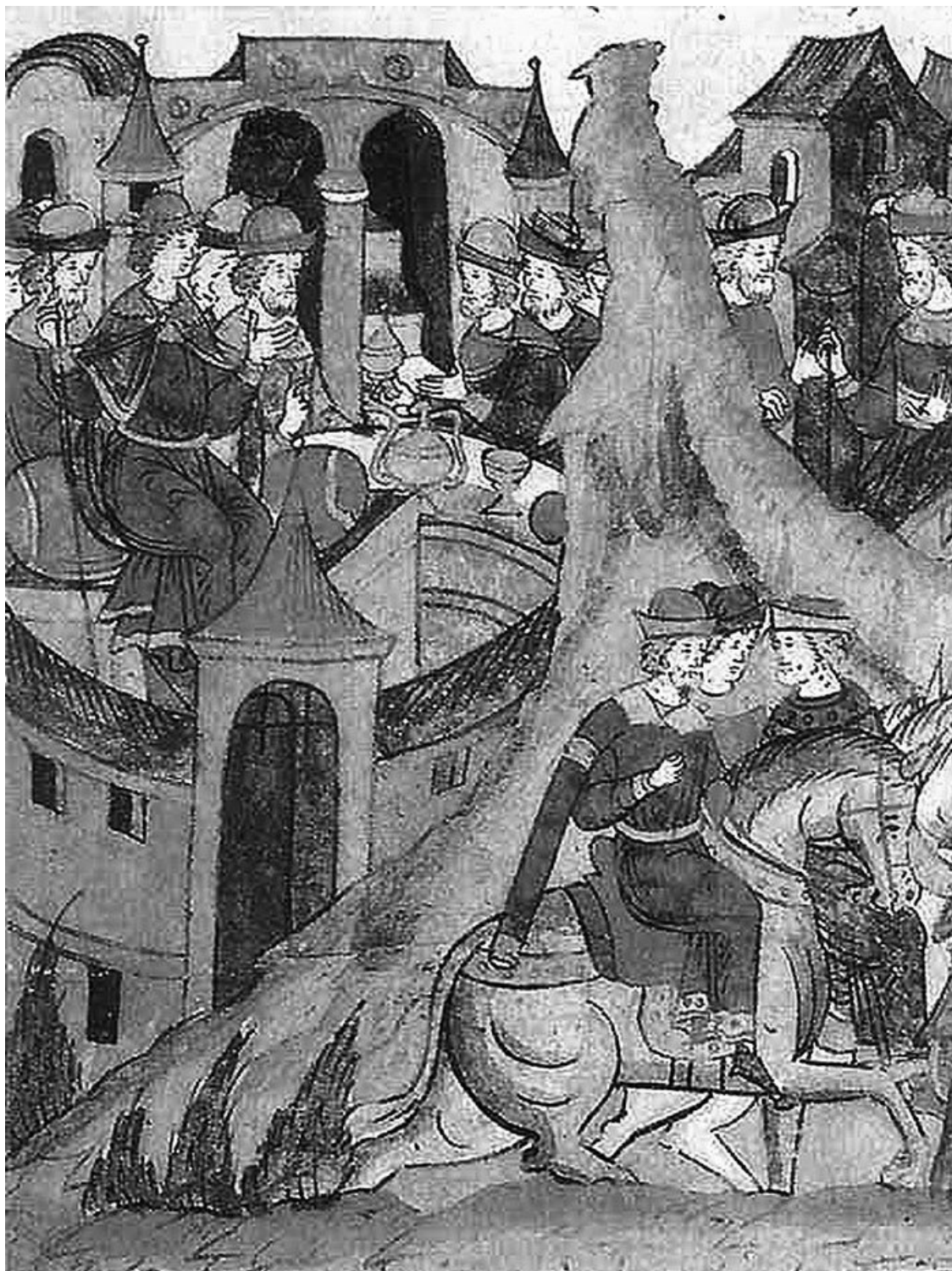
Иоанн сохранял с Речью Посполитой мир и в царствование Генриха, потому что принуждали его к этому обстоятельства: со Шведами происходила по-прежнему война; кроме того, весной 1574 года стало угрожать московскому государству новое нашествие крымских Татар, так что необходимо было стянуть на берега Оки многочисленную войска⁵³.

И): это были ближний дворянин и наместник ивангородский Михаил Васильевич Колычев и дьяк Петр Ерше Михайлов. У Тургенева имена эти переданы в искаженной форме.

⁵¹ Оршанский староста Филон Кмита так выражался о посольстве Тарановского: «пан Тарановский не Литвы, але только своею одной жаловал шкуры, да на святого Михаила онного тирана за короля взяти обещал» (Акты Зап. Рос. III, стр. 179).

⁵² Акты Зап. Рос, т. III, стр. 165.

⁵³ См. донесения Филона Кмиты. Акты Зап. Рос, III, 166–179.

Иван Грозный посылает послов в Литву. Миниатюра XVI в.

К Генриху был отправлен царем гонец Федор Елизарьев сын Елчанинов⁵⁴; ему было поручено взять у короля опасную грамоту для послов, которых царь намеревался отправить к королю для поздравления его с восшествием на престол⁵⁵. Но царский гонец не застал уже

⁵⁴ По словам Кмиты, гонец должен был прибыть к границам Речи Посполитой 9-го июня, см. Акты Зап. Рос, III, стр. 170.

⁵⁵ *Тургенев*, I, № CLXXVII и CLXXVIII. Данные, имеющиеся в источниках, не дают нам возможности понять причины, вследствие которых Иоанн отозвал послов, отправленных в Литву еще до приезда Генриха и почему они были заменены гонцом. Эти послы, возвращаясь из Литвы, находились в Смоленске еще в мае, см. Акты Зап. Рос, III, 170. Оржельский

в Польше Генриха: в ночь с 18-го на 19-е июня он убежал из Кракова во Францию, опасаясь, что Поляки не отпустят его туда, для того чтобы занять престол, который освободился после смерти его брата Карла IX⁵⁶.

Сенат Речи Посполитой отправил к царю Варфоломея Завадского и Матвея Протасовича⁵⁷ известить его о возведении Генриха на престол и одновременно же об отъезде его во Францию и вместе с тем просил о продолжении перемирия еще на два года, на что Иоанн немедленно дал свое согласие. Литовско-польский престол снова был свободен и Иоанн снова мог питать надежду на мирное разрешение спора из-за Ливонии, так как опять являлась возможность приобрести корону Речи Посполитой.

Правда, царь заявил, что он желает сноситься только с самим королем, а не с сенаторами Речи Посполитой, но, очевидно, это была только простая дипломатическая вежливость, уместная к тому же и потому, что Иоанн не был еще уверен в бесповоротности отъезда Генриха⁵⁸.

Кроме того, у Иоанна был еще, конечно, и иной умысел: выгадать время и через своих послов разузнать лучше положение Речи Посполитой.

Елчанинов явился на конвокационный сейм, созванный в Варшаву на 24-е августа, но отказывался править посольство, заявляя, что у него письмо к самому королю, что он имеет поручения только к некоторым сенаторам, архиепископу, краковскому епископу, краковскому воеводе Фирлею, сandomирскому воеводе Зборовскому и серадзскому воеводе и что он будет говорить только с этими лицами⁵⁹.

Между тем Иоанн узнав о бегстве Генриха, выслал в Польшу к Елчанинову гонца Петра Давыдова с инструкцией, как Елчанинов должен действовать в Речи Посполитой при новых обстоятельствах. Этот гонец вез, вероятно, письма и к некоторым вельможам Речи Посполитой: по крайней мере, таковы были слухи⁶⁰. Мало того, Иоанн поспешил отправить послов, которые остановились недалеко от литовской границы, поджидая в Дорогобуже возвращения Елчанинова, чтобы следовать затем дальше в пределы Речи Посполитой⁶¹.

Расчеты Иоанна могли вполне оправдаться. Приверженцы его в Польше и Литве были весьма многочисленны. Волянь, Мазовия, Великая Польша, значительная часть Литвы и Украины желали видеть его на литовско-польском престоле, но аристократия светская и духовная, польская и литовская, всеми мерами противилась его избранию. Когда Елчанинов из Польши отправился в Литву и остановился здесь на долгое время, заявляя, что царь приказал ему ждать возвращения короля, литовские вельможи сильно встревожились. Понимая, что заявления царского гонца один только предлог, для того чтобы прикрыть настоящую цель столь продолжительного пребывания в Литве, именно желание ознакомиться хорошенько с ее состоянием и подготовить почву для успешного исхода выборов царя или его сына, они учредили над московским гонцом самый бдительный надзор и старались стеснить свободу его действий⁶².

свидетельствует (I, 281), что на коронационном сейме был уполномоченный от Иоанна и что он остался недоволен тем ответом, который получил на свое посольство. Что это за уполномоченный, трудно сказать.

⁵⁶ Федор Елизарьев был в Орше 20-го июня, см. Акты Зап. Рос. III, стр. 173.

⁵⁷ Завадский и Протасович были в Орше от 28-го до 31-го июля ib. III, стр. 173. Иоанн принимал их в Старице в половине августа ib. III, стр. 176.

⁵⁸ Перемирие было заключено от дня Успения Богородицы 1574 г. до Успенева дня 1576 г. см. Тургенев, I, № CLXXVII и CLXXVII.

⁵⁹ Посол прибыл в Варшаву 7-го сентября: см. *Ф. Вержбовский*, Викентий Лаурео и его неизданные донесения кардиналу Комскому. Варшава, 1887, стр. 87–88. О таком заявлении посла говорят Оржельский (II, 40) и Лаурео (стр. 91). См. также *W. Zakrzewski*, Po ucieczce Henryka. Krakow. 1878; стр. 227–228.

⁶⁰ Акты Зап. Рос., III, стр. 177.

⁶¹ Они находились в конце сентября в Дорогобуже, ib. стр. 177.

⁶² *W. Zakrzewski*, op. cit., стр. 227–228.

Виленский воевода Радзивилл и Ян Ходкевич устроили такую стражу на границе Польши и Литвы, что сношения Поляков с Москвой были невозможны⁶³.

Такой образ действий литовских вельмож вызывал среди польской шляхты негодование, которое особенно сильно обнаружилось по следующему поводу. У одного шляхтича, Христофора Граевского, отправлявшего свои товары в Москву, Иоанн велел отобрать их в казну за то, что не была уплачена какая-то пошлина. Тогда собственник транспорта поехал сам в Москву, чтоб похлопотать о возвращении своего имущества. Иоанн приказал позвать его к себе, расспрашивал его о том, не задержан ли его гонец в Польше, и дал ему отвезти на родину следующие поручения. Он желает соединить свое государство с Польшею такими же узами, какими Ягелло соединил Литву с ней.

Он готов отказаться даже от своей веры и перейти в иную, если только на публичном диспуте будет доказано превосходство последней. В Польшу он явится с небольшой свитой, чтоб договориться относительно условий, на каких он согласен принять корону, если ему будет прислана соответственная опасная грамота. Он убежден, что Поляки позволят ему свободно возвратиться назад в Москву согласно опасной грамоте. Тогда между Польшей и Москвой утвердятся вечный мир и союз. Эти обещания со стороны Иоанна, весьма заманчивые для польской шляхты, были, очевидно, дипломатической уловкой с целью усилить еще более расположение к себе своих сторонников в Речи Посполитой. Граевский повез эти предложения в Польшу, но в Дисне, по приказанию виленского воеводы, он был схвачен и заключен под стражу. Об этом насилии польская шляхта узнала случайно из письма, которое заключенный переслал своему брату⁶⁴.

⁶³ *Orzelski*, II, 112–113.

⁶⁴ *Orzelski*, II, 115–117. *Ф. Вержбовский*, Викентий Лаурео, стр. 245, 251. *Ф. Уманец* (Русско-литовская партия в Польше 1574–1576, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1875, декабрь, стр. 264) считает письмо апокрифическим. «Очевидно, что это письмо было или написано в Стенжице от имени Граевского, т. е. было подложно, или было написано самим Граевским и заключало в себе заведомую ложь. При всей непоследовательности Ивана Грозного, он не мог настолько увлечься польской короной, чтобы присоединить к ней свое родовое московское государство на тех же условиях, на каких Ягелло присоединял некогда Литву. Невероятно также, чтобы при переговорах о польской короне он согласился обойти дипломатический этикет, т. е. избрать в посредники случайно захватившего в Москву польского шляхтича. Вся фабула письма Граевского придумана, по всей вероятности, только для того, чтобы заинтересовать сейм его особой и вызвать ходатайство об его освобождении». То, что говорит историк, было бы, пожалуй, и основательно, если бы он не забыл объяснить нам, за что Литовцы посадили Граевского в заключение и что это было за подозрительное в глазах Ходкевича письмо, которое Граевский привез из Москвы, за которое он именно и угодил в тюрьму и которого Ходкевич не показал шляхте (*Orzelski*, II, 150).

Генрих III Валуа

Мер, направленных к тому, чтобы прервать всякие сношения с Москвою, литовским вельможам казалось мало. Они готовы были посягнуть даже на жизнь московского гонца.

Конвокационный сейм назначил бежавшему королю Генриху срок для возвращения – 12-е мая 1575 года, определив, что если он к этому сроку не возвратится, то сейм, который соберется к этому дню в городе Стенжице, приступит к избранию нового короля⁶⁵.

Срок этот прошел, а Генрих не возвратился, вследствие чего в назначенный день открылись совещания стенжицкого съезда. Тогда поехал сюда Елчанинов, чтоб сообщить съезду поручения, данные ему царем. Эта поездка вызвала большое беспокойство среди литовских вельмож. Они готовы были отравить его, лишь бы только он не явился в Стенжицу.

Опасения вельможества были совершенно основательны. Шляхта ожидала московского гонца с величайшим нетерпением, надеясь на то, что он привезет с собой предложения, которые обеспечат польско-литовскую корону за царем. Шляхта выслушала заявления гонца с напряженным вниманием и при полнейшей тишине, но разочаровалась в своих ожиданиях. Гонец заявил только, что царь желает получить ответ на письмо, которое он послал еще в 1573 году вместе с Гарабурдой, и узнать мнение о предложениях, сделанных в этом письме⁶⁶.

На это заявление гонца решено было дать ответ позже⁶⁷. Переговоры умышленно стали затягиваться, чтобы только выиграть время. Мало того, аристократы пустили в ход свои прежние дипломатические уловки, стали уверять царя притворно в своей преданности и в желании избрать его королем. Гнезненский архиепископ Яков Уханский, глава Речи Посполитой во время безкоролевья и сторонник Генриха Валуа⁶⁸, сообщил Елчанинову образцы грамот, какие царь должен прислать к духовенству, вельможам, ко всему рыцарству и к каждому вельможе в отдельности. Поляки и Русские, писал архиепископ, будучи одного племени славянского или сарматского, должны, как братья, иметь одного государя. Виленский каштелян Ян Ходкевич, известный своей непримиримой враждой к Иоанну⁶⁹, явился однажды тайком, ночью, на свидание к московскому гонцу и заявил ему, что вся Литва только и ждет к себе царя на государство, причем он изложил те условия, на каких могло бы состояться избрание Иоанна. Трудно, говорил хитрый вельможа, принять литовцам условие наследственности короны в потомстве царя; трудно также отступить им от Киевской и Волынской земель, которые царь хочет присоединить к своему государству; наконец, трудно им согласиться и на то, чтобы царя венчал московский митрополит. Но если Иоанн откажется от этих требований, выбор его обеспечен⁷⁰. Преданность Литвы царю так была велика, по словам Ходкевича, что царь может отправить посольство в Литву и без опасной грамоты⁷¹.

⁶⁵ Orzelski, II, 45.

⁶⁶ Orzelski, II, 112.

⁶⁷ Ф. Версбовский, Викентий Лаурео, стр. 202. Аудиенция происходила 23-го мая.

⁶⁸ W. Zakrzewski, Po ucieczce Henryka, стр. 134; T. Wierzbowski, Jakob Uclianski, 556.

⁶⁹ Orzelski, II, 113.

⁷⁰ Щербатов, V, ч. 2-я, стр. 364; Соловьев, II кн., ст. 247.

⁷¹ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, изд. при упр. Вил. учебн. окр., т. IV, № 14.

Карта Ливонии. Антверпен 1573–1598 гг.

Ходкевич прибегал к подобного рода дипломатическим уловкам, чтобы отвратить опасность со стороны московского государства от Ливонии, которой он управлял. На верность этой страны Речь Посполитая не могла вполне положиться, как мы видели уже выше. В описываемый нами момент многие Ливонцы готовы были подчиниться Магнусу, который снова, при поддержке Иоанна, вел войну со Шведами, чтобы приобрести себе шведскую часть Ливонии; Ливонцы надеялись, что единоплеменный с ними государь выручит их родину из того бедственного положения, в котором она находилась⁷².

Как бы в оправдание опасений за судьбу Ливонии, в Польшу пришло известие, что Магнус, имея в своем распоряжении московское войско (12 000 человек), завладел городом Перновом, принадлежавшим Речи Посполитой. Противники кандидатуры Иоанна увидели в этом действии царя результат уговора с его сторонниками в Литве и Польше; они думали, что эти последние посоветовали ему подействовать на своих врагов угрозой, чтобы провести свою кандидатуру⁷³. Вследствие этого тревога еще более усилилась.

Чтобы затянуть переговоры, сенаторы Речи Посполитой не дали Елчанинову опасной грамоты для царских послов и оправдывались перед царем тем, что многие из них уехали со стенжицкого съезда, на котором присутствовал московский гонец. Важнее всего было для них

⁷² Orzelski, II, 79.

⁷³ Вержбовский, Вик. Лаурео, стр. 238, № 65.

сохранение мира; об этом они и просили Иоанна в грамоте, которую они послали к царю через Елчанинова⁷⁴.

К образу действий вельмож Речи Посполитой Иоанн отнесся недоверчиво⁷⁵; однако вести, сообщенные Елчаниновым, укрепили в нем надежду на то, что выбор его в короли возможен. Вследствие этого он отправил к сенату Речи Посполитой гонца Семена Бастанова, чтоб взять опасную грамоту для посольства, которое царь намеревался отправить в Польшу⁷⁶.

Кандидатура Иоанна могла иметь полный успех. Польская и литовская шляхта и после стенжицкого съезда относилась весьма сочувственно к кандидатуре царя⁷⁷, так что папский нунций, отстаивавший интересы австрийского двора, готов был поддерживать эту кандидатуру, ибо у него мелькнула мысль о возможности обращения Иоанна в католичество, когда царь сделается королем Речи Посполитой⁷⁸; аристократия же по-прежнему готова была употребить все средства, чтобы посольство Иоанна не явилось на избирательный сейм⁷⁹.

Кроме того, успеху царя вредила излишняя осторожность, медленность и неопределенность его политики. Шляхта, собравшаяся на избирательный сейм в Варшаву (7-го ноября), ожидала московского гонца с большим нетерпением⁸⁰. Когда она узнала, что он уже едет, она устроила ему торжественную встречу, выслав для приветствования его делегацию из 10 человек, чтоб выразить свое расположение к царю⁸¹.

Когда гонец прибыл, наконец, на сейм (17-го ноября) и заявил, что у него, кроме письма, нет никаких других поручений от его государя, сеймовые маршалы приказали ему удалиться. Но шляхта стала кричать, чтобы гонец остался, сел и подождал до тех пор, пока письмо его не будет прочитано, ибо все послы имеют на это право. Вследствие этого маршалы должны были указать место гонцу, хотя и сделали это с большим неудовольствием⁸².

В письме Иоанн жаловался, что послов и гонцов его задерживают в Речи Посполитой и поздно отпускают назад, заявил, что будет соблюдать мир с Литвою и Польшею, за исключением Ливонии, относительно которой он поведет особенные переговоры, и обещал прислать посла, но не великого посла, а меньшего⁸³.

⁷⁴ Акты Зап. Рос. III, стр. 182–184, № 60. Пометка документа датой 1574 г. неверна, так как Елчанинов уехал из пределов Речи Посполитой в самом конце мая или в июне 1575 года. Эти посольские речи московского государя передавал панам Речи Посполитой посланник Лука Захарьевич Новосильцов, а он уехал из Москвы в августе 1575 г. (см. *Бантыш-Каменский*, *op. cit.*, стр. 145).

⁷⁵ В верительной грамоте, данной гонцу Бастанову, Иоанн так выражается: *Nos quidem et nuntios ac internuntios ad vos mittimus, sed vos, Domini Consilarii, internuntios et nuntios nostros ad vos non recipitis* (*Тургенев*, I, стр. 269), а в письме к Ходкевичу от 21-го августа 1575 года так говорит: ...а что еси говорил гонцу нашему Федору Елчанинову хотя нашим послом и посланником и без опасные грамоты ехати в государство в великое княжество Литовское – ино им дорога чиста и тому статись невозможно, что нашим послом и посланником без опасные грамоты к вам идти, потому во всех государствах повеления, что послы и посланники из государства в государства ходят по опасным грамотам, а без опасные грамоты над послы и посланники что ся сделает, того чем встречати... (*Археограф*, сборн. докум., относящихся к ист. Северо-Зап. Руси, IV, № 14). То же самое почти царь приказывал сказать и Новосильцову (*Акты Зап. Рос. III*, № 60).

⁷⁶ Щербатов, *op. cit.* т. V, часть 2-я, стр. 365; *Тургенев*, I, стр. 268, № CLXXXIII. Верительная грамота Бастанова носит дату 12-го июля 1575 года.

⁷⁷ Об этом очень часто говорит папский нунций Лаурео, см., напр. *Вержбовский*, В. Лаурео, стр. 245.

⁷⁸ *Ib.*, стр. 257.

⁷⁹ *Ib.*, стр. 250–251.

⁸⁰ *Orzelski*, II, 211.

⁸¹ *Вержбовский*, В. Лаурео, стр. 285; *Hejdonsztejn*, I, 188 (польский перевод).

⁸² *Orzelski*, II, 212.

⁸³ *Щербатов*. *Op. cit.* т. V, ч. 2-я, стр. 365; *Тургенев*, I, 268, № CLXXXIII, *Orzelski*, II, 212; *Вержбовский*, В. Лаурео, 285.

Стефан Баторий. Гравюра XVI в.

Эти заявления сильно охладили настроение шляхты: она снова обманулась в своих ожиданиях, и число сторонников царя сразу очень уменьшилось⁸⁴.

Пока Иоанн собирался только еще выступить кандидатом на престол Речи Посполитой, здесь произошли уже выборы короля, но выборы двойные: аристократия провозгласила королем германского императора Максимилиана II, шляхта – седмиградского воеводу Стефана Батория. Вследствие этого возможность приобрести польско-литовскую корону продолжала существовать для Иоанна. Двойная элекция вызвала в Речи Посполитой неуверенность и колебание: та и другая партия опасались за успех своих избранников. Пока партии вели переговоры с ними о принятии условий, на которых отдавалась им корона Речи Посполитой, время уходило и были моменты, когда многим казалось, что ни тот ни другой избранник не явятся в Польшу.

Приверженцы императора нарочно рассеивали ложные слухи о Батории, чтобы вызвать смуту в умах своих противников. Они говорили, например, что императорские войска взяли

⁸⁴ *Вержбовский, Лаурео, стр. 285.*

его в плен и увели в Вену⁸⁵. Вследствие этого сторонников Батория мучило сомнение, прибудет ли он к сроку, назначенному для коронации⁸⁶. Император Максимилиан II медлил принятием короны: сторонники его назначили ему срок в один месяц для прибытия в Польшу; срок этот прошел, а император продолжал вести лениво переговоры с польским посольством, отправленным к нему в Вену его партией⁸⁷.

Все это возбуждало у многих мысль, что оба избранника не прибудут в Польшу, что произойдет новая элекция и тогда выбор несомненно падет на московского царя⁸⁸. О возможности выбора сообщил Иоанну гонец Бостанов, возвратившийся из пределов Речи Посполитой⁸⁹. Но в этот момент политика Иоанна получила иное направление, оставаясь, впрочем, по отношению к Речи Посполитой так же, как и прежде, недоверчивой и неопределенной. Максимилиан II предложил царю союз против Турок с тем, чтобы Иоанн поддерживал кандидатуру его сына Эрнеста на польско-литовский престол. Царь соглашался отдать Эрнесту только Польшу, а Литву с Киевом желал присоединить к своим владениям; что же касается Ливонии, то про-должал считать ее своей вотчиной⁹⁰.

Эти переговоры возбудили у Иоанна надежду приобрести Ливонию путем мирного договора с императором.

Предлагая Максимилиану раздел Речи Посполитой⁹¹, Иоанн в то же время старался приобрести ее для самого себя и с этой целью давал литовским вельможам самые заманчивые обещания: он отказывался от Киева, на владение которым он предъявлял раньше свои права, и готов был заключить унию на тех условиях, на каких она состоялась при Ягелле. Минский каштелян Ян Глебович, которому московский гонец сделал подобного рода заявление, отнесся к ним недоверчиво, однако заинтересовался ими и сообщил о них Ходкевичу, как о деле, достойном внимания и обсуждения⁹².

Такие же тайные переговоры Иоанн вел и с польскими вельможами. Гонцу наказано было явиться непременно прежде всего к гнезненскому архиепископу, что совершенно понятно, так как царь, на основании прежних сношений с ним, считал его одним из главных своих сторонников. Гонец, прибыв в Лович, резиденцию архиепископа, не желал ехать дальше в Краков, чтобы здесь в собрании польских сенаторов сделать заявления от имени своего царя, под тем предлогом, что так как в государстве нет короля, то он считает только архиепископа главою государства и получил приказание править свое посольство только там, где будет присутствовать архиепископ⁹³.

Когда гонцу была дана у архиепископа аудиенция, он потребовал опасной грамоты для главного посла, которого царь желает в возможно скором времени отправить в Польшу⁹⁴.

Очевидно, через этого гонца Иоанн хотел выведать состояние Речи Посполитой на случай войны с нею в союзе с Максимилианом для осуществления того плана, который он пред-

⁸⁵ Orzdzki, III, 112.

⁸⁶ Ib., III, 128.

⁸⁷ Т. Wierzbowski, Jakób Uchański, стр. 579, 584.

⁸⁸ Ф. Вержбовский, Викентий Лаурео, 378, 390 и др.

⁸⁹ Соловьев, II, стр. 251.

⁹⁰ См. посольство Кобенцеля и Принца (Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I, 481–567).

⁹¹ См. об этом вопросе также Al. Kraushar, Olbracht Łaski, wojewoda sieradzki, Warszawa-Kraków, 1882, II, 123–124.

⁹² Acta historica res gestas Poloniae illustrantia, t. XI (Acta Stephani regis 1576–1582), стр. 3, № III.

⁹³ О. Вержбовский, Викентий Лаурео, стр. 374 – и того же автора Отношения России и Польши в 1574–1578 годах по донесениям папского нунция В. Лаурео (Журн. Мин. Нар. Пров., август, 1882, стр. 224).

⁹⁴ Ф. Вержбовский, Отношения России и Польши, 1. с, стр. 225.

лагал императору⁹⁵, и вместе с тем узнать, окончательно ли исчезли его шансы на престол Речи Посполитой или можно попытаться еще счастья.

Так действовал он в своих тайных переговорах с литовскими и польскими вельможами. Явно же он рекомендовал Полякам избрать королем эрцгерцога Эрнеста, угрожая им войною, если они не подчинятся его желанию⁹⁶. Предложения царя литовцам были несколько иные: он выражал желание быть у них великим князем, отдавая польскую корону Эрнесту, а если Литва не хочет отделиться от Польши, советовал и Литве избрать австрийского эрцгерцога⁹⁷.

Такая политика не могла, конечно, возбуждать к себе доверия ни в польских, ни в литовских вельможах. Выражая полную преданность царю через посланника Новосильцева, бывшего в Литве в начале 1576 года⁹⁸, Ходкевич делал приготовления для защиты Ливонии в случай войны с царем⁹⁹. Литовский вельможа, усердный сторонник Габсбургов, разошелся со своей партией тотчас же после избрания своего кандидата, императора Максимилиана, на престол, вследствие того, что не получил от него денежных субсидий, на которые он рассчитывал, и перешел на сторону Батория, привлеченный золотом его приверженцев¹⁰⁰. С этого момента он стал действовать в Литве в пользу трансильванского воеводы.

Пока Иоанн вел дипломатические переговоры на два или даже на три фронта, в Польшу явился Стефан Баторий и с первых же шагов проявил замечательную решительность, быстроту и энергию. Он прибыл в Краков 22-го апреля, а 1-го мая был уже коронован королем. Своим характером он произвел на поляков самое лучшее впечатление. Умеренность, приветливость к окружающим, энергичность в словах и действиях, рассудительность, дар красноречия, образованность и в особенности отличное знание латинского языка – все это сразу очень понравилось его новым подданным¹⁰¹. В новой, незнакомой для себя обстановке, он, иностранец, сумел скоро ориентироваться и справиться с затруднениями, которые были немалочисленны и немаловажны. Государству отовсюду угрожала опасность. Хотя между Турцией и Речью Посполитой и существовал мир, но он во всякое время мог быть нарушен запорожскими казаками, которые производили опустошительные нападения на турецкие земли. К тому же, южные области находились в постоянной опасности со стороны Татар, которые своими набегами, точно саранча, уничтожали ежегодно плоды человеческого труда. Великий магистр тевтонского ордена, не прекращавший предъявлять притязаний на свои бывшие владения, мог легко воспользоваться затруднительным положением государства, чтоб возвратить себе свои потери, и это тем легче, что германский император, соперник Батория, мог оказать ему поддержку. Даже такое отдаленное государство, как Дания, в состоянии было причинить немало хлопот Речи Посполитой. Но самым опасным врагом был, конечно, московский царь, для которого Ливония составляла уже давно желанный предмет завоевательных стремлений, в случае осуществления которых возросшее могущество московского государства могло сделаться грозным для самого существования Польши. Эти внешние опасности усугублялись еще и вследствие того, что внутри государства царили анархия и раздоры. Не все области Речи Посполитой признавали Батория своим королем. Литва заняла по отношению к Польше враждебное положение: представители Литвы не присутствовали на коронации нового короля. Можно было думать, что число сторонников Максимилиана весьма значительно и что с ними предстоит упорная борьба, которая казалась тем опаснее, что императору могла оказать помощь империя.

⁹⁵ Al. Kraushar, op. cit., стр. 124.

⁹⁶ См. грамоту Иоанна к польским вельможам в январе 1576 г. (Щербатов, op. cit., т. V, ч. 4-я, стр. 160–163, № 25 и Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, I, 574–578).

⁹⁷ Щербатов, op. cit., т. V, ч. 4-я, стр. 163–169, № 25, и Памятники дипломат. снош., I, 578–584.

⁹⁸ Соловьев, II, 255.

⁹⁹ Ф. Уманец, Русско-литовская партия в Польше (Журн. Мин. Нар. Просв., декабрь, 1875, стр. 269).

¹⁰⁰ Ф. Вержбовский, В. Лаурео, стр. 332.

¹⁰¹ Orzelski, t. III, стр. 195.

К довершению всевозможных затруднений, у короля не было средств для борьбы со встречающимися препятствиями, так как казна была почти совершенно истощена¹⁰².

Во всех этих затруднениях Стефан Баторий обнаружил замечательную проницательность: своим избранием на польский престол он прежде всего был обязан влиятельному в Польше роду Зборовских¹⁰³; поэтому они надеялись на то, что заберут в свои руки государственные дела. Но они ошиблись в своих расчетах; их влияние продолжалось очень недолго. На коронационном сейме из-за должности канцлера возник сильный спор. Канцлер Дембинский был уже дряхлый старик, а потому не мог заниматься делами. Зборовские, открыто заявлявшие, что они доставили польскую корону Баторию, требовали этой в высшей степени важной государственной должности для своей семьи, чтоб еще более усилить свое влияние, и прочили на этот пост придворного маршала Андрея Зборовского. Но король назначил канцлером подканцлера Петра Кольского, а подканцлером – Яна Замойского. Последнее назначение особенно замечательно. Ян Замойский был одним из самых влиятельных вождей шляхетской партии; в лагере своих сторонников он исполнял уже должность канцлера в момент, очень важный для баторианцев, именно тогда, когда Батория не было еще в Польше. Так как канцлер и подканцлер принадлежали к партии императора, то баторианцы поручили Замойскому составить акт избрания Батория, снарядить к нему посольство и вообще иметь наблюдение за государственными делами; шляхта имела к своему вождю такое доверие, что многие, уезжая домой, оставляли ему бланки со своими подписями и печатями, разрешая ему писать на этих бланках все, что он сочтет за необходимое¹⁰⁴. Замойский оправдал доверие своей партии, и Баторий еще из Трансильвании обратил на него внимание, вступил с ним в переписку и обещал наградить его за оказанные ему услуги¹⁰⁵. Баторию, незнакомому с языком, обычаями, учреждениями Польши, необходим был помощник, сведущий во всем этом, указания которого давали бы ему возможность ориентироваться в чужой стране. Назначение Замойского подканцлером было весьма удачно: оно еще более расположило шляхту к Баторию и укрепило его положение в Польше. Послы шляхетские были так довольны этим назначением, что публично благодарили за это короля¹⁰⁶.

Баторию предстояло много хлопот, приходилось потратить еще немало энергии, чтоб окончательно упрочить свой престол в стране. Прежде всего необходимо было привести в покорность своих противников. Баторий обнаружил тут замечательный такт. Шляхта хотела принимать против врагов короля суровые меры. Баторий был иного мнения. Он полагал, что нужно действовать осторожно, соответственно тому, каков враг и в каком положении он находится. С Пруссией и Литвой необходимо было, по его мнению, вступить в переговоры и простить им все ради блага Речи Посполитой, на иных надо повлиять ласкою, к третьим отправить соглядатаев, чтоб высмотреть их положение и разом подавить всякое с их стороны сопротивление, наконец, четвертым прямо объявить борьбу и силой заставить их покориться¹⁰⁷.

¹⁰² A. Pawinski, *Źródła dziejowe*, t. VIII. (Skarbowość w Polsce i dzieje jej za Stefana Batorego), стр. 314–315.

¹⁰³ W. Zakrzewski, *Stefan Batory. Przegląd historii jego panowania*. Kraków, 1887, стр. 22–23.

¹⁰⁴ *Reinholdi Heidensteini, Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII*. 1672, стр. 92.

¹⁰⁵ Письма Батория к Замойскому из Трансильвании войдут в собрание, которое готовит к печати Краковская Академия Наук.

¹⁰⁶ *Heidensteini op. cit.* 99.

¹⁰⁷ *Orzelski*, т. III, стр. 246.

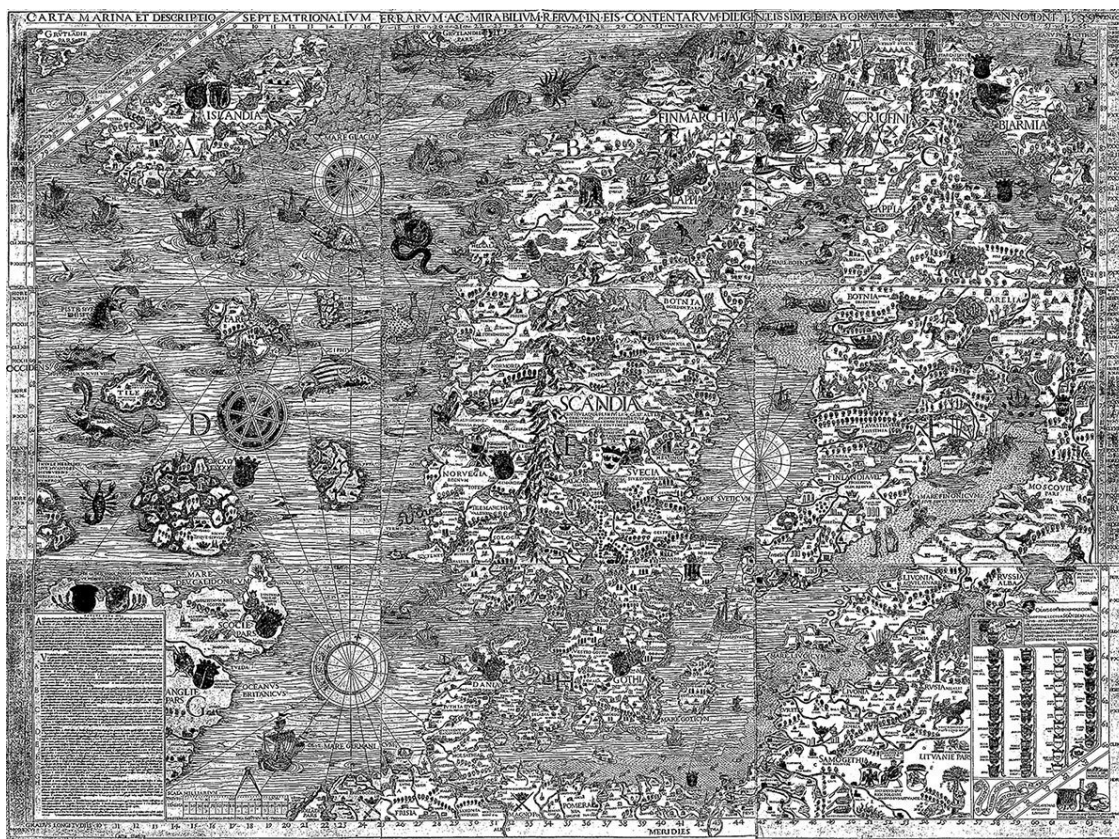
Ян Замойский. Портрет XVI в.

Баторий и стал так действовать. Главу цесарской партии, гнезненского архиепископа Якова Уханского, он хотел сначала привлечь на свою сторону переговорами и обещаниями, но когда тот вздумал было созывать своих приверженцев на съезд в Лович, свою резиденцию, Баторий заявил ему, что прибудет к нему завтракать, конечно, с вооруженной силой, и архиепископ смирился, а с ним подчинились Баторию и все приверженцы императора¹⁰⁸.

¹⁰⁸ *T. Wierzbowski, Jakób Uchański, Warszawa, 1895, стр. 596–597 и Викентий Лаурео, стр. 421.*

Что касается Литвы, то один из самых важных ее представителей Ян Ходкевич находился уже давно, как мы знаем, в сношениях с партией Батория. На него Баторий подействовал золотом и обещанием должности великого гетмана, на литовских вельмож – тем, что польстил их национальному тщеславию, ставя их выше Поляков. На новом съезде в Мсцибове Литва признала Батория своим королем¹⁰⁹.

С Пруссией король вступил в переговоры, но они не вполне увенчались успехом, так как город Данциг открыто против него возмутился; королю пришлось вести упорную войну, которая затянулась до конца 1577 года¹¹⁰. Эта война, потребовавшая присутствия самого короля на театре военных действий, отвлекала силы государства на запад и не позволяла Баторию действовать решительно против самого опасного врага Речи Посполитой – московского царя. Опасность с этой стороны могла угрожать немедленно. Баторий боялся даже, что Иоанн откроет враждебные действия еще до окончания срока перемирия, ибо приходили вести, что царь собирает войска с намерением вторгнуться в литовские пределы; ввиду этого король считал необходимым напомнить Литовцам о том, чтобы их посполитое рушенье было наготове отражать врага¹¹¹. Но посполитому рушенью Баторий не доверял, на успех в войне при таком способе ведения ее, как мы увидим ниже, не надеялся. Между тем срок перемирия с Москвою скоро уже истекал. Вследствие всех этих обстоятельств приходилось избирать путь дипломатических переговоров, чтобы хоть на некоторое время отсрочить неизбежную борьбу из-за Ливонии.

Карта Швеции, Ливонии и России. 1539 г.

¹⁰⁹ 3-го июня 1576 г., см. *Źródła dziejowe*, т. IV, стр. 19–22.

¹¹⁰ *Źródła dziejowe*, III, статья А. Павинского «Stefan Batory pod Gdańskiem», стр. I–LXXII.

¹¹¹ Акты Зап. Рос, т. III, 191, № 67.

Утвердив свой престол в Польше и Литве, Баторий отправил к Иоанну посланцев Юрия Грудзинского и Льва Буковецкого (12-го июля 1576 г.), чтоб известить царя о своем вступлении на престол и взять от него опасную грамоту для великих послов, которых он намеревается отправить для переговоров о заключении мира между Речью Посполитой и Москвой¹¹².

Грудзинский и Буковецкий приехали в Москву 27-го октября. Прежде чем представить их царю, им задали вопрос о происхождении Батория, объясняя, что царь желает согласно достоинству рода и сана короля поступать с его посланниками. Но посланники не захотели входить в объяснения, каково происхождение их короля и каковы его владения, говоря, что они присланы к царю польским королем и великим князем литовским.

Прием посланников состоялся 4-го ноября. Иоанн развернул при этом всю пышность, блеск и великолепие своего двора, чтоб показать Баториевым посланникам глубокую разницу между его царским величием и положением их короля, которого он считал данником турецкого султана. Иоанн сидел на троне в великолепном одеянии и мономаховой шапке, окруженный роскошно разодетыми боярами, дворянами, дьяками и иными придворными чинами. При представлении посланников царь не привстал, как того требовал обычай, и, спрашивая о здоровье Батория, не назвал его братом. Стола посланникам не было и их не сажали на скамье перед царем¹¹³. Иоанн был недоволен тем, что Баторий не давал ему царского титула, не называл его князем полоцким и смоленским и не считал его наследственным владетелем Ливонии, однако заключить перемирие согласился и дал опасную грамоту для великих послов Батория¹¹⁴.

Король был тоже недоволен царем: его оскорбило то, что Иоанн не хотел давать ему титула «брата» и принял его посланников неподобающим образом¹¹⁵. Так уже с первых шагов между Баторием и Иоанном начались недоразумения.

Иоанн не вступал пока в открытую борьбу с Речью Посполитой, потому что он не переставал еще надеяться приобрести Ливонию путем соглашения с германским императором. По трактату, который между собою заключили эти государи, Максимилиан уступал Иоанну Литву и Ливонию, оставляя за собою Польшу и Пруссию¹¹⁶. Однако этой политической комбинации не суждено было осуществиться, ибо Максимилиан II вскоре после того умер (11-го октября 1576 г.).

Баторий вел переговоры с московским царем о заключении мира и в то же время принимал меры для защиты государства от него. Он приказал литовскому польному гетману Христофору Радзивиллу поставить конные отряды в пограничных замках, в Витебске, Лепеле, Мстиславле, Орше (по 100 человек) и в Уле (50 человек) и уплатил часть жалованья на содержание этих отрядов из собственной казны¹¹⁷. Много король не мог сделать, потому что казна была пуста. Он изыскивал различные источники, чтоб раздобыть средства. Так, он поехал в Тыкоцин, чтобы осмотреть сокровищницу, оставшуюся после покойного Сигизмунда, очевидно, с намерением воспользоваться ею для удовлетворения государственных нужд¹¹⁸, но больших сумм здесь не нашел¹¹⁹. Из Тыкоцина он отправился в Кнышин, куда созвал польских и литовских вельможе, чтобы посоветоваться с ними о делах Ливонии¹²⁰. Эта страна требовала осо-

¹¹² Книга посольская Метрики Великого Княжества Литовского, Москва, 1843, т. II, №№ 1, 2, 3 и Acta Stephani regis, № XXVII, XXVIII и XXIX.

¹¹³ Метр. Лит., II, № 6.

¹¹⁴ Метр. Лит., II, №№ 9 и 10.

¹¹⁵ Acta Stephani regis, стр. 163 («mowiae o nas uszczypliwie»).

¹¹⁶ Вержбовский, В. Лаурео, 462.

¹¹⁷ Acta Stephani regis, 38, № XXVI.

¹¹⁸ В Тыкоцин Баторий выехал 10-го июля, см. Acta Sfehani regis, № XXVI, стр. 41, и Вержбовский, В. Лаурео, стр. 457.

¹¹⁹ Źródła dziejowe, t. VIII, (A. Pawiński, Skarbowość w Polsce i jej dzieje za Stefana Batorego), стр. 325–326.

¹²⁰ Совет был созван в Кнышине на 23-е июля. Acta Stephani regis, № XXVI, стр. 41.

бенной бдительности, так как она оставалась почти совсем беззащитной, и Ходкевич отказывался от управления ею.

Королю удаюсь уговорить его остаться администратором Ливонии, но дать значительных средств на ее защиту он не был в состоянии, потому что денег неоткуда было взять. Пришлось ограничиться пока постановкою небольших отрядов в крепостях: в Динамюнде — 160 человек, Мариенгаузе — 100, в Режице (Розитене) и Люцене по 50 и в Лемзеле — 25. Финансовое положение было до такой степени затруднительно, что нельзя было исполнить королевского приказа относительно высылки отряда в 1500 человек на границы Литвы¹²¹, ибо денег хватило только на 600 человек¹²².

Между тем внимание Батория и силы его отвлекла война с Данцигом: король счел необходимым отправиться лично в Пруссию и созвать сюда, поближе к театру военных действий, сейм в Торн¹²³, чтобы добиться от своих подданных разрешения установить новые налоги на ведение войны с Данцигом и на иные военные потребности, под которыми, конечно, подразумевались прежде всего защита государственных границ на востоке и приготовления к борьбе с московским государством.

На сейме произошел сильный разлад между королем и посольской избой. В королевских предложениях шляхетские послы усмотрели нарушение того порядка совещаний, которого сеймы должны были придерживаться согласно существующим законам, а в королевских желаниях слышали тон приказа подчиняться королевской воле, что они считали оскорблением для своей вольности. «Мы не хотим, — говорили они, — чтобы на нас низринулось ярмо, под которым нам придется говорить не о том, в чем нуждается Речь Посполитая, но о том, что нам прикажут...» Они заявили, что разрешили королю взимать налоги не «из обязанности, но из желания усилить государственную оборону» и под тем условием, что «шляхта впредь этим налогам не будет подвергаться» и что «король будет исполнять свои обязательства относительно защиты государства».

На сейме обнаружился также, по обыкновению, и сильный социальный антагонизм, вызываемый экономическими интересами. Магнаты, владельцы королевских имений, говорила шляхта устами своих сеймовых представителей, задерживают доходы, даваемые королевскими имениями, и таким образом лишают государственную казну средств и приводят ее в самое отчаянное положение. А потому все обязаны отдать казне задержанное от смерти его велич. короля Сигизмунда-Августа до отъезда короля Генриха из Польши¹²⁴.

Спор обострился еще и по следующему поводу. Баторий домогался, чтоб ему было разрешено делить на части земское ополчение, но встретил столь сильное противодействие со стороны сейма, что должен был оставить этот свой проект военной реформы. Посполитное рушенье представляло собою толпу плохо дисциплинированных, а часто и плохо вооруженных шляхтичей на конях и имело такую же цену в военном деле, как и конница служилых людей в московском государстве. Разделением его король хотел, очевидно, сделать его подвижнее и уменьшить вред, причиняемый этою громадною массою тем областям, по которым она двигалась, производя опустошения на своем пути. Шляхта отнеслась к королевскому проекту недоверчиво: она опасалась, что король, имея право делить земское ополчение, захочет ослабить ее вооруженные силы, чтоб укрепить свою собственную власть, а пожалуй, и захватить полное господство над ней¹²⁵. Непригодность шляхетской конницы для военного дела понимал

¹²¹ Acta Stephani regis, стр. 50, № XXXIII.

¹²² Ib., стр. 53, № XXXV.

¹²³ Сейм был созван на 4-е октября, но совещания начались только 19-го октября, ибо король прибыл две недели спустя после назначенная срока, см. Źródła dziejowe, VIII, 319.

¹²⁴ A. Pawinski, Skarbowość w Polsce (Źródła dziejowe, VIII, 320–324).

¹²⁵ Один из послов, Оржельский, автор замечательной истории польских безкоролевьев (1572–1576), прямо заявил в своей речи, что разделение посполитого рушенья повлечет за собой «celerum interitum» (очевидно, шляхты) и покажет путь в буду-

не только король, но и другие военные люди того времени. Литовские послы, явившиеся на торнский сейм, потребовали, чтобы Поляки, согласно условиям Люблинской унии, оказали помощь Литве в теперешнем ее критическом положении, когда ей угрожает сильная опасность со стороны московского царя. Поляки согласились двинуть на помощь литовцам свое посполитое ополчение; на это литовцы заявили, что оно не только будет вредно, но прямо пагубно для их родины, а потому предложенную поляками помощь отвергли¹²⁶.

Сейм разошелся без всякого результата¹²⁷, и решение вопроса об усилении государственной обороны отложено было до будущего сейма¹²⁸.

Затруднительные обстоятельства, в которых находился Баторий, заставляли его прибегать к дипломатии, чтобы хоть на короткое время отсрочить борьбу с грозным врагом на востоке. Когда Юрий Грудзинский и Лев Буковецкий возвратились из Москвы и привезли с собою опасную грамоту для великих послов, которых король собирался отправить к Иоанну, тогда снаряжено было немедленно посольство, во главе которого стали мазовецкий воевода Станислав Крыский, минский воевода Николай Сапега и дворный подскарбий литовский Федор Скумин¹²⁹. Вместе с тем Баторий строго-настрого приказал соблюдать полное спокойствие на границах с московским государством, чтобы не давать даже малейшего повода к столкновению¹³⁰.

Но дипломатия могла оказаться безуспешной. И в самом деле, на такой исход переговоров с московским царем указывали в начале 1577 года некоторые обстоятельства, и притом весьма серьезные. Жители мятежного города Данцига завязали сношения с Москвой и Татарами, чтоб получить оттуда помощь или по крайней мере поставить Батория в затруднительное положение, чего они и добились до известной степени. Царь отправил крымскому хану подарки, и Татары произвели свой обычный опустошительный набег на Волынь и Подолию. Баторий мог подозревать, что Иоанн начнет скоро войну, следовательно, весьма близок момент величайшей опасности для государства. Чтоб отразить ее, необходимо было изыскивать средства, и изыскивать поспешно. Баторий проявил при этом свою обыкновенную энергию. Он созвал на 23-е марта сенаторов в город Влоцлавок и предложил им обсудить миры, необходимые для государственной обороны¹³¹. Сенаторы посоветовали обратиться к шляхетским сеймикам непосредственно за новыми налогами и не созывать сейма, так как совещания его бывают безрезультатны. Мера, присоветанная королю сенаторами, была противна конституции, тем не менее Баторий решил испробовать ее¹³². Чтоб сильнее повлиять на умы шляхты и таким образом склонить ее к необходимым пожертвованиям на защиту государства, король изобразил печальное состояние страны самыми яркими красками. Жители Данцига не только упорствуют в своем мятеже, но производят неслыханные грабежи и насилия. Они опустошили много шляхетских имений, разрушили монастырь Оливу, намереваются уничтожить и самое имя Польши в Пруссии. Мало того, они обращаются за помощью к врагам Речи Посполитой и строят всюду против нее козни. В то же время Татары своими вторжениями в пределы государства причинили ему немало вреда. Опасность угрожает и со стороны московского царя. Речь Поспо-

ищем «ad servitutum» (см. *Bezkrólewia ksiąg ośmioro*, tom wstępny, str. 33).

¹²⁶ *Acta Stephani regis*, 62, № XLII.

¹²⁷ Немало мучили на сейме и враги Батория, вооружая против него шляхту; они начали сноситься даже с императором и подумывать о низложении Батория, см. *Hegdensztejn*, I, 262, 264.

¹²⁸ *Acta Stephani regis*, № XLII, стр. 64.

¹²⁹ О немедленном снаряжении посольства король пишет уже 3-го января 1577 года, см. *Acta Stephani regis*, стр. 64, № XLIII.

¹³⁰ *Акты Зап. Рос.* III, стр. 206, № 78.

¹³¹ *Acta Stephani regis*, стр. 79, № LIII.

¹³² *A. Pawinski*, *Skarbowość w Polsce za Stefana Batorego*, стр. 328.

литая погибнет, если не будет оказана ей помощь¹³³. Так король говорил к шляхте. Одновременно он пробовал добыть средства и из других источников. Маркграф ансбахский хлопотал о предоставлении ему опеки над душевно больным герцогом прусским Фридрихом-Альбрехтом. Король согласился исполнить желание маркграфа, но под условием уплаты 200 000 золотых. По просьбе короля, частные лица дали казне денег в ссуду. Вместе с тем Баторий решил привлечь к пожертвованиям и духовное сословие, которое освобождено было от государственных налогов и только по своей доброй воле давало иногда субсидию государству. По этому поводу собрался синод в Петрокове и желание короля было удовлетворено: синод определил дать королю субсидию, которая могла достичь суммы 70 000 золотых. Обращение к шляхте увенчалось тоже успехом. Главные провинциальные сеймики в Коле, Корчине и Варшаве установили налоги согласно положениям, определенным на люблинском сейме 1569 года¹³⁴. Прусский сеймик в Грудзиондзе увеличил побор в 200 000 золотых еще на 100 000. Сенат разрешил Баторию заложить даже коронные драгоценности¹³⁵.

Литовцы позамешкались несколько в установлении налогов, необходимых для государственной обороны, хотя опасность со стороны Иоанна была уже близка: он стянул уже свои войска в Новгород и Псков. На эту мешкотность литовцев Поляки обратили внимание короля, и он должен был сделать им упрек за это, побуждая их вместе с тем принимать поскорее меры для защиты Ливонии¹³⁶.

Литовцы на своем главном сеймике в Волковыске пришли тоже, как и Поляки на своих главных сеймиках, к заключению, что необходимо установить налог на всех без исключения, ввиду грозной опасности, надвигавшейся со стороны московского государства¹³⁷.

Опасения Батория относительно того, что дипломатические переговоры с Москвою могут быть безуспешны, оказались вполне основательными. Баторий напрягал усилия свои к тому, чтобы увеличить средства, необходимые для государственной обороны, а Иоанн принял уже давно (еще 10-го февраля 1577 года) постановление «идти очищать свою отчину Вифлянскую землю»¹³⁸.

¹³³ Acta Stephani regis, стр. 67–72, № XLVI.

¹³⁴ A. Pawiński, Skarbowość... стр. 330–332; Acta Stephani regis, стр. 81, № LXI.

¹³⁵ Hejdensztein, Dzieje Polski, I, 266.

¹³⁶ Акты Зап. Рос, III, 209–211, № 82. Сеймики в Польше окончились уже в мае (Acta Stephani regis, 81, № LVI); литовский же сеймик происходил в июле.

¹³⁷ Acta Stephani regis, 82, № LXIII.

¹³⁸ Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного в 1577 и 1578 годах (Военный Журнал, издаваемый Военно-Учебным Комитетом, 1852 год, № 1, стр. 131: «7085 году, февраля в 10-й день, Государь Царь и Великий Князь Иван Васильевич всеа Руси, приговорил с сыном своим, с Царевичем Иваном Ивановичем, и со всеми бояры, прося у Бога милости, идти очищать свою отчину Вифлянскую землю, а с ними быти Великому Князю Семionу Бекбулатовичу Тверскому, иным боярам и воеводам, по росписи».

II. Ливонский поход Иоанна (1577)

Состояние Ливонии в этот момент было весьма печально.

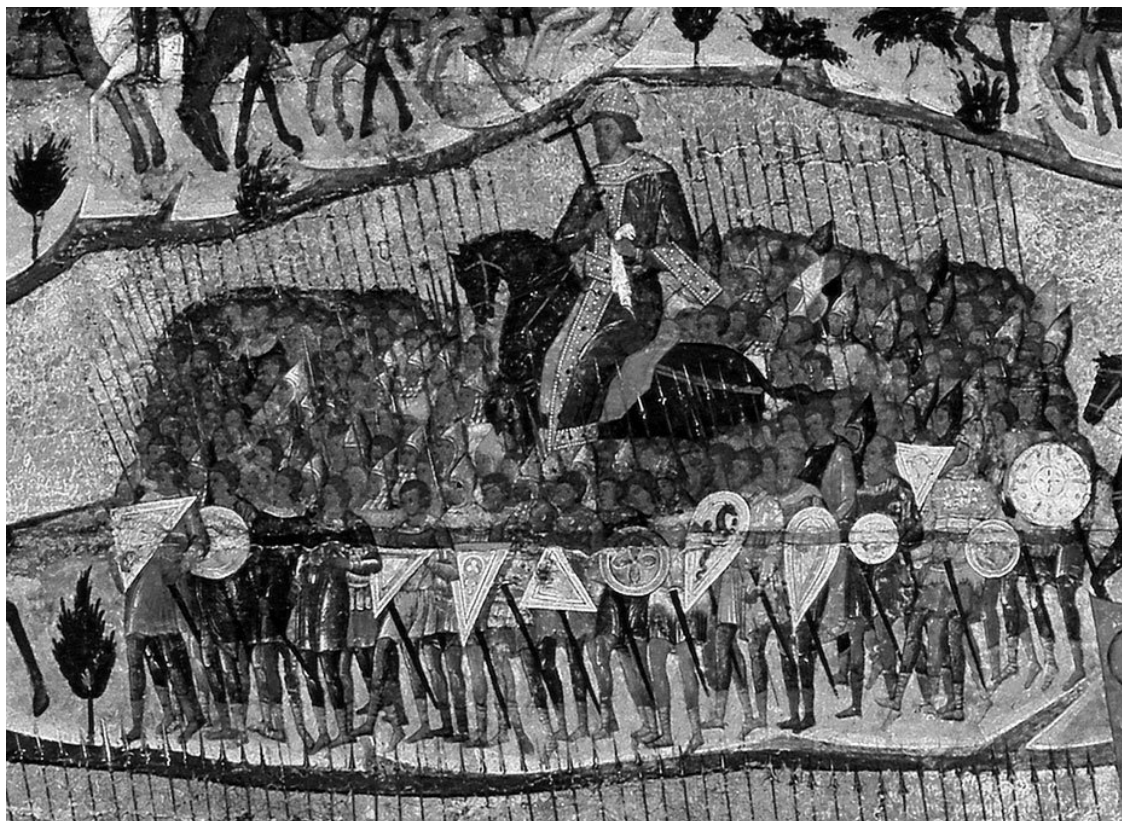
Мы знаем, что еще в 1570 году Иоанн провозгласил королем ливонским на вассальных условиях принца Магнуса, надеясь при помощи такой политической комбинации достичь скорее намеченной цели, а именно утвердиться на берегах Балтийского моря ради торговых и промышленных сношений с Западной Европой. Магнус обязался давать свободный проезд через свои владения иностранным купцам, художникам, ремесленникам и военным людям, направлявшимся в московское государство.

Осуществление этой политической комбинации сильно обрадовало Иоанна: он отпраздновал торжественно возведение Магнуса в короли, выпустил в честь его на свободу всех Немцев, которые находились у него в плену, и обручил своего вассала со своею племянницей Евфимией Владимировной, дочерью кн. Владимира Андреевича¹³⁹.

План создания ливонского королевства можно было привести в исполнение только в той части прежней Ливонии, которая принадлежала Шведам, ибо с Польшей было заключено перемирие. Иоанн отправил немедля, уже в августе 1570 года, Магнуса с войском в Эстляндию, но предприятие потерпело крушение при осаде города Ревеля. Эта неудача сильно напугала Иоаннова вассала, в особенности тогда, когда два его пособника, Таубе и Крузе, авторы проекта ливонского королевства, бежали в Польшу, чтоб избежать царского гнева. Магнус опасался и для себя царской опалы, вследствие чего удалился даже на остров Эзель. Но Иоанн продолжал оказывать благосклонность своему вассалу: он выдал даже за него замуж свою вторую племянницу Марию Владимировну, когда первая умерла (12-го апреля 1573 года). Однако царь не питал уже к нему прежнего доверия, боясь измены с его стороны. Магнус должен был удовольствоваться только двумя замками, Каркусом и Оберпаленом, которые царь пожаловал ему во владение. Король-неудачник жил здесь со своею юной женою в весьма бедной обстановке и в постоянной тревоге за свои владения, ибо они подвергались опустошениям не только со стороны Шведов, с которыми московский государь вел войну, но и со стороны отрядов, находившихся на службе Речи Посполитой, несмотря на перемирия, которые она заключала с Москвой¹⁴⁰, так как Иоанн тоже не соблюдал в точности перемирных договоров.

¹³⁹ Соловьев, История России изд. 1894, книг. II, стр. 206; *Karl Heinrich von-Busse*, Herzog Magnus, König von Livland, Leipzig, 1871, S. 55, 76; *Th. Schieman*, Charakterköpfe und Sittenbilder aus der baltischen Geschichte des XVI Jahrhunderts, Mitau, 1877, S. 88; *G. Rathlef*, Der Fall Wendens (Baltische Monatsschrift, Bd. XXXV, S. 393), *Г.В. Форстен*, Балтийский вопрос, I.

¹⁴⁰ *Busse*, 56–79.

Царь Иван Грозный с воинством. Деталь иконы Церковь воинствующая. XVI в.

Речь Посполитая, как мы видели выше, старалась обезопасить Ливонию от притязаний Иоанна путем дипломатических переговоров, что ей и удавалось делать. Существенной же защиты она не могла оказать стране, так как на это в казне не было средств.

Между тем Ливония была страшно опустошена, силы ее истощены; кроме того, в умах населения царил полная неуверенность в том, чем оно владело, а нравственное состояние его отличалось величайшей неустойчивостью. В то время как одни выказывали полную преданность Речи Посполитой, другие готовы были изменить ей во всякую минуту. По стране сновали тайные агенты, которые возбуждали жителей против польско-литовского владычества. К довершению бедствий, ей постоянно угрожало нашествие неприятеля, который действительно иногда и вторгался в ее пределы и производил опустошения. Вопреки перемирию московские войска вторгались в декабре 1572 года¹⁴¹; в начале 1575 года они захватили замок Салис¹⁴², в июле того же года завладели городом Перновом, причем во всех этих походах они производили страшные опустошения в стране и страшные жестокости над жителями¹⁴³. После взятия Пернова ливонцами овладела сильная паника: многие искали спасения бегством в Ригу. Решено было обратиться за помощью к Речи Посполитой, что казалось самой настоятельной необходимостью, так как Иоанн соглашался соблюдать мир с польско-литовским государством, за исключением Ливонии¹⁴⁴. Просьба ливонцев была удовлетворена, но помощь оказана ничтожная. Администратор Ливонии Ходкевич двинулся было с отрядом в 2000 человек против Русских, но вследствие малочисленности своего отряда мог отнять у врага только замок Руин¹⁴⁵.

¹⁴¹ См. выше.

¹⁴² Busse, 91.

¹⁴³ Orzelski, II, 166.

¹⁴⁴ Busse, 95 и см. выше.

¹⁴⁵ Busse, 95–96.

Сознавая слабость своих сил, Литовцы старались, как мы знаем, удержать Иоанна от завоевания Ливонии путем дипломатических ухищрений, обещая царю избрать его или его сына на престол. Эти ухищрения увенчались успехом. Посылая в Литву Луку Новосильцева, Иоанн обещал и в ливонскую землю рати не посылать¹⁴⁶. Это обещание обезопасило Ливонию от неприятельских нападений на очень короткое время.

В начале октября 1576 года Магнус напал на замок Лемзаль и завладел им в отмщение за нападение, произведенное курляндскими дворянами на его замок Амботен¹⁴⁷. Это случилось уже в царствование Стефана Батория.

Страдая от этих неприятельских вторжений, неуверенные в безопасности своего имущества и своей жизни, ливонцы сваливали вину на правительство Речи Посполитой: они осуждали особенно сильно нерадивость администратора Ливонии Ходкевича, обвиняя его даже в тайном пособничестве видам московского государя. Но эти обвинения были, как мы знаем, совершенно неосновательны. Ливонцы жаловались также и на то, что их страна не была включена в перемирный договор, как будто бы она не входила в состав Речи Посполитой; между тем Ходкевич уверял, что перемирие распространяется и на Ливонию, и вследствие этого требовал, чтобы никто в Ливонии не вооружался, ибо это раздражает могущественного соседа и колеблет мирные отношения, в которых состоит с ними Речь Посполитая. В этих обвинениях заключалась весьма малая доля истины: как нам известно, Иоанн только в 1575 году явно исключил Ливонию из перемирного договора, но затем через Новосильцева дал обещание не вести войны и в Ливонии. Речь Посполитая действительно защищала слабо Ливонию, но, может быть, не хуже, чем свои другие области, ибо ее постоянные вооруженные силы были ничтожны; дипломатия же прилагала все свои усилия к тому, чтобы поддержать мир с московским государством.

Если ливонцы жаловались на то, что Речь Посполитая слабо их защищает и даже не позволяет им самим защищаться и в этом усматривали главную причину своих бедствий, то они забывали, что польско-литовское правительство не могло питать к ним доверия, так как в стране гнездилась измена.

Многие замки находились в руках немецких начальников, состоявших в сношениях с врагами Речи Посполитой и ставивших в стеснительное положение тех, которые оставались преданными польско-литовским властям. Вероломство ливонцев сделалось, по словам Батория, их обыденным пороком¹⁴⁸. Ввиду этого Ходкевич опасался созывать посполитое рушение в Ливонии, ибо оно могло обратить свои действия против Речи Посполитой, запрещал производить вообще какого бы ни было рода вооружения¹⁴⁹.

Администратор был так раздражен против вероломных ливонцев, что на просьбу их о помощи заявил, что помочь им он не в состоянии, а если бы он и мог это сделать, то он не прислал бы им в виде вспоможения даже и никуда не годную корову¹⁵⁰.

Стефан Баторий делал все, что только мог, чтоб усилить оборону Ливонии: посылал туда войско, какое для этой цели имелось у него в распоряжении¹⁵¹, приказывал исправлять ливонские замки, увещевал Ходкевича отправиться в управляемую им область и устранить тех начальники крепостей, которым нельзя было доверять, уговаривал Литовцев не скупиться деньгами на отражение врага и т. п.

¹⁴⁶ Акты Зап. Рос., III. 182, № 60. Дата документа 1574 год неверна, ибо Лука Новосильцев отправлен был из Москвы в конце августа 1575 г. (см. *Бантыш-Каменский*, *op. cit.*, стр. 145; *Щербатов*, т. V, ч. 2, стр. 367).

¹⁴⁷ *Busse*, 100.

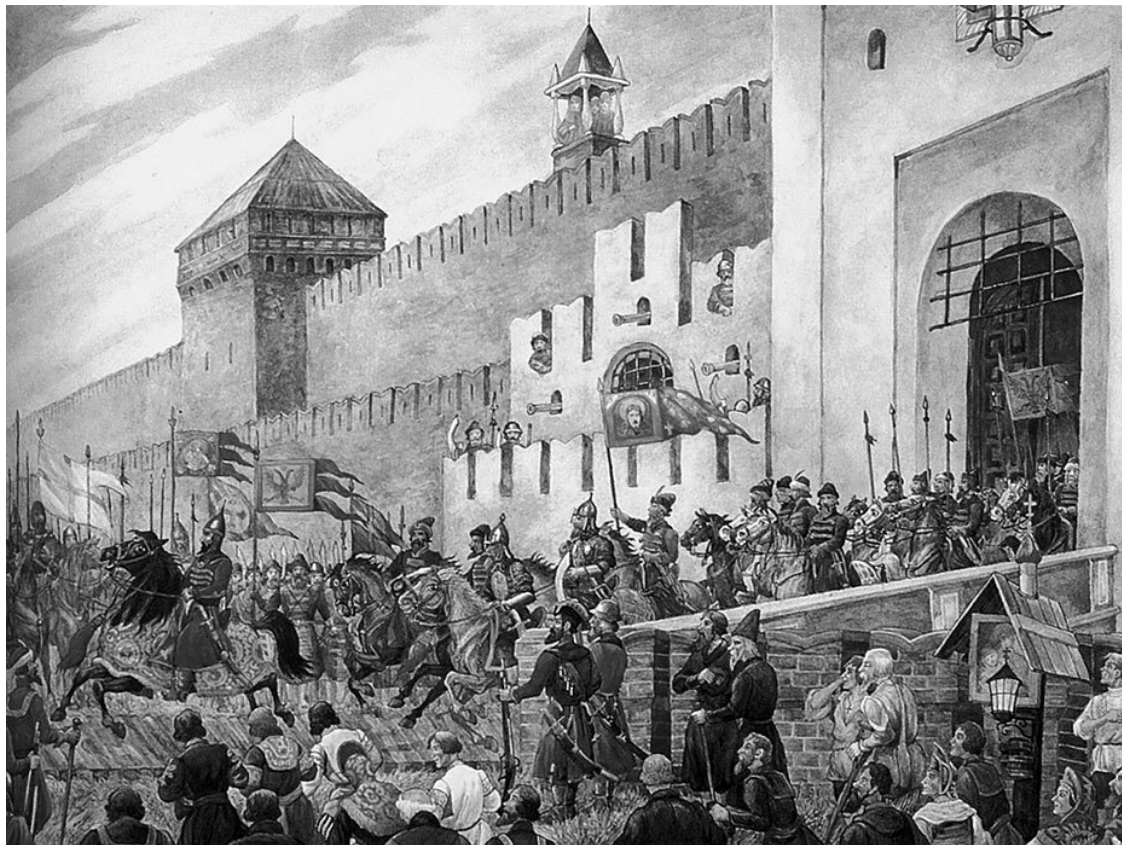
¹⁴⁸ См. письмо Батория (3 II, 1577) к Ходкевичу в приложении № IV.

¹⁴⁹ Так надо понимать запрещение его вооружаться кому бы то ни было (см. *Апологию*. 1. с. 429), ибо в противном случае оно теряет всякий смысл.

¹⁵⁰ *Apologia*, 1. с. 430, примеч. 41.

¹⁵¹ Акты Зап. Рос., III, 202, № 76.

К тому же король рассчитывал еще на успех дипломатических переговоров, хотя и не вполне. Снарядив великое посольство, он известил Иоанна об этом и предлагал пока соблюдать перемирие по всем границам обоих государств, но Иоанн в своем ответном письме Ливонии обошел молчанием, что встревожило короля.

Выезд Ивана Грозного на борьбу с Ливонией. Художник Г. Э. Лесснер

Отправление великих послов в Москву замедлилось вследствие болезни мазовецкого воеводы Станислава Крыского¹⁵².

Между тем приходили весьма тревожные вести из Ливонии: туземные и иностранные купцы извещали, что царь собирает громадные силы в Пскове и готовится опустошать огнем и мечом Ливонию. Ввиду этого ливонские каштеляны просили короля выслать войско по направлению к Пскову, чтобы преграждать движение врагу¹⁵³. На эту просьбу Баторий мог ответить только обещанием удовлетворить ее, но исполнить не был в состоянии, так как война с Данцигом была в самом разгаре¹⁵⁴.

Усилия короля не увенчались желанным успехом: Речь Посполитая начинала только еще готовиться к отражению врага, когда он нагрянул на Ливонию.

Решив еще в феврале занять ее вооруженной силой, Иоанн стал делать соответствующие приготовления. Главными сборными пунктами для войск были назначены Новгород и Псков, а чтобы усыпить внимание настоящего врага, был пущен слух, что это сборы в поход

¹⁵² Акты Зап. Рос, III, 209–211, № 82.

¹⁵³ Zrodia dziejowe, IV, 172, № CIV. Castellani ultradunenses ducatus Livoniae ad Regiam Majestatem de patria a lioste defendenda из Веидена, 26, V, 1577.

¹⁵⁴ Regia Majestas Livoniae auxilium contra hostem, se allaturum promittit из-под Данцига, 14, VI, 1577. Zrodia dziejowe, IV, 199, № CXXIV.

против Ревеля¹⁵⁵. Действительно, московские войска осаждали этот город зимою 1577 года, но неудачно, так что слуху можно было поверить¹⁵⁶.

Приготовляясь к войне с Речью Посполитой, Иоанн в то же время возобновлял проект ливонского королевства, на иных только условиях, и возобновлял, конечно, с той целью, чтобы легче было осуществить планы своей политики. Орудием ее опять явился Магнус.

Положение этого короля, короля только *de nomine*, было очень тягостно, и он захотел выйти из него как-нибудь. Получая сведения об энергических действиях Стефана Батория, он стал подумывать о приобретении его покровительства для себя, т. е. об измене Иоанну. Уже в конце 1576 года¹⁵⁷ он вошел посредством польских офицеров в Ливонии в сношения с Ходкевичем, обещая передать Баторию Иберполь, Каркус, Лемзаль и другие свои замки, если будут приняты предлагаемые им условия¹⁵⁸. Затем он обратился по этому делу к посредничеству курляндского герцога, и так начались переговоры с самим Стефаном Баторием¹⁵⁹. Конечно, их старались вести в совершенной тайне, однако слух об них дошел до Иоанна. Предполагая, что измена его может быть легко открыта и опасаясь вследствие этого попасть в руки Москвитян, Магнус стал переезжать из одного замка в другой, что еще более усилило подозрительность Иоанна. Тогда царь приказал арестовать своего вассала, которого он подозревал в вероломстве, но Магнусу удавалось некоторое время избегать московских отрядов, высланных с целью задержать его¹⁶⁰.

Положение Магнуса было критическое. Чтобы выйти из него, он притворился в полной преданности своему сюзерену. Иоанн потребовал его к себе во Псков, куда он, конечно, волею-неволей должен был поехать, чтобы оправдаться перед царем. Оправдания эти имели успех до известной степени. Иоанн поверил им или по крайней мере показал вид, что им верит. По особенному соглашению Магнус получил от Иоанна область к северу от реки Аа (частью этой области он уже владел) и к югу город Венден. Ливония между Аа и Двиною переходила во владение Иоанна; занимать здесь отдельные пункты Магнус имел право только с Иоаннова соизволения¹⁶¹.

Прежде чем выступать в поход на Ливонию, Иоанн отправил сюда разведочный отряд Татар, чтобы узнать, каковы силы страны. Польский полковник Матвей Дембинский пытался было остановить движение татарской конницы, но вследствие малочисленности своего отряда был разбит и обращен в бегство. Когда Татары донесли Иоанну, что войска в Ливонии ничтожны, он двинулся в поход из Пскова¹⁶², имея с собою до 30 000 человек¹⁶³ (13-го июля).

Еще раньше (9-го июля) из Новгорода царь выслал вперед отряд в 4316 человек под начальством князя Тимофея Романовича Трубецкого, приказав ему идти на Трикат и Вольмар¹⁶⁴.

¹⁵⁵ Акты Зап. Рос., III, № 82.

¹⁵⁶ Busse, 104–105. Осада Ревеля продолжалась от 23-го января до 13-го марта.

¹⁵⁷ Но не в начале 1577 года, как представляет дело Буссе, 106–107.

¹⁵⁸ Письмо к Ходкевичу.

¹⁵⁹ Busse, 106–107.

¹⁶⁰ Письмо к Ходкевичу.

¹⁶¹ Rathleff, I. c., 395–396.

¹⁶² Летопись Ниенштедта в Сборн. материал. и статей по истории Приб. Край, т. IV, стр. 49.

¹⁶³ Иоанн прибыл в Новгород 1-го мая и отправился в Псков 13-го июля, оставив в Новгороде своего сына Феодора с боярами Борисом и Дмитрием Феодоровичами Годуновыми. С царем было 16 505 человек, да при артиллерии 12 430. См. Ливонский поход I. c. № 1, стр. 101 и 103.

¹⁶⁴ Ливонский поход I. c. № 3, стр. 113–114 и 119. По Griindtliclier und warhafter Bericlit was sicli nebenst dem Muschkowitersclien Ueberzugk Anno 1577 in Lieflandt tzugetragen» (Mittheil. aus dem Gebiete der Gescli. Liv, Est und Kurland, II, 455) отряд Трубецкого достигал 10 000 человек – цифра, очевидно, преувеличенная. У Карамзина, IX, 255, примечание 460, приведена цифра в 5287 человек. С князем Трубецким царь отправил к князю Александру Полубенскому, коменданту крепости Вольмара, грамоту. В этой грамоте Иоанн обосновывал свои права на владение Ливонией, опираясь на родословную государей, начиная с Адама. Император Август был, по словам Иоанна, братом Пруса, который, отправившись в страну,

Трубецкой произвел сильное опустошение и избиение жителей в окрестностях замков Триката, Вольмара, Нитау, Зегевольда, Трейдена, Кремона и других¹⁶⁵ и таким образом достиг Западной Двины у замка Крейцбурга¹⁶⁶.

Между тем сам Иоанн подступил к замку Мариенгаузену (16-го июля).

В укреплении находилось всего 25 человек гарнизона и 8 пищалей¹⁶⁷. Вследствие этого сопротивление многочисленному войску Иоанна было невозможно, да и охоты сражаться у немецких солдат не было. Поэтому неудивительно, что замок сдался царю без боя, когда он послал к начальнику крепости грамоту с приказанием, «чтоб они (т. е. воины) из государевы вотчины вышли вон, а город бы Государю отворили того часу», и вместе с тем велел обстреливать крепость¹⁶⁸. Царь отпустил весь гарнизон с начальником его на свободу, приказав остаться в городе только местным жителям¹⁶⁹.

Оставив в Мариенгаузене 75 человек гарнизона, Иоанн двинулся к Люцину, который тоже подчинился ему без боя (24-го июля). Начальником замка был Юрген фон-Ольденбокум. Лица, посланные в царский стан, сказали, что они верно служили королю Жигимонту-Августу, но что «за Стефаном быти не хотели и ему не присягнули и по се время, а надеялись на Государя, что их Государь пожалует под сильную руку возьмет для того, что Лифлянская земля вотчина государева». Когда их спросили, почему они в таком случае до царского прихода бить челом государю не присылали, они ответили, «что надеялись на Государя, а иное чаели себе помочи от Цысаря и от Цысаря о том присылка к нам не бывала и помочи себе от него не почаяли; а коли ныне пришел под город под Лужу Государь царь и великий князь, ино город да они в Божей, да в царских руках»¹⁷⁰.

получившую от его имени свое название, основал здесь города: Гданск, Хойницу, Торунь, Мальбор (Мариенбург). От Пруса происходил Рюрик, у которого был потомок князь Мстислав Святославович, получивший при крещении имя Юрия. Этот последний (?) покорил Ливонию и основал здесь замок Юрьев, который называется теперь Дерптом. Он, Иоанн, преемник по прямой линии от Мстислава Святославовича, а потому и законный, наследственный владетель Ливонии. Царь увещевал князя Полубенского выехать из Вольмара и отдать ему Ливонию без сопротивления. См. Литов. Метр., II, № 16.

¹⁶⁵ Об этих опустошениях говорит Баторий в письме к Иоанну от 30-го июля, см. Метр. Литов., II, № 15; то же самое и в Grundtl. Bericht 1. с. II, 455.

¹⁶⁶ Grundtl. Bericht, 1. с. II, 455.

¹⁶⁷ Во Влехе было «людей всякого человека 25 человек, да в городе-ж тутошних людей жильцов 20 человек». А по взятии укрепления оказалось: «на городе 2 пищали полуторных в стенах на колесех, 2 пищали невеликих грановитых, 3 пищали скорострельных со вкладынами, 1 попорчена, да 9 ядер свинчатых; да на городе-ж, на деревянной стене, пищаль невелика полковая грановитая на колесех». Ib., № 4, стр. 142 и 143. Грамота царя о сдаче Влеха у Щербатова, Ист. Рос, т. V, ч. 4, стр. 169–170, № 26.

¹⁶⁸ Ливонский поход, 1. с. № IV, стр. 137.

¹⁶⁹ Ib., № IV, стр. 138.

¹⁷⁰ Ib. № IV, стр. 147. По Grundtl. Bericht 1. с. II, 455. Люцин взят 26-го июля, по Erberml. und Klegl. Zeit. (Beitrage zur Kunde Ehst, Lsind Kurlands, II, 33) 6-го августа.

Руины Люцина

Немцы, находившиеся в крепости, изъявили желание служить московскому государю. А потому Иоанн приказал отправить их в Москву и «разобрав, устроить поместьями и деньгами; а которые пригодятся в пушкари и в стрельцы, и тех устроить жалованьем денежным и хлебным»¹⁷¹.

В Люцине было оставлено 100 человек гарнизона. Намереваясь направиться затем к городу Режице, Иоанн призвал к себе бывшего начальника крепости немца Юргена фон-Ольденбокума (Юрия Букана) и отдал ему такое повеление: «ныне велели есьма тебе и твоему сыну Вернову ехать с собою до Резицы для того, как мы будем у Резицы, и ты б приказал к сыну своему Христофору, или к тем, которые в Резице державцы сидят от сына твоего, чтоб сын твой Христофор нашу отчину город Резицу нам отдал потому ж, как ты нам город Лужу очистил и крови б на себя сын твой тем не навел и наша ярости не взводил». На это «немчин Юрий Букан и сын его Вернов Государю били челом: мы подданы твоего Царского Величества на твоей великой милости челом бьем. И царь и великий князь немчина Букана и сына его Вернова пожаловал, велел им быть у стола».

Режицею Иоанн овладел, не произведя и одного выстрела (27-го июля). Лишь только царские войска подступили к городу, как тотчас же вышли из него «мызники и били челом Государю царю и великому князю, что город Резица Божья да его государева вотчина, а их бы Государь пожаловал, велел устроить в своих государевых городех, потому ж как Государь пожаловал и лужских немец». Вследствие этого Иоанн милостиво обошелся со сдавшимися Немцами и также принял их на свою службу¹⁷².

¹⁷¹ *Иб.*, № V, стр. 99. Ввиду этого неверно утверждение немецких историков, что немецкие воины с женами и детьми были временно отведены, как пленные, в Псков, а литовско-польские гарнизоны отпускаемы на волю в знак того, что царь ведет войну только с Ливонией, но с Поляками соблюдает мир, см., напр., G. Bathleff, *Der Pall «Wenden's»*, 1. с, стр. 399.

¹⁷² *Иб.*, № V, стр. 102. По Gründl. Bericht (1. с. II, 455) Режица взята 30-го июля, по *Elrberml. Zeitung* (1. с. II, 133), 8-45

Оставив в крепости 178 человек войска, Иоанн направился к Динабургу (Невгину). Начальником гарнизона был здесь поляк Соколинский¹⁷³, который, выслав в царский стан двух Немцев, объявил, что сдает город на всей государевой воле (9-го августа). Иоанн велел расспросить сдавшихся, хотят ли остаться у него на службе или получить свободу, обещая, что тех, «которые похотят на его государево имя и Государь их пожалует на свое имя, взять их велит и устроит, как им быти; а которые на государево имя не похотят, а учнут бити челом, чтоб их Государь пожаловал, велел им дати повольность, и Государь пожалует, отпустить их велит». Невгинские люди били челом, чтоб их государь пожаловал, велел им дать волю.

Руины Квадратной башни Динабургского замка

Иоанн не только дал им свободу, но и удостоил их особой милости, пригласил к своему столу и пожаловал им шубы и охобни.

В Динабурге оставлены были 350 человек и значительная артиллерия¹⁷⁴.

По пути к Лаудону (не доходя 3 версты от него) Иоанн послал отряд в 200 человек к Крейцбургу под начальством Елчанинова. Последний (6-го августа) донес царю, что «он приехал под город, аже город горит, а ворота де городовые, выгорев, завалились». Тогда Иоанн приказал «досмотрити того, доехал ли Иван Елчанинов до Круцборха или не доехал?» Посланный принес царю известие, «что он под Круцборхом был и про Ивана Елчанинова сказал, что он ж с детьми боярскими и с стрельцы стоит у города у Круцборха, а в город ехати ему нельзя,

го августа. Утверждение последнего источника, что Иоанн начальников в Люцине и Режице взял в плен, «und sie neben aller ritterscliaft und untersassen mit weib nnd verfuret und sie alle geplündert», должно быть признано неверным ввиду ясного свидетельства «Ливонского похода».

¹⁷³ См. письмо Ходкевича к Баторию в приложении № XI. В «Ливонском походе» начальник гарнизона назван Станиславом Денипским, что, конечно, неверно.

¹⁷⁴ О сдаче Динабурга ib., № V, стр. 103–108. Артиллерия, оставленная Иоанном в крепости, состояла из 7 пищалей медных, 3 пищалей скорострельных железных да 104 пищалей затинных, да зелья в 18 бочках 50 пуд, да полбочки ямчюги, да ко всем пищалам 1000 ядер, 50 прutow свинцу, да в прибавку оставлено 2 пищали полторных.

потому что де город горит и ворота у города выгорели». Город был зажжен, очевидно, отрядом кн. Трубецкого, достигшим Западной Двины у этого именно пункта.

Иоанн приказал Крейцбург осмотреть, и из осмотра оказалось, «что в городе в Круцборхе старого города стена разсыпалась вся, а в вышегороде дома погорели все, а в вышке мосту и кровли нет»¹⁷⁵.

Затем царь двинулся к Лаудону, который подчинился добровольно. Лаудонские немцы были отпущены за Двину, но «Левдун велел Государь разорить»¹⁷⁶.

Когда Иоанн подступил к Зессвегену (Чиствину) и послал к «чиствинским людям грамоту, чтоб чиствинские люди город Чиствин Государю очистили без кровопролития», чиствинские Немцы грамотой, по-немецки писанной, ответили, что они хотят «Королевскому Величеству польскому верны быти и целованья забыти» не хотят. Царь послал вторую грамоту, но посланный в город Латыш принес ее назад и сказал, «что у него той грамоты не взяли, а хотели его застрелить». Тогда Иоанн расставил полки, чтобы силою принудить сопротивляющихся к сдаче. Но из города явился в московский стан перебежчик, один Немец, который на допросе заявил, «что в городе большой человек Немчин Ернист фон-Минин да мызников 12 человек, и Ернист ранен, застрелен из лука и с тое раны умирает, чаю и умрет, а его Волка Амоса Ернист и все мызники Царскому Величеству послали бити человеком, чтоб их Царское Величество пожаловал, от смерти живот дал, а из города выпустить велел, а они Государю город отворят и во всей воли государской учинится».

Царские бояре поставили им в вину, что они «своровали, грамоты царские не взяли». Немцы сознались в вине, что «по первой грамоте города не отворили, в том пред Государем виноваты, в милости и в казни волен Государь».

Того же дня пришли в царский стан другие Немцы из города и тоже просили для себя пощады. Но бояре им сказали: «нынча вы у Государя милости просите, а дотудова Государь к вам писал две грамоты, чтоб вы город отворили, а государь вам милость покажет, как будет пригоже; и вы того не послушали, и Государю нашему как вам в том милость давать». И затем летописец лаконически замечает, что «августа в 20-й день Бог поручил Государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси город Чиствин», обходя, очевидно, молчанием те казни, которым были подвергнуты жители его за сопротивление¹⁷⁷.

Из немецких источников мы узнаём, что начальников города четвертовали, разрывали на части лошадьми, сажали на кол и рассекали саблями, а женщин подвергали насилению¹⁷⁸.

Оставив в Зессвегене 120 человек гарнизона и соответствующую артиллерию¹⁷⁹, Иоанн того же 20-го августа послал отряд войска в 2013 человек к городу Шванебургу (Гольбину); на следующий день город был разорен, а артиллерия¹⁸⁰ его перевезена в Зессвеген.

После того Иоанн взял (22-го августа) Берсов (Борзун), где оставил 140 человек гарнизона и артиллерию, состоявшую из 38 пищалей и 7 самопалов¹⁸¹.

¹⁷⁵ *Ib.*, № V, стр. 109–110. В Крейцбурге оставлено 80 человек гарнизона.

¹⁷⁶ *Ib.*, № V, стр. 112.

¹⁷⁷ *Ib.*, № V, стр. 121.

¹⁷⁸ По Wahrh. erberml. Zeitung 1. с II, 134. Тот же летучий листок напечатан также в соч. Г. В. Форстена, Балтийский вопрос, I, стр. 668, прим. 1. По Grimdtl. Bericht i Zeitung, взятие Зессвегена последовало 21-го августа.

¹⁷⁹ 4 пищали медных, да 30 пищалей затинных, да пушку железную верховую, да тюфяк, да на город часы боевые.

¹⁸⁰ 2 пищали сороковые на колесех меденых, да пищаль медная, да 2 тюфяка железных, да пищаль железная, да 2 пищали железных городские тюфяки полторы пяти, да 77 пищалей затинных.

¹⁸¹ Об этом Розрядная книга так выражается: а наряду в городе и в остроге тутошнего 11 пищалей скорострельных, да 13 пищалей затинных, да тюфяк, да зелья в палатке в трех бочках пудов с 5, до 400 ядер железных и свинцовых, да к затинным пищалам 100 ядер. Да в Борзун-же оставлено наряду, что взят в Канцле мызе: 5 пищалей затинных гладких, 5 скорострельных со вкладни, да 5 самопалов свитских, да 4 пищали с змейками, да 2 пары самопалов малых, да 3 лукошки зелья, да пол 200 ядер свинцовых, да в прибавку оставлено зелья... пуд.

Затем Иоанн направился к Кокенгаузену (Куконосу). Когда он находился уже вблизи города (на последнем стане), приехал к нему оттуда князь Иван Белосельский с грамотой от короля Магнуса и донес, что последний взял Венден (Кесь) и послал отряд в 50 человек занять Кокенгаузен.

Здесь необходимо сказать несколько о деятельности Магнуса в это время. Когда московские войска произвели вторжение в Ливонию, он обратился с воззванием к Ливонцам, увещевал их подчиниться московскому государю: силы их ничтожны, помощи ждать неоткуда, а царь идет с грозною силою; подчинение смягчит его гнев и остановит его дальнейшее движение. Он, герцог, находится в добром согласии с московским государем, а потому можно положиться на его помощь. Мало того, его, герцога, предприятия в Ливонии одобряются империею и императором и покровительство их Ливонии обеспечено. Ливонское государство будет состоять под управлением голштинских герцогов или в случае прекращения их династии – под управлением герцогов мекленбургских.

Это воззвание так подействовало на ливонцев, что они возмутились против польско-литовского владычества, изгнали из многих городов польские и литовские гарнизоны и 14-го августа в Вендене провозгласили Магнуса своим королем¹⁸².

Жители Кокенгаузена передались тоже на сторону Магнуса и просили его прислать им поскорее войско для защиты. Город был вне пределов, определенных псковским договором, а потому Магнус не имела права занимать его без ведома и согласия Иоанна. Однако Магнус сделал это, чем и навлек на себя гнев царя¹⁸³. Он известил своего сюзерена уже о совершившемся факте грамотой, о которой мы сказали выше.

Царь приказал прочесть ее в присутствии бояр и дворян, и те выразили мнение, что «король Арцымагнус учинил не гораздо через договор». Нарушение Магнусом договора не ограничилось только тем, что был занят Кокенгаузен. Оказалось также, что Магнус хотел овладеть Пибалгом (Пиболдою), но русские, находившиеся здесь, не допустили до этого: ограбив немцев, они отпустили их к королю.

В своей грамоте Магнус перечислял города, которые ему сдались, и в числе их были такие, которые не были уступлены ему Иоанном. Ввиду всего этого царь приговорил послать к королю грамоту, «выписав его непригожее дело, которое он через договор чинил»¹⁸⁴.

Иоанн писал, между прочим, следующее своему вассалу: «Прислали к нам твои люди, а того не ведомо, кто имянем писал, твою грамоту, а в твоей грамоте писано, что тебе сдались город Кесь (Венден), город Нитов (Нитау), г. Шкуин, г. Зборск, г. Голбин (Шванебург), г. Чиствин (Зессвеген), г. Тыржин, г. Пиболда, г. Лавдун, г. Борзун, г. Канцлов, городок Ерла, городок Фес, городок Леневард, городок Воршевад, городок Сунжел, городок Роденож, городок Кокенгауж. И по той по твоей грамоте, сложишь с нашими недруги, нашу вотчину отводишь, а которая у них казна и ты тое казну у нас теряешь; а как еси у нас был в Пскове, и мы тебе тех городов не поступывались, одну есмя тебе позволили доставити Кесь, да те городки, которые на той стороне Гови (Аа) реки, и ты в те городки вступился неподельно... А будет тебе не ничем на Кеси и на тех городках, которые за Говею сидят и ты поди в свою землю Езел да и в Датскую землю за море, а нам тебя имати нечево для, да и в Казань тебя нам ссылали;

¹⁸² Grundtl. Bericht, 1. с, 453 и 456. Гейдешштейн (Записки о Московской войне, стр. 3, *Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Angusti libri XII*, 1672, pag. 117) не знает приведенного нами Магнусова воззвания и объясняет возмущение слухом, который распространил царь о том, что если Ливонцы подчинятся принцу, то он передаст последнему для управления Ливонию.

¹⁸³ Буссе (стр. 111), оправдывает поступок Магнуса тем, что гонец, отправленный последним к Иоанну с уведомлением о предложении жителей Кокенгаузена, слишком замешкался в дороге, между тем обстоятельства были таковы, что требовали поспешного образа действий. Со стороны войск Речи Посполитой опасность Кокенгаузену не угрожала, след., поспешность Магнуса объясняется только желанием предупредить занятие города московскими войсками.

¹⁸⁴ Ливонский поход, 1. с, № V, стр. 127–128.

то лутчи только поедешь за море, а мы с Божиею волею очистим свою отчину Вифлянскую землю и обережем»¹⁸⁵.

Sehr grewliche/erschrock.
liche / vor vnerhörte / warhafftige Missethan-
tung/was für grausame Tyranny der Moscouiter/an
den Gefangenen/ hinweggeführten Christen auß Lysland/ beydes an
Mannen vnd Frayen/ Junckfrayen vnnnd kleinen Kindern/ beges
het/vnd was täglich Schadens er ihnen in irem Land zufüget. Dey-
neben angezeigt / in was grosser fahr vnd not die Lyslander
stehen. Allen Christen zur warnung/vnd bes-
serung ihres Sündlichen lebens/ auß
Lysland geschriben / vnd in
Druck verfertigt.

Zu Nürnberg bey Georg Keydlein. M. D. L. XL

Русские войска в Ливонии. Летучий листок. 1561 г.

¹⁸⁵ Ливонский поход, 1. с, № V, 95–96.

25-го августа Иоанн послал к Кокенгаузену отряд в 2059 человек под начальством воевод окольничего князя Петра Ивановича Татеева и Даниила Борисовича Салтыкова. Немцы не хотели пустить их в город, требуя, чтобы они показали им грамоту короля Магнуса, разрешающую занять город. За такое противодействие воеводы, войдя в Кокенгаузен, приказали перерезать Немцев и донесли об их сопротивлении царю. Прибывший к Кокенгаузену Иоанн «за королевы Арцымагнусовы непригожие дела, что он через договор учинил, приказал и велел тех немец казнити смертью» и оставить в живых только трех, четырех человек, чтоб было с кем отослать к королю государеву грамоту. Царево приказание было исполнено в точности: в живых оставлены только «толмач Анц да служивый немчин Ганус Берга»¹⁸⁶.

Оставив в Кокенгаузене 1007 человек гарнизона и значительную артиллерию¹⁸⁷, Иоанн двинулся к Эрли. Между тем отряд в 796 человек детей боярских и 700 стрельцов под предводительством Богдана Яковлевича Бельского взял Ашерраден (26-го августа). Старик ландмаршал Каспар Мюнстер был подвергнут Москвитянами сечению розгами, а затем сброшен со стены и умерщвлен, другие пленники обезглавлены, женщины заперты в саду и отвратительным образом изнасилованы¹⁸⁸.

Находясь у Эрли, Иоанн узнал, что Магнус послал отряд в 80 человек занять Вольмар¹⁸⁹. Здесь начальником гарнизона был князь Александр Полубенский. Он находился в самом критическом положении: гарнизон не имел продовольствия в достаточном количестве, а крепость – орудий для защиты; между тем помощь из Литвы, несмотря на самые настоятельные просьбы Полубенского, не являлась¹⁹⁰. Поэтому неудивительно, что отряд Магнуса легко завладел Вольмаром. Узнав об этом, Иоанн отправил к Вольмару войско (в 2603 человека) под предводительством Богдана Яковлевича Бельского и Дементия Ивановича Черемисинова, дав воеводам такой наказ. Когда они придут к городу, пусть пошлют к начальнику немецкого гарнизона требование выехать из города или впустить в город присланный царем отряд. Если Немцы выедут, тогда Бельскому и Черемисинову «Немец переимати и самим ехать в город, а мелких людей побити»; оставить в живых только начальника и лучших людей. Полубенскому, который, по слухам, сидит еще в Вольмаре (в Вышгороде), Иоанн приказал обещать свою милость и отпуск к королю Магнусу. Когда Полубенский выедет из крепости, следует пристава к нему приставить и обходиться с ним хорошо, но казну и лошадей у него отнять. Если Немцы и Полубенский запрут в Вольмаре, то воеводы должны промышлять над городом «государевым делом, по государеву наказу». Если Полубенского не будет в городе, тогда воеводам под городом не стоять, а возвращаться к государю; а если они узнают, что Полубенский находится от них в верстах 20-ти или 30-ти, то преследовать его и догнать. Воеводы стали действовать согласно царскому приказу.

¹⁸⁶ Ливонский поход, 1. с, № VI, стр. 84 и след. Описывая взятие Кокенгаузена, Ратлеф говорит, между прочим (1. cit., стр. 404), что Поляки были отпущены на волю, но заимствует этот факт неизвестно из какого источника. Мы знаем, что Поляков и Литовцев в городе не было, ибо с приближением к нему московских войск литовско-польский гарнизон покинул его, см. Grundt. Bericht, II, 458.

¹⁸⁷ 8 пищалей и больших и средних меденых по 4 гривенка ядро, да 2 пищали скорострельных, да 5 туюфяков, да 57 пищалей затинных долгих, да 12 пищалей затинных коротких, да 12 рушниц, да в прибавку оставлено 5 пищалей полоторных, да из Керепети велено перевезть пищаль гладкую, зелья 500 пуд.

¹⁸⁸ Wahrhaf. erbermliche Zeitung, 1. с, II, 134. То же самое сообщает и Гейденштейн (3–4): по его словам, женщины были отданы на поругание Татарам.

¹⁸⁹ Ливонский поход, 1. с, 1853 г., № V, стр. 104.

¹⁹⁰ См. письмо кн. Полубенского из Вольмара, от 8-го августа в Acta Stephani regis, 88, № LXI. Письмо князя с его собственноручной подписью находится в рукописи библиотеки главного штаба (80—1—8).

Осада войсками Ивана Грозного ливонского города во время Ливонской войны 1558–1583 гг. Художник Ф. А. Модоров

Полубенского нельзя было сразу найти: одни говорили, что он находится уже в Вендене, а другие, что сидит еще в Вольмаре¹⁹¹. Между тем Немцы не хотели пускать Русских в город; поэтому Иоанн приказал своим воеводам промышлять над ними. Во время осады крепости Полубенский попал в руки осаждающих и отведен был к Иоанну. Царь обошелся с ним милостиво: он отпустил вскоре затем пленника на родину¹⁹².

Пока происходила осада Вольмара, Иоанн взял крепость Эрлю¹⁹³ и после этого усилил артиллерию под Вольмаром посылкою новых орудий. 1-го сентября Бельский и Черемисинов стали делать приготовления к штурму. Тогда осажденные произвели попытку прорваться

¹⁹¹ Ливонский поход, 1. с., № V, стр. 105–107.

¹⁹² Буссе (Mittheil, aus dem Geb. der Gesch. Liv, Ehst und Kurlands, II, 419), а за ним Ратлеф (1. с, 405) утверждают, что Полубенский намеревался перейти на сторону Иоанна и желал передать ему Вольмар и другие крепости (последнее утверждает только Ратлеф). Это утверждение историки обосновывают на весьма подозрительном свидетельстве Апологии, которая старается обелить в глазах Стефана Батория Ливонцев, представляя их подданными, вполне преданными королю; если ливонские крепости так скоро сдавались Иоанну, то в этом виноваты нерадивые польско-литовские начальники, из которых Полубенский готов был даже изменить королю. Между тем поведение Полубенского (см. ниже, стр. 61), его письмо к государственным чинам Литвы, на которое мы выше ссылались, свидетельствуют о полной преданности его Речи Посполитой. Если он дал знать Иоанну о сношениях Магнуса с польско-литовским правительством, то сделал это, очевидно, с той целью, чтоб погубить Магнуса, который хотел в одно и то же время служить двум враждовавшим между собой сюзеренам и при нападении Иоанна на Ливонию явно действовал во вред интересам Речи Посполитой. Идем дальше. Ратлеф (1. с, 406) утверждает, что при занятии Вольмара отрядом Магнуса Полубенский был взят обывателями города и Магнусовыми солдатами в плен и отведен к Магнусу в Венден, откуда Иоанн вытребовал пленника к себе. Это утверждение противоречит показанию самого Полубенского, который в письме к начальникам крепости Трикатена говорит, что он «добыт на Володимирце», притом «взят мощью» (Ливонский поход, 1. с, № VI, стр. 91–92).

¹⁹³ Ратлеф (op. cit., 404) говорит, что здесь, как и в Ашерадене, произведена была ужасная резня: «die Leichen blieben auf einem Haufen liegen, den Hunden und Pögeln zum Prasse». Мы не знаем, из какого источника историк заимствовал эти подробности. В Эрле оставлено было 100 человек и наряду 3 пушки медные, 20 пищалей затинных, 30 гривенок зелья, да еще 30 пуд зелья. Ливонский поход, 1. с.; 1853, № V, 104.

сквозь ряды осаждающих, но большая часть их была перебита; в живых остались только 12 человек и начальник гарнизона Георг Вилькин¹⁹⁴.

29-го августа сдался Иоанну Ленсвард. Город занял своим отрядом Магнус. Но взятие Кокенгаузена так напугало Немцев, что они добровольно подчинились царю¹⁹⁵.

Из Эрли Иоанн направился к Шуину, но миновал этот город и пошел к Вендену, к которому он прибыл 31-го августа. Он тотчас же потребовал к себе Магнуса. Последний побоялся явиться лично к царю; он послал к своему сюзерену только двух посланцев. Их наказали кнутом и послали сказать королю, что он сам должен прибыть к своему повелителю. Сопротивляться являлось безумством, ибо силы были слишком неравны. В сопровождении небольшой свиты из 25 человек поехал Магнус в царский лагерь. Здесь его немедленно арестовали, отняли оружие и привели к Иоанну. Лишь только он увидел царя, как тотчас же сошел с коня и бросился на колени умолять о пощаде. Сверх ожидания, царь принял его милостиво. Но в это время раздался выстрел из крепости и ядро пролетело мимо самой головы Иоанна. Подозрительный царь усмотрел в этом адский умысел на свою жизнь. Разразившись сначала потоками брани, он ударил затем в припадке гнева своего вассала по лицу¹⁹⁶, приказал взять его под стражу и держать в полуразвалившейся избе. После этого гнев царя обратился на тех, которые, казалось ему, посягали на его жизнь.

Город был уже занят царскими войсками, ибо Магнус, еще до своего свидания с Иоанном, распорядился открыть городские ворота. Выстрел из крепости раздражил Москвитян, вследствие чего они при занятии города произвели немалую резню. Те, которые избежали ее, спаслись в замок. 1-го сентября началось жестокое обстреливание крепости, продолжавшееся до 5-го сентября. Положение осажденных становилось с каждым часом ужаснее. Их мучил голод и жажда, ибо не только хлеба, но и воды не хватало; между тем средства к защите истощались. Несчастливым предстоял один конец – смерть. Однако и в этом безысходном положении был выбор. Смерть в руках врага, если он возьмет крепость, соединена была с ужасными мучениями; самоубийство от них освобождало; мало того, оно окружало погибших блестящим ореолом героического мученичества. Страх и отчаяние, благородство и мужество слились в одно, и осажденные приняли решение – умереть добровольно. Решено было взорвать замок на воздух. С этой целью в замковой часовне приготовили несколько бочек пороху. Капитан Генрих Бойсманн поджег порох, последовал взрыв, который под развалинами замка похоронил много жертв. Однако борьба и после того не прекратилась: она происходила в нижних частях крепости, уцелевших от взрыва. Осаждающие врываются сюда, но следует новый поджог мин, новый взрыв, и ожесточенная борьба прекращается¹⁹⁷.

Овладев Венденом¹⁹⁸, Иоанн отправил в Трикатен к польским начальникам крепости Яну Бычковскому и Щенскому Малиновскому грамоту с требованием отворить город, за что обещал отпустить их к их королю Стефану с женами и с детьми «безо всякие зацепки». Король

¹⁹⁴ Ливонский поход, 1853, № V, 109–110. В Вольмаре оставлено 545 человек, 12 пушек, 81 пищаль затинная, 10 скорострельных, 26 бочек зелья, да прибавлено еще 300 пуд зелья.

¹⁹⁵ *Ib.*, № VI, стр. 85–86. В Леневарде оставлены 202 человека, 2 пушки, 2 пищали меденные, да затинных 12.

¹⁹⁶ Эту подробность сообщает Гейденштейн, 4.

¹⁹⁷ Подробное описание осады Вендена, основанное на критическом исследовании источников, дает Ратлеф (*op. cit.*, 407–416). Взрыв крепости – несомненно героический подвиг. Поэтому нельзя согласиться с мнением проф. Форстена, утверждающего, что «осажденными, представлявшими из себя пеструю смесь наемников, Немцев и иностранцев, католиков и протестантов, руководило не высокое, благородное мужество, а страх и отчаяние» (Балтийский вопрос, I, 672). Решимость умереть единит людей всякого звания, происхождения и исповедания и возбуждает героизм в самых трусливых натурах. Это во-первых. Во-вторых, трудно решить, какие чувства волнуют отдельных лиц в случаях подобного массового самоубийства и трудно определить, какое из чувств становится руководящим.

¹⁹⁸ Здесь оставлен гарнизон в 422 человека под начальством воевод: кн. Григория Ивановича Долгорукого, кн. Даниила Борисовича Приимкова-Ростовского, Ивана Ивановича Клешнина и кн. Григория Михайловича Елецкого; кроме того, пушка дробовая, 8 пищалей девятипядных, 4 полуторных, 2 семипядных, 2 скорострельных, 77 затинных, 400 ядер и 305 пудов зелья, Ливонский поход, I. с., VI, стр. 89–90.

Стефан, прибавлялось в царской грамоте, хочет прислать к царю послов для заключения мира, и царь готов помириться, лишь бы были только подходящие условия. Предложения были заманчивы, сопротивление же невозможно, тем более что на помощь Речи Посполитой нечего было рассчитывать¹⁹⁹, и Трикатен был сдан комендантами²⁰⁰.

Несколько раньше сдался Иоанну Роненбург. Эту крепость долгое время защищал мужественно от войск Магнуса Полубенский, находившийся здесь до своего переезда в Вольмар: он отбил несколько приступов врага и принудил его отступить от крепости. Но переехав в Вольмар и попав в плен, он, по желанию Иоанна, написал грамоту к начальникам гарнизона в Роненбурге о неизбежной необходимости сдать крепость царю, что те и сделали²⁰¹.

Взяты были еще замки Смильтен, Шуйен и Юргенсбург²⁰². Так Иоанн завладел почти всей Ливонией, не встречая почти нигде в открытом поле сопротивления. Небольшой отряд в 100 всадников, наткнувшийся на московские войска при Эрли и Нитау, принужден был вступить с ними в сражение, но, конечно, без всякого успеха²⁰³. Военные силы Речи Посполитой в Ливонии были ничтожны. Князь Христофор Радзивилл командовал здесь отрядом в 300 всадников, стоявшим в Кокенгаузене. Ввиду ничтожности собственных сил и многочисленности врагов литовский предводитель не в состоянии был дать решительного отпора врагам, тем не менее он пытался это сделать, притом с некоторым успехом, ибо ему удалось захватить в плен и Москвитян, и Татар²⁰⁴.

Но оставаться в Ливонии ввиду громадных сил неприятеля и измены со стороны самих Ливонцев, угрожавшей на каждом шагу²⁰⁵, было бы для Радзивилла безумием, поэтому он с приближением войск самого Иоанна к Двине поспешил переправиться на ту сторону реки. За ним последовал отряд польских гусар (тоже в 300 человек), находившийся под командою ротмистра Альберта Оборского²⁰⁶.

¹⁹⁹ В таком смысле писал, по желанию Иоанна, начальникам крепости кн. Полубенский, *ib.*, VI, стр. 91–92.

²⁰⁰ 10-го сентября. Здесь оставлено 118 человек, 5 пищалей волконетов медяных, пушечка полковая, 2 пищали скоро-стрельных, 50 затинных и 4¹/₂ бочки зелья.

²⁰¹ 8-го сентября. Царь оставил здесь 320 человек гарнизона, 6 пищалей медных, 6 железных, 4 скорострельных, 88 затинных, 595 ядер и 200 пудов пороха, см. Ливонский поход, I. с., № VI, стр. 94–96.

²⁰² Grundtl, Bericht, I. с., 455–456.

²⁰³ *Иб.*, II, 458.

²⁰⁴ Об этом говорит сам Стефан Баторий в письме к Иоанну Грозному, ссылаясь на показания пленных Москвитян и Татар, см. Метр. Лист., II, № 15, стр. 26. Ввиду этого утверждение немецких историков, принимающих на веру заявление Grundtl, Bericht, I. с., II, 458 о том, что Радзивилл оставил Ливонию без боя (см. Busse, *op. cit.*, 124–125, Rathlef, *op. cit.*, 397–398), следует признать неверным.

²⁰⁵ Об этом Николай Радзивилл пишет Ходкевичу.

²⁰⁶ Grundtl, Bericht, I. с., II, 458–459.

Герб Ливонского ордена. Замок в Дундаге

Администратор Ливонии Ходкевич держал свое войско в 4000 человек вне пределов страны, полагая благоразумно, что борьба с врагом, у которого 30 000 человек войска, невозможна²⁰⁷.

При известии о нападении Иоанна на Ливонию Стефан Баторий, занятый войною с Данцигом, не знал, что делать. Противник посполитого рушенья, он готов был употребить в дело даже и эти военные силы, но недоумевал, куда их направить, против ли самого Иоанна, или в пределы московского государства, чтобы отвлечь силы царя из Ливонии для защиты своих собственных владений. Король предоставлял выбор плана военных действий на усмотрение виленского воеводы Николая Радзивилла. Вместе с тем он советовал воеводе нанимать поскорее солдат, потому что только при помощи их можно успешно вести борьбу²⁰⁸.

²⁰⁷ Busse, op. cit., 120.

²⁰⁸ Acta Stephani regis, стр. 86–87, № LIX, стр. 91–93, № LXIII.

Момент был действительно критический. После покорения Иоанном Ливонии опасность угрожала и самой Литве. Ввиду этого Баторий созвал литовское посполитое рушенье и назначил великим гетманом виленского воеводу Радзивилла²⁰⁹.

Посполитое рушенье собиралось по обыкновению весьма медленно²¹⁰, а когда собралось, то в таком ничтожном количестве, что о движении против врага нечего было и думать²¹¹.

Иоанн торжествовал: Ливония покорилась ему, истоптана была ногами его коней, по его собственному выражению. Завоевание страны он не считал нарушением договора с Речью Посполитой, ибо «николи того слова не было имяновано, что с Лифляндскою землею мир»²¹². Цель была достигнута: о дальнейших завоеваниях Иоанн не думал и готов был заключить с Речью Посполитой мир, лишь бы только Ливония признана была за ним²¹³. Баторий смотрел на дело иначе.

²⁰⁹ Акты Зап. Рос., т. III, стр. 195, № 69. Документ помечен неверно 1576 годом. Содержание документа свидетельствует о том, что речь идет о событиях 1577 года: король говорит о вторжении Иоанна в Ливонию.

²¹⁰ Acta Stephani regis, стр. 94, № LXV.

²¹¹ Ib., стр. 96, № LXVI.

²¹² См. письмо Иоанна к Ходкевичу от 12-го сентября 1577 г. из Вольмара – M. Graboivski, A. Przechylicki, A. Malinowski, Źródła do dziejów polskich, Wilno, 1843, I, 57–59. Письмо это перепечатано русскими буквами в Дополн. к Актам истор., относ. к ист. Зап. Рос., т. I, стр. 178, № 123.

²¹³ Письмо Иоанна к Баторию из Вольмара от 12-го сентября 1577 года в Метр. Лит., II, № 16.

III. Приготовления к войне

И он желал поддерживать пока мир с Москвою, но, конечно, под тем условием, что Иоанн откажется от своих притязаний на Ливонию.

Мы знаем, что к царю снаряжено было великое посольство, с мазовецким воеводой Станиславом Крыским во главе, еще в начале января 1577 года. На сборы послов в путешествие ушло несколько месяцев, а Иоанн в это время произвел вторжение в Ливонию, вследствие чего посольство остановилось на пути в Вильне и обратилось за особыми инструкциями к королю. Вместе с тем оно, по совету литовского сената, вошло в сношения с Иоанном. Иоанн заявлял, что он никогда не откажется от Ливонии, угрожал вторжением в другие области Речи Посполитой и выражал свое неудовольствие на то, что Стефан Баторий не хочет признать за ним царского титула²¹⁴, прибавляя, что если последует новый отказ в этом титуле, королевское посольство рискует подвергнуться опасности. Ввиду этого глава посольства Станислав Крыский советовал Баторию не включать Ливонию в условия договора, ибо ее можно будет возвратить силою оружия подобно тому, как силою оружия покорил ее неприятель.

Но Стефан Баторий не согласился принять этот совет. Он считал невозможным давать врагу время укрепиться в Ливонии: искусный в построении замков, он воздвигнет в ней такие укрепления, что ее почти нельзя будет отнять. Кроме того, владея Ливонией, он постоянно будет угрожать Литве и по истечении перемирия легко может захватить самую столицу Литвы, Вильну. Не включать Ливонию в перемирный договор казалось Баторию делом опасным, ибо таким образом можно отшатнуть Ливонцев от Речи Посполитой и толкнуть их в объятия другого государства. Воевать с Москвою из-за одной Ливонии значило, по мнению Батория, тратить попусту труд и время, ибо вести войну в Ливонии неудобно. Баторий уже в это время думал о походе под Полоцк или под Смоленск²¹⁵.

Ввиду всего этого король наказывал послам двигаться в пути медленно и медленно вести переговоры («*barbarum verbis ducendum*»), чтоб протянуть время до сейма, который, как надеялся Баторий, должен дать ему средства на ведение войны с Москвой²¹⁶.

Послы стали действовать согласно указаниям короля. Они остановились на несколько месяцев в Орше и завязали переписку с королем и московскими боярами по поводу требования Иоанна давать ему царский титул²¹⁷. Между тем Баторий отправил к Иоанну гонца Мартына Полуяна объяснить причину задержки великого посольства в пути и узнать, желает ли царь вести переговоры о мире или нет²¹⁸. Посылка гонца имела целью в действительности затянуть еще более ведение переговоров.

²¹⁴ Бантыш-Каменский, *op. cit.*, 152.

²¹⁵ См. письмо к Ходкевичу от 10-го сентября 1577 г. ъ.

²¹⁶ *Zrodla. clziejowe*, IV, 221, Л СХХХХХ.

²¹⁷ Бантыш-Каменский, 1. с., 152–153.

²¹⁸ Метр. Лит., II, 25, № 15.

Стефан Баторий. Неизвестный художник XVI в.

Вследствие этого посольство приехало в Москву только в самом начале 1578 года²¹⁹. Иоанн принял послов пренебрежительно, отзываясь оскорбительно о Поляках, Литовцах и самом короле и давая посольству дурное содержание²²⁰. Во время переговоров о мире он заявил, что корона польская и великое княжество литовское – его вотчины, ибо род Гедимины,

²¹⁹ 10-го января, см. *Бантыш-Каменский*, 1. с., 154.

²²⁰ По словам Гейденштейна (русский перевод, 15–16; латинский текст, изд. 1672, стр. 121), царь приказал доставлять послам «самые простыя и отвратительныя кушанья, а покупать провизию в Москве и не в обычае, да и не было возможности, если бы они того захотели». Замечание историка о том, что послы не имели возможности приобретать себе провизию, непонятно.

владевший Литвою и Польшей, прекратился, а потому его наследие должно перейти к московским государям, как к ближайшим родственникам Гедиминовичей. Царь обосновывал это родство на происхождении своем от Пруса, брата римского императора Августа и родоначальника литовских князей²²¹, а права Анны Ягеллонки, жены Стефана Батория, на польско-литовское наследие устранял замечанием: «королевская сестра государству не отчич». К королю Стефану он относился свысока, как владельцу какого-то Седмиградского государства, о котором «никогда не слыхали», а потому полагал, что Стефану в равном братстве быть с ними непригоже; «а захочет с нами братства и любви, так он бы нам почет оказал»²²².

Примирить желания договаривающихся сторон было невозможно. Баториевы послы получили следующую инструкцию. Вечный мир они должны заключать на условии возвращения всего, что было отнято от великого княжества литовского, и прежде всего возвращения всей Ливонии целиком. Если царь поведет речь о перемирии, то договариваться послам о возвращении Пернова и иных замков, которые были захвачены Москвитянами во время мира, включить непременно Ливонию в перемирный договор, заключать перемирие на короткий срок и в документе договора не называть Иоанна царем и не давать ему титулов Смоленского, Полоцкого и Ливонского²²³.

Со своей стороны, Иоанн о мире на девять лет или о перемирии на восемь месяцев, как того желал Баторий, и слышать не хотел. Он соглашался на трехлетнее перемирие, начиная от Благовещения 1578 года, но исключал из условий договора Ливонию, называя ее своею вотчиною и причисляя к ней Ригу и Курляндию, владения, которые не были им завоеваны²²⁴. «Тебе, соседу нашему, – так говорилось в перемирной грамоте Иоанна, – Стефану королю в нашей отчине Лифляндской и Курляндской земле, в наши города, мызы, пристанища морские, острова и во всякие угоды не вступаться, не воевать, городов не заседать, новых городов не ставить и ничем зацепки всякой и шкоды в Лифляндской и Курляндской земли не делать и из Лифляндской и Курляндской земли людей и городов к себе не принимать»²²⁵.

В свою грамоту этого условия Баториевы послы включать не желали и не включили²²⁶. Таким образом, договор собственно не состоялся: царь скрепил присягою только свою договорную грамоту, а послы лишь свою²²⁷. Вследствие этого борьба в самом скором времени была неизбежна.

В конце 1577 года Баторий окончил войну с Данцигом и таким образом освободился от одного из важных затруднений, которые парализовали его деятельность в северных и восточных областях государства.

Он мог теперь готовиться к войне с восточным врагом. За средствами на ведение ее надо было, конечно, обратиться к шляхте. Чтоб побудить ее к большим жертвам, король и его помощник в подобных делах Замоиский постарались изобразить грозную опасность, надвигающуюся с севера и востока на Речь Посполитую, самыми мрачными красками. В руках царя уже почти вся Ливония, и отсюда ему нетрудно будет проникнуть в Литву, овладеть ее столицей, а затем и всей страной. Если допустить, что замыслы царя направлены не на Литву, то и в таком случае опасность одинаково велика. Царю легко теперь добыть Курляндию, вторгнуться в Пруссию и сделаться владыкой Балтийского моря. Решается судьба не только Литвы, но всей

²²¹ Acta Stephani regis, стр. 164.

²²² Соловьев, кн. II, стр. 265.

²²³ Метр. Лит., II, № 12.

²²⁴ Acta Stephani regis, стр. 101, № LXXIII.

²²⁵ Метр. Лит., II, № 17, стр. 32.

²²⁶ Метр. Лит., II, № 18, и Соловьев, кн. II, 266. Перемирные грамоты помещены также в соч. Щербатова, т. V, часть IV, № 28.

²²⁷ Известие Гейденштейна 16 (лат. текст, 125) подтверждается словами Батория, см. Acta Stepliani regis, стр. 164.

Речи Посполитой. Как видим, всемирно-историческое значение борьбы из-за Ливонии понимали ясно тогдашние руководители польско-литовского государства Баторий и Замоиский.

Ввиду грозной опасности необходимо особенно энергическое напряжение народных сил, необходимы чрезвычайные средства. Земское ополчение для этой борьбы не годится, так как для добывания пограничных крепостей нужны пешие воины, а чтобы их собрать и содержать, нужны деньги. Между тем государственная казна совершенно истощилась, а королевской едва хватает на удовлетворение самых необходимых потребностей. Вследствие этого установление новых налогов – дело прямо неизбежное²²⁸. Чтоб еще сильнее повлиять на умы шляхты и расположить ее еще более к себе, король обещал осуществить наконец реформу суда, которой шляхта давно уже добивалась²²⁹.

Это королевское воззвание произвело желанное действие. Сейм, созванный королем в Варшаве, и открывший свои совещания 20-го января 1578 года, решил вести войну с московским царем, и притом вести ее «в пределах неприятельских, так как прежний способ держать войска внутри собственных границ и только обороняться от врага был осужден на основании происходящего отсюда домашнего вреда и на основании примера прошлого года»²³⁰. Этот план военных действий был подсказан сейму – в этом нельзя сомневаться – самим королем. Вскоре по окончании сейма Баторий заявлял папскому нунцию Лаурео, что начиная войну с царем, он думает не о возвращении Ливонии, но о завоевании самой Москвы, и что это предприятие не так трудно, как может сначала показаться: стоит только взять Полоцк и Смоленск, и Москва будет в его руках²³¹. Чтоб обсудить вопрос, какие нужно сделать приготовления для войны, была выбрана комиссия из сенаторов, которая и представила соответствующий доклад сейму. Тогда сейм, оканчивая свою деятельность (10-го марта), установил на ведение войны сбор налогов в течение двух лет, и притом налогов столь значительных, что никто о подобных в то время не помнил, именно поземельную подать в размере одного злотого и акцизную пошлину в размере $\frac{1}{8}$ с продажной цены каждой бочки пива. Сейм обставил эти значительные налоги условием, что король лично будет вести войну и принимать участие в походах²³². Это условие показывало, что сейм относится к королю с некоторым недоверием, но оно было неуместно, так как Баторий горел желанием совершать военные подвиги наподобие Цезаря

Но король мог не быть доволен исходом сеймовых совещаний, так как не все послы выразили свое согласие на установление вышеозначенных налогов: послы воеводств краковского, сандомирского и серадзского заявили, что они не уполномочены одобрить налоги в таких размерах²³³; противилась налогам и Пруссия также²³⁴. Эта оппозиция являлась немалою помехою для Батория: он не мог сразу решиться, что ему делать, начинать ли войну или мириться с Иоанном²³⁵. Приходилось созывать сеймики в упорствовавших воеводствах, чтобы убедить шляхту в неотложной необходимости расходов, определенных на сейме, приходилось тратить попусту драгоценное время. Противники Батория, желая возбудить против него общественное мнение, распускали о нем нелепые слухи: говорили, что он намеревается уехать в Венгрию, оставив в Польше губернаторами Замоиского и белзского воеводу Андрея Тенчинского²³⁶. Эти

²²⁸ A. Pawinski, Skarbowosc za Batorego, стр. 336.

²²⁹ O. Balzer, Geneza trybunalu koronnego, стр. 308–309.

²³⁰ Гейденштейн, стр. 11, (лат. текст, изд. 1672 г., стр. 119).

²³¹ Вержбовский, Викентий Лаурео, стр. 694.

²³² Гейденштейн, стр. 11, лат. текст, 119, и Ф. Вержбовский, Викентий Лаурео, стр. 666.

²³³ Гейденштейн, ib., стр. 11.

²³⁴ A. Pawinski, Skarbowosc za Stefana Batorego, стр. 337.

²³⁵ Ф. Вержбовский, В. Лаурео, стр. 685.

²³⁶ Acta Stephani regis, стр. 100, № LXXII и стр. 104, № LXXV; Вержбовский, В. Лаурео, стр. 677.

слухи могли казаться основательными, так как король по окончании сейма отправился из Варшавы (14-го апреля)²³⁷ не в Литву, не к границам Ливонии, как можно было бы предполагать ввиду предстоявшей войны с Иоанном Грозным, а во Львов, к границам Венгрии. Кажущаяся основательность слухов производила, конечно, влияние на общественное мнение, возбуждала недоверие к Баторию и усиливала среди шляхетского сословия оппозицию. Король и Замоиский старались подавить ее, изображая громадность опасности, угрожающей Речи Посполитой со стороны Москвы. Если восточный враг овладеет одной, двумя гаванями на Балтийском море, он приобретет постепенно господство над всем морем; тогда Данциг потеряет все свое значение для Речи Посполитой, что самым пагубным образом подействует на ее благосостояние. Решается притом судьба не одной Ливонии, но Курляндии и Пруссии и наконец самой Литвы: мало того, гибель грозит всей Речи Посполитой. если граждане ее не будут действовать единодушно²³⁸.

Это воззвание подействовало на шляхту серадзского воеводства. На пути во Львов Баторий узнал, что она согласилась на постановления сейма относительно налогов, но два другие воеводства, подстрекаемые жожаками оппозиции, продолжали упорствовать. Чтобы сломить противодействие, король по пути во Львов заехал в Сандомир и пригласил к себе некоторых местных вельмож, чтобы словом повлиять на них, но они медлили приездом²³⁹.

Сеймики краковского и сандомирского воеводства разрешали королю взимать налоги только в размерах, установленных в 1565 году, т. е. поземельную подать по 20 грошей с лана и акцизный сбор (чоповое) с освобождением от него городов и шляхетских деревень. Шляхта заявляла, что, соглашаясь на эти налоги, она производит насилие над собою и своими крепостными крестьянами, поступает вопреки своим правам и вольностям и желает, чтобы установленные налоги обращены были на военные нужды. Шляхта выражала недвусмысленно подозрение, что король на иные цели употребит полученные от нее доходы. Краковское воеводство давало королю обещание увеличить налоги до нормы, принятой в остальных воеводствах, когда король на самом деле начнет войну, а сандомирская шляхта заявляла лишь готовность выступить посполитым рушеньем против врага, если король откажется принять те налоги, которые оно ему предлагало²⁴⁰. Подобное решение сеймиков не могло понравиться королю, ибо противодействие двух воеводств могло оказаться делом опасным, подавая заразительный пример другим воеводствам²⁴¹. Вследствие этого надо было настаивать на том, чтобы и упорствующие воеводства пришли к решению, принятому на сейме. С этой целью Баторий созвал сеймик, общий для этих воеводств, в Новый Корчив, в надежде на то, что он своего добьется, хотя ему, прежде всего вождю, любившему действовать энергично и быстро, сеймиковые совещания весьма и весьма не нравились²⁴².

Король вместе со своим помощником Замоиским еще раз изобразил перед шляхтою самыми мрачными красками опасности, угрожающие Речи Посполитой, стараясь таким образом подействовать на ее патриотизм. Он повторял опять, что грозит гибель Речи Посполитой; а если она погибнет, шляхту, ее жен и детей ожидают всякого рода жестокости, которые будет

²³⁷ Вержбовский, В. Лаурео, стр. 683.

²³⁸ J. Janicki, Akta historyczne do panowania Stefana Batorego króla polskiego, od 3-go marca 1578 do 18-go kwietnia 1579 r. (Biblioteka Ordynacji Krasieńskich, t. V i VI), стр. 20–24, № 18.

²³⁹ Гейденштейн, стр. 31, и Acta Stephani regis, стр. 100 № LXXII.

²⁴⁰ Краковский сеймик был созван в Прошовицы на 16-ое апреля, а сандомирский в Опатове – на то же число, см. Instrukcja panów posłów z sejmiku Proszowskiego (Bibl. Ord. Krasień., t. V, IV, стр. 46–50, № 34) i Zlecenie posłom z województwa Sandomirskiego (ib., стр. 50–51, № 35); см. также А. Pawiński, Skarbowość i t. d., стр. 337–338.

²⁴¹ Вержбовский, В. Лаурео, № 191, стр. 699.

²⁴² См. Respons J. Kr. Mości etc. J. Janicki, op. cit., стр. 51, № 36. Сеймик был созван на 22-ое мая, см. ib., № 37, стр. 53.

совершать враг над своими жертвами, ожидают – еще хуже рабства – позор, поругание и посмешище у других народов²⁴³.

Надежды короля не осуществились. Новокорчинский сеймик пришел к такому же почти решению, как и воеводские сеймики: уступки, сделанные королю, были самые незначительные. Малопольскую шляхту возбуждали против Батория главные его противники Зборовские, недовольные тем, что лишились при дворе всякого влияния; к ним присоединился и известный предводитель шляхты Шафранец²⁴⁴. В Польше начиналась политическая борьба, виновниками которой были Зборовские, борьба, которая в последующее время вызвала немало замешательств.

²⁴³ См. Instrukcia na sejmik Korczyński etc. J. Janicki, op. cit., стр. 56, № 38.

²⁴⁴ *Вержбовский*, В. Лаурео, стр. 702.

Изображение Ивана Грозного на пушке

Король находился в затруднительном положении; он готов был идти на уступки и хотел уменьшить подать со шляхетских имений, оставляя для королевских и церковных имений прежнюю. Голоса сенаторов, к которым он обратился за советом по данному вопросу, разделились. Одни склонялись к мнению короля, другие протестовали против всяких уступок, говоря, что это будет весьма дурным примером, что другие воеводства, узнав о компромиссе короля с новокорчинским сеймиком, потребуют и для себя таких же уступок, а тогда все дело о новых налогах сведено будет на ничто. В то время как король находился в нерешительности, что делать в данном случае, явились к нему два посла от новокорчинского сеймика, донесли в присутствии сенаторов о принятом на сеймике решении и торжественно объявили от имени

той шляхты, которая их послала к королю, что она не даст ему на следующий год совсем налогов, если он не примет надлежащих мер по отношению к владельцам королевских имений, чтобы понудить их внести в королевскую казну положенные $\frac{1}{4}$ арендной платы²⁴⁵. Таким образом, оппозиция имела ту социально-экономическую подкладку, которая всегда обнаруживалась в социальной жизни Польши с тех пор, как шляхта начала играть самостоятельную роль в государстве. Баторий готов был идти напролом: он намеревался пренебречь постановлением упорствовавших воевод и издать универсал о взимании налогов в таких размерах, в каких они были определены на последнем варшавском сейме, хотя и опасался, что это может вызвать замешательство в стране. Однако дело уладилось компромиссом. Замойский пригласил к себе вышеупомянутых послов от новокорчинского сеймика и сумел убедить их в необходимости согласия с остальными воеводствами Польши. В налогах с краковского и сандомирского воеводств сделана была ничтожная сбавка²⁴⁶; кроме того, король обязался употребить налоги с этих воеводств исключительно на издержки московской войны и добавить денег из своей казны на заготовку артиллерии и амуниции²⁴⁷.

Так было устранено одно препятствие, мешавшее осуществлению военных планов Батория, но предстояло впереди еще немало иных помех. Налоги одобрены, но еще не собраны, находятся еще не в казне. На соби́рание их уйдет немало времени и придется затратить немало энергии. Враги Батория, очевидно, все те же Зборовские, стали собирать сеймики и возбуждать шляхту против короля, распространяя среди нее мнение о необходимости рассмотреть финансовые дела на новом сейме, так как не все воеводства пришли к одинаковым решениям по вопросу о размере налогов. Приходилось принимать меры против этой агитации, причем немаловажную услугу оказал королю по обыкновению в данном деле Замойский²⁴⁸.

В Пруссии проявилась тоже сильная оппозиция. Прусские чины не прислали даже своих депутатов на варшавский сейм. Поэтому необходимо было созывать и здесь сеймик, отправлять посла, представлять опасности, угрожающие Речи Посполитой и в особенности Пруссии со стороны московского врага, убеждать, вести переговоры, тратить время, чтобы только добыть средства на государственные нужды. Пруссия не сразу выразила готовность помогать королю. Сеймик, собранный в Грудзиондзе, ограничился жалобами на тяжелое экономическое положение страны и на нарушение привилегий, дарованных Пруссии. Вследствие этого являлась необходимость собрать новый сеймик, который согласился наконец дать королю 50 000 флоринов²⁴⁹.

Далее, налоги были собраны в казну только к началу 1579 года²⁵⁰, следовательно, начинать войну в 1578 году было весьма трудно, далее невозможно, так как встречались еще и иные затруднения, притом громадной важности. Прежде чем объявить войну на севере, необходимо было обезопасить предварительно южные области государства от Татар и Турок. С этой стороны могла разразиться сильная гроза.

Стефан Баторий тотчас по вступлении своем на польский престол постарался заключить мир с турецким султаном, имея в виду не только интересы Речи Посполитой, но и интересы Трансильвании, которую Турки легко могли отнять у рода Баториев. С этой целью в Константинополь был отправлен галицкий каштелян Ян Сененьский, которому удалось склонить Тур-

²⁴⁵ Acta Stephani regis, стр. 108, № LXXVIII.

²⁴⁶ J. Janicki, op. cit., 93, № 51.

²⁴⁷ *Иб.*, 98, № 55. Гейденштейн (стр. 31) говорит, что компромисс последовал, когда король сбавил акциз с пива до $\frac{1}{24}$ дохода в имениях шляхты и до $\frac{1}{18}$ в королевских и церковных.

²⁴⁸ Janicki, op. cit., 96, № 52 и Acta Stephani regis, 121, № LXXXVII.

²⁴⁹ *Иб.*, №№ 29, 42, 70.

²⁵⁰ A. Pgwuiski, Skarbowość etc., стр. 341.

цию к союзу с Речью Посполитой. Султан обещался не только удерживать Крымских Татар от набегов на польские земли, но и оказывать военную помощь Баторию²⁵¹.

Пока велись переговоры с Портой, Татары по своему обыкновению произвели весной 1577 года опустошительный набег на Киевскую землю, Волынь и Подолию²⁵². Положение Батория в этот момент было весьма затруднительно: приходилось бороться с мятежным Данцигом, отражать близившееся нападение Иоанна на Ливонию и принимать меры против татарских набегов. Кризис не миновал и в конце 1577 года. Данциг, правда, был усмирен, с Турцией заключен союз, но зато Ливония покорена Иоанном: мало того, и со стороны Турции, несмотря на мирный договор, угрожала война. На юге произошли события, которые едва не уничтожили дружественного соглашения с Портой.

Среди запорожских казаков явился атаман, по имени Иван Подкова, прозванный так за свою необыкновенную физическую силу (он легко ломал подковы): он увлек своих удальцов на смелое предприятие. Валах по происхождению, он задумал низложить с престола Валахии господаря Петрила, ибо считал себя основательно или притворно законным наследником страны. При содействии некоторых польских панов и при помощи московского золота авантюристу удалось осуществить свой замысел.

Но властвовать в Валахии пришлось ему недолго. Изгнанный валашским воеводой при помощи Турок, он удалился в пределы Речи Посполитой, в Подолию, в окрестности города Немирова. Опасаясь нарушить мир с Турцией, Баторий приказал арестовать Подкову брацлавскому воеводе князю Янушу Збаражскому, угрожая последнему судом, если он не пожелает подчиниться королевскому приказанию: король подозревал, что воевода был сторонником авантюриста²⁵³. Подкова был задержан каменецким каштеляном Николаем Сенявским²⁵⁴ и передан затем князю Збаражскому, который доставил его королю в Варшаву, явившись сам сюда, чтоб оправдаться перед королем в возведенном на него обвинении, будто он помогал Подкове в его походе на Валахию²⁵⁵.

Казаки после этой неудачи не успокоились. Брат пойманного Ивана Подковы, Александр, предпринял с Запорожцами новый поход на Молдавию, захватил ее столицу Сучаву и провозгласил себя господарем²⁵⁶. Тогда Баторий, опасаясь, чтобы султан не присоединил Молдавию к своим владениям и не послал туда паши управлять ею, что было бы немалой опасностью для Трансильвании, посоветовал своему брату Христофору, трансильванскому воеводе, отправить вспомогательное войско молдавскому господарю, осадившему Александра Подкову в Сучаве. Подкова был побежден и попал в плен, где и погиб, посаженный на кол, а казаки были отчасти рассеяны, отчасти умерщвлены или отправлены в цепях в Константинополь²⁵⁷.

Последствия этих казачьих предприятий не замедлили обнаружиться. В феврале 1578 года крымский хан лично произвел опустошительный набег на Волынь и Подолию и осадил князя Острожского в его замке Острог. Король отправил против Татар брацлавского воеводу князя Збаранажского, чтобы прекратить их грабежи, но объявлять войну хану пока считал делом невозможным, из опасения нарушить мир с Турцией. Напротив того, он полагал, что

²⁵¹ Договор состоялся 5-го ноября 1577 года, см. *Aug. Sokółowski*, O tureckiej polityce Stefana Batorego (Ateneum, 1886, Т. 518); *Вержбовский*. Викентий Лаурео, 621; *Źródła dziejowe*, IV, 233, № CXLVIII и 234, № CXLIX.

²⁵² *Źródła dziejowe*, IV, 138, № LXXX. Документ без даты, но содержание его и нахождение среди документов 1577 года доказывают, что его следует относить к нападению, произведенному Татарами в этом году.

²⁵³ *Źródła dziejowe*, IV, 229–231, №№ CXLV, C XL VI.

²⁵⁴ *Вержбовский*, В. Лаурео, 649, № 179.

²⁵⁵ *Иб.*, 652. Гейденштейн (стр. 9) говорит, что Подкову к королю отослал Николай Сенявский. В *Acta Stephani regis*, стр. 108 (в примеч. к № LXXVII) Подкове дается, неизвестно почему, имя Павел.

²⁵⁶ *Вержбовский*, В. Лаурео, 662.

²⁵⁷ *Вержбовский*, В. Лаурео, 685–686 и Гейденштейн, стр. 32.

необходимо и с ханом поддерживать дружественные отношения, поэтому обещал давать ему ежегодно поминки, если он направит свои набеги на земли московского государства²⁵⁸.

Все эти события, происходившие в южных областях Польши, могли повлечь за собой величайшую опасность для Речи Посполитой, особенно ввиду приближавшейся войны с Москвой. Вот что вызвало короля во Львов. Здесь он принимал турецкого чausа и татарских послов.

²⁵⁸ Janicki, op. cit., 34, № 26.

Князь К. И. Острожский. Портрет XVIII в.

Нападение Подковы на Валахию и Молдавию сильно раздражило султана: он грозил Баторию разрывом союза и войной, если король не накажет примерно казаков, не казнит Ивана Подкову или не выдаст его живьем Туркам²⁵⁹.

Несмотря на оскорбительные требования, Баторий принужден был извиняться перед султаном, заявляя через своего посла Христофора Держжа, отправленного в Константинополь, что нет возможности ни истребить казаков, ни удержать их от набегов на турецкие владения²⁶⁰. Вместе с тем король постарался привести в действие самые суровые меры, чтобы прекратить казацкие походы и грабежи²⁶¹.

Наконец, в угоду султану, Иван Подкова, по приказанию Батория, был обезглавлен в присутствии турецкого чausa, несмотря на то, что многие в Польше ходатайствовали перед королем о даровании жизни смелому атаману²⁶². Тогда с Турцией восстановлено было дружественное соглашение.

В это же время происходили переговоры и с крымским ханом. Баторий соглашался посылать ему обычные поминки и соблюдать мир на тех условиях, какие существовали при прежних королях²⁶³, но хан хотел изменить эти условия. Он требовал, чтобы король давал ему ежегодно поминки даже и в том случае, если Татары не будут служить польскому правительству и будут находиться в союзе с Москвой. Кроме того, он требовал, чтобы оба берега Днепра были уступлены Орде, а казаки изгнаны совсем из Запорожья²⁶⁴.

Однако после продолжительных торгов со стороны татарских послов, при посредничестве турецкого чausa, не без сильного влияния богатых подарков, мир с ханом был заключен на прежних условиях; Татары обязались за получаемые поминки вести войну с московским государством. Над заключением договора Баторию пришлось потрудиться немало. Угрозы турецкого султана и затруднительные обстоятельства, в которых король находился тогда вследствие того, что близилась война с Москвой, усиливали требовательность крымского хана. К счастью для Речи Посполитой, он принужден был, по приказанию турецкого султана, своего сюзерена, послать 30 000 своих подданных на войну с Персами, что ослабило силы Орды, вследствие чего татарское посольство сделалось сговорчивее и пошло на уступки²⁶⁵. Так состоялся договор, но только в сентябре 1578 г.²⁶⁶ Пока шли переговоры с Татарами, король не мог рассчитывать на безопасность южных областей государства, а потому полагал, что его присутствие во Львове, поблизости к этим областям, необходимо²⁶⁷. Он уехал из Львова только во второй половине сентября²⁶⁸.

Вот были причины, вследствие которых приходилось отложить объявление войны Иоанну Грозному до 1579 года. Чтобы удержать царя от новых враждебных действий, король считал необходимым прибегать к дипломатическим уловкам. Получив из Москвы извещение от послов о том, что Ливония исключена из перемирного договора, он послал к Иоанну дворянина Петра Гарабурду просить, чтобы Иоанн и в Ливонии сохранял мир до тех пор, пока

²⁵⁹ Acta Stephani regis, 107, № LXXVII.

²⁶⁰ Aug. Sokołowski, O tureckiej polityce Stefana Batorego Ateneum, 1886, I, 521.

²⁶¹ Janicki, op. cit., №№ 23, 24, 25.

²⁶² Верещовский, В. Лаурео, 711; Aug. Sokołowski, 1. c, I, 522; Гейденштейн, 32.

²⁶³ Acta Stephani regis, 123, № XC; Гейденштейн, стр. 32.

²⁶⁴ Acta Stephani regis, № XC, стр. 124.

²⁶⁵ Acta Stephani regis, стр. 129, № XCII.

²⁶⁶ Ibid., стр. 140, № XCIX.

²⁶⁷ Ib., 112, № LXXIX.

²⁶⁸ Ib., 144, № CI.

перемирный договор не будет им, королем, ратификован²⁶⁹. Вместе с тем король отдал приказ не впускать московских послов в пределы Речи Посполитой, пока не вернется из Москвы Гарабурда²⁷⁰.

Между тем Иоанн отправил к Баторию для ратификации договоров великое посольство, во главе которого стоял дворянин Михаил Далматович Карпов²⁷¹. Согласно королевскому приказу, московских послов задержали сначала на границе Литвы²⁷², а потом задерживали нарочно уже в самой Польше. Баторий желал затянуть таким образом время до осени и дожидаться момента, удобного для начала военных действий²⁷³. Аудиенция послам у короля назначена была сначала в Люблине²⁷⁴, потом во Львове²⁷⁵ и состоялась, наконец, в Кракове (5-го декабря) по возвращении сюда короля из Львова²⁷⁶.

Послы не захотели начинать переговоров, так как король нарушил установленный церемониал. Желая высказать к ним, а вместе с тем и к самому царю, пренебрежение за то, что царь в лице его, короля, послов не почтил его, как равного себе, Баторий не встал при приеме посольства и не осведомился, стоя с открытой головой, о здоровья царя.

Послы заявили, что им под страхом смертной казни запрещено их государем править посольство, если требования этикета, обычного при приеме посольств, не будут исполнены²⁷⁷. Тогда аудиенция была прервана, и посольство уехало из Кракова (11-го декабря). Но прежде чем оно оставило город, король приказал (9-го декабря) литовскому подскарбию Лаврентию Войне задержать его в литовском городке Мсцибове до своего приезда в Гродну, под тем предлогом, что он хочет дать еще раз аудиенцию посольству в присутствии литовских вельмож²⁷⁸.

Задержка была произведена в возмездие за то, что Иоанн задержал королевского гонца Петра Гарабурду с той целью, чтобы до возобновления переговоров о Ливонии возмездием вернуть здесь потери, понесенные московскими войсками после покорения Иоанном этой страны²⁷⁹.

Происходили переговоры о мире, противники выражали желание находиться друг с другом в приязненных отношениях и в то же время вели уже собственно войну.

Баторий готовился к ней весьма деятельно. Земское ополчение шляхты он признавал негодным для военных целей и не желал им вовсе пользоваться. Поэтому необходимо было организовать наемное войско. Венгерские полководцы Каспер Бекеш и Михаил Вадаш получили поручение нанять солдат в Венгрии, Христофор Розражевский и Эрнест Вейер – в Германии, польским ротмистрам даны деньги авансом на соби́рание отрядов в самой Польше. Кавалеристы должны были являться в панцирях, шишаках, с копьями, саблями или мечами и иметь сильных и здоровых лошадей, пехотинцы в платьях одинакового цвета и покро́я, с рушницами, топорами, мечами или саблями. Предписывалось командирам набирать людей здоровых, сильных, умеющих владеть оружием и поддерживать в отрядах строгую дисциплину: отряды должны были идти прямо на сборный пункт, не делая никаких притеснений мирным жителям. Одновременно заготавливалась амуниция; свозились пушки, ядра, порох, ружья и т. п.;

²⁶⁹ Метр. Лит., II, № 19 – «поки послы ваши великие у нас будут и от нас к вам звернутся».

²⁷⁰ Acta Stephani regis, № LXXIII, стр. 102.

²⁷¹ Посольство выехало из Москвы 16-го мая, см. *Бантиш-Каменский*, I, стр. 155.

²⁷² Acta Stephani regis, 107, № LXXVII.

²⁷³ *Иб.*, стр. 121, № LXXXVII.

²⁷⁴ *Иб.*, № LXXXIX, стр. 123.

²⁷⁵ *Иб.*, стр. 130, № XCIII.

²⁷⁶ Глава посольства Карпов умер на пути в Краков, см. Acta Stephani regis, стр. 136, и Гейденштейн, 33, прим. 1.

²⁷⁷ *Тургенев*, *Historica Russiae monumenta*, t. I, стр. 275, № CLXXXVIII, *Гейденштейн*, *op. cit.*, стр. 33, Метр. Лит., II, № 22; *Соловьев*, *op. cit.*; стр. 267.

²⁷⁸ Акты относящиеся к истории Западной России, т. I, стр. 239, № 107.

²⁷⁹ *Бантиш-Каменский*, I, с., стр. 155 и Acta Stephani regis, 164.

что касается пушек, то в Вильне устроен был завод, который отливал их по рисункам, составленным самим Баторием²⁸⁰.

Кроме наемного войска, Баторий сделал попытку организовать вооруженные силы государства путем возложения воинской повинности на крестьян, обрабатывавших королевские имения. По королевскому проекту, крестьяне обязаны были доставлять с каждых 20 ланов одного пехотинца в определенном вооружении; такой крестьянин-воин освобождался от всяких иных повинностей: чинша, барщины, дачи подвод и др.

Эти последние повинности распределялись между 19 крестьянами, к группе которых принадлежал крестьянин-воин. Крестьяне-воины должны были собираться в определенные пункты к своим начальникам, которые обязаны были вести их против неприятеля всякий раз, как враг угрожал государству. Очевидно, этот проект имел в виду создать в Польше правильно организованное постоянное войско, но этому проекту не суждено было осуществиться так, как задумал его Баторий. Если бы задуманная королем военная организация развилась надлежащим образом, она оказала бы немаловажное влияние даже на судьбы Речи Посполитой, как основательно замечают польские историки. Оборона родины собственной грудью пробудила бы в крестьянине патриотизм и вывела бы его из того косного состояния, в каком он находился; косность же крестьянской массы была одной из важнейших причин гибели Речи Посполитой. Одним словом, рассматриваемый проект Стефана Батория представлял собою замечательный по глубине и целесообразности замысел. Но в 1579 году войско из крестьян не было набрано.

Король сумел привлечь для войны и силы запорожских казаков. Они прислали к королю во Львов (15-го сентября 1578 г.) 5 послов с предложением своих услуг везде, куда король прикажет им идти. Король принял благосклонно это предложение и нанял на службу отряд в 600 человек с платою каждому по 6 коп. литовских грошей и по куску сукна на армяк ежегодно. Черкасский староста назначен был казацким гетманом, и запорожцы обязались повиноваться королю и не предпринимать походов в Молдавию или Турцию²⁸¹.

В приготовлениях к войне прошел целый 1578 год; начинать войну зимой было неудобно, а потому объявление ее приходилось отложить до весны или лета 1579 года. Кроме того, были и другие важные причины отсрочки. Короля беспокоил недостаток денежных средств. К началу 1579 года в казне собралось, правда, 540 000 злотых, но эти деньги израсходованы были на уплату жалованья наемным отрядам венгерским, немецким и польским, и на приготовление амуниции и продовольствия войскам²⁸². Ввиду этого король созвал в Краков сенаторов на совет, чтоб спросить их мнения относительно того, нельзя ли обратиться к чинам государства с предложением увеличить налоги, но сенаторы указали королю на неудобство этой меры и он должен был от нее отказаться²⁸³. Он намеревался созвать для этой же цели сейм в марте 1579 года, но и это намерение должен был оставить, так как раздавались сильно голоса против этого²⁸⁴. Вследствие всех этих обстоятельств король решился вести войну на те средства, которые явятся в казне в 1579 году и какие можно будет приобрести путем займа.

Еще будучи в Кракове, он подумал об избрании главнокомандующего армии и посоветовался с сенаторами по вопросу о том, назначить ли пожизненного гетмана или временного.

²⁸⁰ K. Górski, *Pierwsza wojna Rzeczypospolitej z Wielkim Księstwem Moskiewskiem za Batorego*. Bibl. Warsz., 1892, II, стр. 98–99.

²⁸¹ Janicki, *op. cit.*, 336, № 160, (Postanowienie z Niżowcy); Acta Steph., стр. 144, № CI. Мнение, распространенное среди русских историков (см., напр., *Эварницкий*, История Запорожских казаков II. 61) о том, будто Баторий дал всем украинским казакам особенную организацию, решительно опровергается польскими исследователями, см. Al. Jabłonowski, *Ukraina, (Polska, XVI w. Źródła dziejowe, t. XXII)*, стр. 425.

²⁸² A. Pawiński, *Skarbowość, etc*, стр. 341.

²⁸³ K. Górski, *op. cit.*, стр. 96.

²⁸⁴ A. Pawiński, *op. cit.*, стр. 341.

Большинство высказалось за назначение предводителя только на время войны²⁸⁵. Направляясь из Кракова в Варшаву, Баторий вызвал туда подольского воеводу Николая Мелецкого и предложил ему гетманство, которое тот принял только на время первого похода против московского царя²⁸⁶. Это назначение объясняется тем, что Мелецкий был одним из вождей той партии, на которую Баторий опирался в Польше²⁸⁷, притом вождей деятельных, которые энергически старались расстраивать козни противников Батория.

Из Варшавы король отправился в Гродну, чтобы обсудить с литовскими вельможами государственные нужды и план предстоящей войны с Москвой. По этому поводу высказаны были здесь различные мнения. Одни советовали ударить прежде всего на Великие Луки, другие на Псков, иные на Полоцк. Ян Замойский, главный помощник Батория, советовал идти к Полоцку, мотивируя свое мнение поговоркою: бери то, что ближе всего.

Результат совещаний мог порадовать Батория, потому что вельможи Литвы предложили королю доставить на время всей кампании отряд в 10 000 конницы и обещались содержать его на свой счет.

Такая щедрость Литовцев обязывала короля отнестись к их делам с большим вниманием, а они жаловались на неурядицы в администрации своей страны: так многие судебные дела не разрешены были еще со времен Сигизмунда-Августа²⁸⁸. Приготовления к войне и судопроизводство задержали Батория в Гродне до начала марта, а затем он направился в Вильну²⁸⁹. Тут в исполнении королевских намерений опять произошла проволочка. Войска собирались очень медленно. Король еще в начале января (9-го) распределил пути, по которым должны будут двигаться отдельные отряды, чтобы совместное их движение по одной дороге не было слишком обременительно для мирных обывателей²⁹⁰. Срок, назначенный для сбора, прошел уже давно, а польские солдаты еще не появлялись. Первыми прибыли Венгры²⁹¹.

Ко всем этим затруднениям присоединились еще и морозы, которые в 1579 году продолжались в Литве дольше, чем когда-нибудь²⁹².

²⁸⁵ Гейденштейн, *op. cit.*, стр. 37.

²⁸⁶ *Ibid.*, стр. 38.

²⁸⁷ Гейденштейн мотивирует назначение главой Мелецкого, как знающего и храброго полководца, но см. *Ф. Вержбовский*, В. Лаурео, стр. 606.

²⁸⁸ Тургенев, *op. cit.*, I, 276, № CLXXXIX.

²⁸⁹ Король выехал из Гродны 25-го февраля (Римские портфели в библиотеке Краков. Акад. Наук, 9, CIV, донесение Калигари от 9-го марта) и прибыл в Вильну 2-го марта, см. *Тургенев*, I, 277, № CXС.

²⁹⁰ *Acta Stephani regis*, 155, № CX.

²⁹¹ К. Górski, I, с. II, 100.

²⁹² Гейденштейн, 39.

IV. Полоцк

Так Баторий принужден был откладывать выступление в поход, но война, хотя и не была еще формально объявлена, началась уже собственно в 1577 году. По уходе Иоанна из Ливонии литовские предводители Борис Сава и Вильгельм Плятер отняли у Москвитян Динабург при помощи хитрости: они послали в подарок московскому гарнизону бочку водки; воины перепились, а Литовцы, воспользовавшись их опьянением, завладели крепостью (в ноябре 1577 года)²⁹³. Несколько позже Иоанн потерял и Венден. Польский военачальник Матвей Дембинский и немец Иоанн Бюринг, секретарь администратора Ливонии Ходкевича, заняли крепость с помощью Латышей, отворивших им ворота города²⁹⁴. Те же предводители отняли у Русских и другие замки в Ливонии: Зонцель, Эрлю, Лемзаль, Буртних, Роппе, Нитау, Пуркель и др.²⁹⁵

В начале февраля 1578 года русские воеводы пытались овладеть снова Венденом, простояли под крепостью четыре дня, сделали даже пролом в крепостной стене, но принуждены были отступить, ибо гарнизон, несмотря на недостаток съестных припасов (ему пришлось есть даже лошадей), мужественно защищался и, кроме того, получил подкрепление от Матвея Дембинского, сумевшего проникнуть в крепость²⁹⁶. Потери Иоанна в Ливонии увеличились еще вследствие измены Магнуса, подчинившего Баторию те свои владения, которые принадлежали еще ему в этой стране.

Сношения герцога с королем начались уже в конце 1577 года²⁹⁷. Баторий поручил вести переговоры с Магнусом виленскому воеводе Николаю Радзивиллу²⁹⁸, который советовал королю поставить герцога во главе управления Ливонией на условиях феодальной зависимости²⁹⁹.

О немедленном возвращении потерь в Ливонии нельзя было пока и думать Иоанну, так как приходилось действовать против Шведов, которые летом 1578 года причинили немало вреда русским³⁰⁰.

²⁹³ Гейденштейн, 7. О взятии Динабурга посредством такой хитрости говорит и Ниенштедт, но называет неправильно предводителя отряда, взявшего крепость, ротмистром Иоанном Плате, см. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, IV, 48. Стрыйковский, (*Kronika polska, litewska etc.*, Warszawa, 1846, II, 427), сообщает, что Динабург был отнят доблестным казаком Забою (*Dinenbork z kozakiem dzielnym Zabą odiskali*); тут, вероятно, опечатка и надо читать Савою.

²⁹⁴ Гейденштейн (7) ставит взятие Вендена в заслугу только Дембинскому, немецкие летописцы – только Гансу Бюрингу. Согласно Геннингу (*Scriptores rerum Livonicarum*, II, 273), взяты были при этом в плен наместник (*Stadthalter zu Plesskow*), князь Даниил и Иван Квашин (*Juan Quasin*) – известие, которое подтверждается письмом Батория к Яну Ходкевичу (прилож. № XVIII). Рассказ Рюссона (*Script, rerum Livon.*, II, 132 и Сб. матер. и статей по ист. Прибалт. края, III, 293–294), изобилующий подробностями, отмечает факт, указанный и Гейденштейном, именно тот, что ворота отворили Латыши. «Немцам не трудно было отворить городские ворота, говорит Рюссон, так как им помог один слесарь, родом из Леттов, оставшийся у Русских». У Гейденштейна фигурирует Латыш-плотник, который делает восковой отпечаток городских ключей, prepares по нему другие ключи и передает их Дембинскому. У Лавр. Миллера (*Записки о временах Стефана Батория*, Сб. матер. по ист. Прибалт. края, IV, 129), приписывающего взятие Вендена тоже Гансу Бюрингу, этой подробности нет. Христиан Штрапфер, секретарь герцога Магнуса, в письме к Баторию говорит, что Иоанн Бюринг «*collectis undique Germanis, Polonis atque rusticis admotiscalis*», взял Венден, см. Janicki, op. cit., стр. 304.

²⁹⁵ Henning, 1. c, II, 273; Рюссон, 1. c, III, 294; Г. В. Форстен, Балтийский вопрос, I, 672–673.

²⁹⁶ Карамзин, IX, примеч. 507. По рассказу Геннинга (1., c, II, 273) и Рюссона (Сб. матер. Приб. кр., III, 295), гарнизон, за недостатком съестных припасов, принужден был есть лошадей. По Рюссону, крепость была вырвана Бюрингом, по Гейденштейну (17) – Дембинским, по Геннингу – Александром Ходкевичем. Гейденштейн говорит, что Александр Ходкевич, гродненский староста, племянник администратора Ливонии, только преследовал отступавших уже воевод, но не мог их настигнуть.

²⁹⁷ См. письмо Христиана Штрапфера, Магнусова секретаря, от 4-го января 1578 года – Janicki, op. cit., 302, № 140.

²⁹⁸ *Иб.*, №№ 141, 146, 157.

²⁹⁹ *Иб.*, стр. 355, № 173; Гейденштейн, 18–19; Busse, op. cit., 129–130. Договор об этом состоялся в конце 1578 г., а не в начале, как утверждает проф. Г. В. Форстен (Балтийский вопрос I, 673) ибо письмо Радзивилла, советуемое Баторию принять Магнуса под покровительство, помечено 2-м ноября.

³⁰⁰ Г. В. Форстен, op. cit., I, 673.

Только в октябре этого года московские воеводы, отняв у Шведов замок Оберпален, сделали опять попытку взять Венден. После непродолжительной осады³⁰¹ им удалось уже разрушить стену крепости³⁰². Но на выручку ее поспешило польско-литовское войско под начальством Андрея Сапеги и Матвея Дембинского. Соединившись с шведским отрядом, которым командовал Георг Бойе³⁰³, оно стало переправляться через реку Аа (Говью). Тогда Москвитяне бросились на врага, чтоб оттеснить его назад за реку, но безуспешно. Завязался жаркий бой, и Русские, несмотря на свое численное превосходство³⁰⁴, были побеждены. Часть русского войска была обращена в бегство³⁰⁵, причем с поля битвы бежал и главный воевода, князь Иван Юрьевич Голицын³⁰⁶. Но зато воины, оставшиеся на поле сражения, засев в окопах, мужественно оборонялись всю ночь и только на следующее утро после отчаянного боя в окопах, когда враги ворвались сюда, сложили оружие, причем убито было несколько воевод и много простых воинов³⁰⁷.

³⁰¹ С 15-го по 20-ое октября, см. Акты Зап. Рос, III, 237, № 105.

³⁰² *Moscouische Niederlag vnd Belegenmg der Statt Wenden*, 1579, gedruckt zu Nürnberg durch Leonhard Haussier в Чтениях Общества Ист. и древностей, 1847, № 3 и Карамзин, IX, примеч. 509. У Гейденштейна (35) нет этой важной подробности.

³⁰³ *Рюссов*, I. с, III, 300–302.

³⁰⁴ По *Генцингу*, I. с, II, 274, *Стрыйковскому*, II, 427 и по *Moscouische Niederlag*. (I. с, 1847, № 3) Русских было 20 000, по *Рюссову* (I. с, III, 300–302) – 18 000; у Гейденштейна цифра не указана. Численность польско-литовского и шведского отрядов сообщает *Рюссов* (I. с, III, 300–301): в первом было 2000 человек, а во втором 3 эскадрона всадников и 3 роты пехотинцев; в депеше нунция Калигари от 6-го, XI, 1578, (Краков, римские портфели, 8, СII, стр. 59) – 8000.

³⁰⁵ По словам Гейденштейна, Татары первые пустились бежать.

³⁰⁶ *Карамзин*, IX (изд. 1852), 286–287 и примеч. 509. В «Вестовой отписке Андрея Сапеги» (Акты Зап. Рос, III, 237, № 105) он не назван по имени, говорится только, что «гетман преднейший войска московского утекл». В *Moscouische Niederlag* (I. с., 1847, № 3) воеводе дается странное имя Хокца (*Choktza genannt*). Гейденштейн (36) неправильно говорит, что Петр Хворостинин бежал. «Вестовая отписка» Андрея Сапеги приводит его в списке пленных, тоже и в *Moscouische Niederlag*.

³⁰⁷ Списки убитых воевод в «Вестовой отписке» Андрея Сапеги и в «*Moscouische Niederlag*» почти одинаковы. В последнем источнике Никифор Чепчуков называется Никифором Зеперуковым и, кроме того, упоминается в числе убитых какой-то князь Иван Облоцкий, наместник Обдорский, повешенный врагами. Число убитых солдат простиралось, по *Moscouische Niederlag* и по *Рюссову*, I. с, III, 302, до 6000 человек; у *Соловьева*, II, столб. 263–6.022. Гейденштейн (87) выражается неопределенно: «много неприятелей было убито». Историк сообщает нам факт доблестной смерти русских пушкарей, которые, не желая пережить позора плена и сдачи орудий, повесились на них.

Андрей Сапега

Враги завладели всем лагерем, многочисленной артиллерией и захватили в плен 9 воевод и многих солдат³⁰⁸, но сами потерпели незначительный урон³⁰⁹. Русские пленные отправлены были к королю в Гродну, а пушки в Вильну³¹⁰.

³⁰⁸ По «Вестовой отписке» – 20 пушек с мождчерами, по Стрыйковскому, II, 427, – более 20 орудий, по Moscouische Niederlag – 24, по Рюссову – 14 орудий большого калибра, 6 мортир и несколько полевых орудий, по Гейденштейну (36, лат. текст, 126) – около 30 орудий.

³⁰⁹ Списки плененных воевод в «Вестовой отписке» и Moscouische Niederlag не совсем одинаковы, но число воевод одинаково. Список убитых и плененных в Розр. кн. (Карамзин, IX, примеч. 509) не полон.

Это поражение встревожило Иоанна. Понимая, что война неизбежна, и сам готовясь к ней, он попытался затянуть переговоры, чтоб иметь больше времени подготовиться к борьбе. Поэтому он отпустил теперь Баториева гонца Гарабурду и сам послал от себя к королю гонца Андрея Тимофеева с предложением вести новые переговоры относительно Ливонии: пусть король присылает к нему для этой цели своих великих послов, скрепив предварительно присягой состоявшийся уже перемирный договор.

³¹⁰ По Рюссову (1. с, III, 302), погибло Поляков и Шведов менее 100 человек. У Гейденштейна – неопределенное выражение: «с нашей стороны был незначительный урон». Битва происходила 21-го октября, см. «Вестовую отписку» Андрея Сапеги. Неверно указана дата 21-го сентября в *Moscouische Niderlag*. Гейденштейн говорит неопределенно: «в то время, как король находился в Кракове, получено было нами известие о победе при Вендене». Баторий прибыл в Краков из Львова в половине октября, см. *Acta Stephani regis*, 147, № CIV. Г. В. *Форстен*, *op. cit.*, I, 673–674, сообщает из флорентинского архива известие, что московское войско, численностью в 22 000 человек с 20 орудиями, было разбито осенью 1578 года Поляками и Шведами около местечка Kisson. Очевидно, речь здесь идет о битве при Вендене или Кеси – 21-го октября 1578 г.

Пушки времен Ивана Грозного в одном из ливонских замков

Ведя дипломатические переговоры о мире, Иоанн в то же время, подобно Баторию, делал приготовления к войне, притом в больших размерах. Он уже в декабре 1578 года решил с

боярами и духовенством «идти на свое государство и земское дело, на немецкую и литовскую землю»³¹¹. Затем царь отправился в Новгород, где принимал великое посольство, возвратившееся из Кракова (15-го июля)³¹². Послы доносили царю, что Баторий идет к московским границам, но что следуют за ним немногие охочие люди из литовской шляхты, из польских же панов и шляхты никто не идет. «Король говорил панам, чтоб шли с ним всею землею в Ливонию достигать тех городов, которые Москва захватила, но паны ему отговаривают, чтоб он и в Ливонию не ходил, а послал бы наемных людей защищать те города, которые за ним, а над другими промыслять. А во всей земле – в Польше и Литве, у шляхты и у черных людей, у всех одно слово, что у них Стефану королю на королевстве не быть, а пока у них Стефан король на королевстве будет, до тех пор ни в чем добру не бывать, а сколько им себе государей не выбирать, кроме сыновей московского государя или датского короля, никого им не выбрать; а больше говорят во всей земле всякие люди, чтоб у них быть на государстве московского государя сыну». «Донесения послов были справедливы», говорит Соловьев³¹³, а мы скажем – нет. Баторий не мог уговаривать панов, чтоб шли с ним всей землей в Ливонию, потому что понимал всю непригодность земского ополчения для военного дела. Паны не могли отговаривать, чтоб Баторий не ходил в Ливонию, потому что сейм 1578 года согласился на установление налогов только под условием личного участия короля в войне³¹⁴. О низложении Батория могли говорить послам только немногочисленные его противники. Донесения были ложны, а между тем на них Иоанн строил свои завоевательные планы относительно Ливонии и Литвы; эти донесения должны были вселять в него уверенность, что можно будет легко осуществить задуманное предприятие. Иоанн собрал громадные войска против Батория: численность их доходила, по словам папского нунция Калигари, до 200 000 человек; один царский полк заключал в себе 40 000 воинов³¹⁵. Но эта исполинская масса была плохо организована и дисциплинирована, чужда тому военному искусству, которое давало победы войску Батория. К тому же она не имела хорошего руководителя, каким для своего войска являлся Баторий, проницательный, в высшей степени даровитый или даже, как хотят некоторые исследователи³¹⁶, гениальный стратег. У Иоанна не было плана военных действий, какой до начала войны составил себе польский король. Царь мог только принять решение идти «на свое государство и земское дело, на немецкую и литовскую землю», но по какому плану следует это решение исполнить, над этим вопросом он не задумывался. Он сразу принужден был вести оборонительную войну, хотя и предпринимал наступательную, хотя замыслы Батория должны были быть известны ему, по крайней мере, по слухам. Правда, поход на Полоцк решен был Баторием окончательно только в самый момент выступления в поход, однако намерения королевские были уже раньше известны. Иоанн ограничивался только угрозами, что если король пойдет на Полоцк, то он двинется на Вильну³¹⁷.

Силы Батория были гораздо меньше: они доходили до 60 000 человек. Но всеми этими силами король не мог воспользоваться: он должен был отрядить одну часть на соединение со Шведами, с которыми он желал поддерживать дружественные отношения³¹⁸, другую – на

³¹¹ Карамзин, изд. 1852 г., IX и Соловьев, кн. II, ст. 267.

³¹² Бантиш-Каменский, 1. с., 156.

³¹³ Op. cit., II ст. 267.

³¹⁴ La detta contribuzione se concessa con condizione che il Re faccia la guerra e vi vada in persona... Вержбовский, В. Лаурео, 666, № 183.

³¹⁵ Тургенев, I, 283, № СХСV и Карамзин, IX, 293 (изд. 1852 г.). Эти данные не позволяют нам сомневаться, как это делает Соловьев, кн. II, 270, в громадности вооруженных сил, приготовленных Иоанном.

³¹⁶ Г. В. Форстен, Балтийский вопрос, I, 705.

³¹⁷ О том, что Баторий готовится в поход на Полоцк, уведомил Иоанна гонец Андрей Тимофеев в конце июня 1579 г., см. Бантиш-Каменский, 1. с., 156–157; Тургенев, 283, № СХСV. Ввиду этого нельзя согласиться с мнением Соловьева (op. cit., II, 269–271) о том, что Иоанн не знал, откуда ждать ему нападения, и что Баторий застиг его враслох.

³¹⁸ По словам Гильдебранда (K. Hildebrand, Sveriges ställning till Antonio Possevinos frodsmedling mell an Polen och Ryssland

защиту различных крепостей государства, так что свободным оставался отряд в 40 000 человек³¹⁹.

Несмотря на численное превосходство московской армии, и несмотря на то, что из Польши и Литвы приходили желанные известия о затруднительности положении Батория, Иоанн мог тревожиться за успешный исход борьбы с королем. После битвы при Вендене успехи войск Баториевых не прекратились. Литовский гетман надворный Христофор Радзивилл, сын виленского воеводы, сжег город Дерпт, опустошил его окрестности, разрушил довольно сильную крепость Киремпе, захватил несколько вражеских орудий и много пленных³²⁰ (в марте 1579 г.).

Окончив приготовления к походу, Баторий отправил к Иоанну гонца Вацлава Лопацинского с письмом, в котором объявлял царю войну, мотивируя свое решение так. Иоанн нарушил перемирие, вторгнувшись сам со своим старшим сыном в Ливонскую землю: бросился ты, – говорит Баторий, – на христианский народ, наших подданных, производя резню и кровопролитие, к чему ты улучил время, когда мы отъехали в отдаленные стороны наших государств, завладел ты нашими некоторыми замками вероломно, умерщвляя невинных людей». Царь требует уступки Риги и Курляндской земли, предъявляет притязания на право владеть наследственно Литвой и Польшей. Он ведет войну не только в Ливонии, но и в Витебской земле, где он недавно построил замок Усвят и куда он посылает свои войска. Договорная грамота, данная царем, заключала в себе условия, на которые королевские послы не давали своего согласия. Тем не менее царь «вероломным обычаем» скрепил ее присягою. Поэтому он, Баторий, не может этой договорной грамоты принять и отправляет ее назад царю³²¹.

1581–1582. стр. 8, в *Historiska Studier, Pestschrift tillägnad C. G. Malmström den 2 november 1897*), настоящий союз между Швецией и Польшей в царствование Стефана Батория никогда не был заключен, но обе стороны сближались между собой.

³¹⁹ Эти цифры сообщает папский нунций Калигари (*Тургенев*, I, 283, № GXCV). В одном современном летучем листке (*Pollnische Zeitung. Summarische und wahrhafte Beschreibung von jüngster bekriegung und erobring etlicher fürnemer Stadt und Vestungen etc. Nürenberg*) приведен состав армии Батория и численность ее показана в 136 500 чел. По поводу цифр, приведенных листком, В.Г. Васильевский сделал такое замечание: «серьезнее и важнее список военных сил, собранных королем против московского тирана, о количестве которых нет других сведений» (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1889, январь, 136–137). Но говорить о малейшей даже серьезности этого списка нельзя. Достаточно для этого указать на число низовских казаков – 15 000: нам документально известно, что запорожцы обязались доставить королю отряд только в 600 человек, см. *Acta Steph.*, 144, № CI.

³²⁰ *Тургенев*, I, 281 № CXCI; *Henning*, 1. c, II, 275; *Гейденштейн*, 39. У Гейденштейна крепость называется Киромпеш.

³²¹ Грамота Батория, объявляющая войну Иоанну, интересна как изложение хода дипломатических переговоров между обоими противниками, *Acta Stephani regis*, 162–163, № CXIV; *Щербатов*, т. V, ч. IV, стр. 190–199; *Метр. Лит.*, II, 42, № 22. О посольстве Лопацинского Одерборн (*Vitae Joannis Basilidis libri tres, Ad. Starezewski, Historiae ruthenicae scriptores exteri*, II, 239–240) приводит следующий фантастический рассказ. Лопацинский прибывает (на самом же деле он был задержан на пути в Дорогобуже) в Москву, где тогда находился Иоанн (царь был в Новгороде). Спустя несколько дней царь послал сказать польскому гонцу, чтобы он не являлся в царский дворец с обнаженным мечом, если он дорожит своей безопасностью или даже своей жизнью. На это Лопацинский ответил, что великий князь может лишить его имущества и жизни, как этого, без сомнения, и ожидать следует, но он не отступит от поручений, данных ему королем, ни на волос. Гонца ведут в сенат (т. е. боярскую думу), где он гордо заявляет, что прислан ко всей Московии объявить войну. Гонца повезли в царский дворец в колеснице, запряженной четверкою лошадей; впереди шел слуга, неся обнаженный меч, который ярко сверкал от солнечных лучей. Посмотреть на королевского гонца сбегалось так много Москвитян, что от давки, происшедшей у ворот дворца, погибло около ста человек. Аудиенция у царя так описана. *Basilides palatium, in quo legatum expectabat, tapetibus et peristromatis intraverat multisque odoramentis illud refecerat. Se ipsum vero vestibulo auro fulgentibus et gemmis clarissimis ornatum cultumque in Lopatinski conspectum dedit eumque contra naturam suam humaniter excipere visus est. Is vicissim Basilidem more sarmatico salutavit et idem reliqui Poloni fecerunt. Literas deinde regis bullis aureis consignatas ensemque falcatum fulgentis ultionis indicem Basilidi porrexit. Hunc ille crudeli vultu iracunde aspiciens in admirationem magnum venit, quod hostis in peregrina regione tanta audacia tantum principem verbis asperioribus compellere ausus est. Взав королевское письмо, царь приказал держать гонца под стражей, но с подобающими почестями. Затем он созывает магнатов, чтоб сообщить им о начале войны, собирает войска и произносит к солдатам речь eosque variis exhortationibus ad pristinam virtutem et odium Sarmatarum incitat. Таков риторический и фантастический рассказ Одерборна.*

Рига в конце XVI в.

Вскоре после этого (30-го июня) король двинулся из Вильны в Свирь, где он созвал военный совет, чтобы решить окончательно вопрос, в каком направлении предпринимать поход против врага. Литовцы советовали королю идти на Псков: этот город плохо укреплен, говорили они, его стены пришли в ветхость, враг не ожидает нападения на этот пункт, а потому крепостью можно будет легко завладеть³²². Здесь сосредоточены главные неприятельские силы, вследствие чего удачный удар, направленный сюда, скоро положит конец войне. Баторий высказался против этого взгляда. Осаждать Псков было, по мнению короля, при теперешнем положении дел противно правилам военного искусства, так как пришлось бы в таком случае оставить у себя в тылу несколько неприятельских крепостей. Цель настоящей войны — освобождение Ливонии, но для достижения этой цели надо выбрать самые подходящие средства. Вести войну в самой Ливонии неудобно: она слишком разорена, вследствие чего войска будут страдать от недостатка продовольствия; в ней слишком много замков и добывание их замедлит ход военных действий. Следует прежде всего взять Полоцк, потому что эта крепость угрожает Литве и даже самой столице ее Вильне, потому что неприятель посылает из Полоцка вспомогательные войска и продовольствие в ливонские крепости, потому что этот город господствует над течением Двины и является важным торговым пунктом; с его взятием плавание по Двине сделается вполне свободным, что имеет существенное значение для торговых сношений Риги, которые теперь останавливаются постоянными нападениями неприятеля. На эти соображения короля некоторые замечали, что Полоцк — сильная крепость, снабженная военными снарядами в большом количестве, поэтому взять ее будет трудно, а неудача в начале войны может отозваться пагубно на всем ее ходе. Король возражал на это, что именно в начале войны, пока силы армии еще свежи и бодр ее дух, и следует приступить к осаде крепости; неприятель, потеряв самую сильную крепость, потеряет веру в свои собственные силы, между тем как солдаты-победители укрепятся еще более в надежде на успешное ведение дальнейших предприятий. Король заключал, что не следует уклоняться от задуманного еще раньше плана войны. Так решен был поход на Полоцк.

³²² Гейденштейн, стр. 42–45, весьма подробно рассказывает о мнениях, высказанных на совете в Свири. В эдикте короля о молебствиях по случаю взятия Полоцка отмечено только в сокращенной форме королевское мнение. Этот эдикт (*Edictum regium de supplicationibus ob rem bene adversus Moschum gestam an 1579, 30 Augusti*) помещен в базельском сборнике Пистория (I. Pistorii, *Polonicae historiae Corpus*, III, 114–117), во франкфуртском Вехеля (*Rerum polonicarum tomi tres*, I, 214) и в издании *Relacje nunciuszów apostolskich i innych osób o Polsce*, Berlin – Poznan, 1864, I, 317–320.

Русские войска атакуют Полоцк. Гравюра XVI в.

Выступая в этот поход, Баторий постарался обеспечить фланги своей армии следующим образом. Он мог ожидать нападения Иоанна с востока, со стороны Смоленска, и с запада, со стороны Жмуди, так как Иоанн заявлял, что Курляндия – его вотчина. Правый фланг своей армии Баторий приказал защищать оршанскому старосте Филону Кмите, а левый – жмудскому каштеляну Ивану Тальвошу. Движение Иоанна на Курляндию, которое предвидел Баторий, не замедлило последовать. Находясь в Пскове, царь выслал в Курляндию (1-го августа) воевод князя Хилкова и Безнина, с отрядом, в котором было 20 000 нагайских и казанских Татар. Перейдя Двину у Кокенгаузена, отряд вторгнулся в Курляндию и сильно опустошил ее. Экспедиция этим и ограничилась, так как Иоанн, узнав об осаде Полоцка, отозвал это войско назад³²³.

Защитив фланги своей армии, Баторий двинулся из Свири через Поставы и Глубокое к Десне³²⁴, выслав вперед к Полоцку Николая Радзивилла с сыном и Каспара Бекеша, чтобы они, став под стенами Полоцка, помешали неприятелю усилить гарнизон крепости³²⁵. По пути к королю присоединились отряды троцкого воеводы Стефана Збаражского, полоцкого воеводы Николая Дорогостайского и некоторых частных лиц. В Десне Баторий произвел смотр войскам (17-го июля). Одни отряды были вооружены по-казацки: они имели луки, сабли, шлемы, панцири и копья, чтобы колоть ими врага при нападении и метать их в него, когда он бежит. У других отрядов, вооруженных по-татарски, на шеях лошадей были привязаны куски тафты, похожие на бороды. Лошади легко вооруженных солдат были покрыты шкурами волков или тигров, кроме того, лошади вельмож украшены были драгоценными камнями, жемчугом, золотом и шелком; оружие вызолочено и также усеяно драгоценными камнями³²⁶.

³²³ Карамзин, IX, 297 и прим. 522: «они-ж (воеводы) Курляндскую землю пусту учинили»; Гейденштейн, 48.

³²⁴ Strykowski, II, 428.

³²⁵ К. Górski, op. cit., Bibl. Warsz., 1892, II, 101.

³²⁶ Это описание заимствовано из письма итальянца Мартинелло, находившегося при войске, см. римские портфели в Крак. Акад. Наук, 26, D I, 101–103.

В Дисне присоединились к армии запоздавшие отряды виленского каштеляна Ивана Ходкевича, минского каштеляна Ивана Глебовича и других панов, равно как и немецкие наемники, предводимые Христофором Розражевским и Эрнестом Вейером³²⁷.

Войска представлялись в отличном виде. Великий гетман поддерживал среди них строгую дисциплину. В речи, обращенной к солдатам, он запрещал им осквернять храмы и делать насилия над женщинами даже в неприятельской стране³²⁸.

В то время как главная армия двигалась к Полоцку, литовские казаки завладели замками Козьяном (28-го июля) и Красным (31-го июля), а Венгры и Литовцы – Ситном (4-го августа)³²⁹. Баторий хотел сначала ударить на крепость Сокол, находившуюся между реками Дриссою и Нищею, на псковской дороге, опасаясь, чтобы из этого замка Москвитяне не мешали подвозу провианта его армии, что они могли легко делать, получая совершенно свободно подкрепления из Пскова. Однако, посоветовавшись с гетманом Мелецким, король оставил это намерение, не желая терять дорогого времени добыванием незначительных замков, и направился к Полоцку. Сюда раньше короля прибыл скорым маршем Николай Радзивилл, которого король еще в начале марта 1578 года назначил великим гетманом литовским³³⁰.

Радзивилл должен был воспрепятствовать проведению подкреплений полоцкому гарнизону; однако небольшой отряд Москвитян успел за два дня до прихода королевского авангарда проникнуть в крепость. Радзивилл занял ближайший к крепости пост и преградил всякий доступ в нее³³¹. В Полоцк же он отправил королевскую грамоту, которую приказано было распространять повсюду среди жителей полоцкой области. В этой грамоте Баторий, изложив обстоятельно причины, побудившие его начать войну с московским царем, обещал всем, которые подчинятся его войскам добровольно вместе с замками, городами и поместьями, сохранить их обычаи, веру и их права и далее все это приумножить, если они только приобретут благорасположение короля за свою верную службу. Тем, которые не пожелают изъявить покорности, Баторий приказывал удалиться из своих замков, земель и городов, ибо в противном случае они, сопротивляясь королевским войскам, подадут повод к кровопролитию и навлекут на себя плен и строгость меча. Ослушники, – так оканчивал свою грамоту Баторий, – не могут винить его и рыцарство его войск, за то, что произойдет, ибо они упорствовать будут против самой справедливости³³².

Грамота эта не произвела желанного действия. Полоцкие воеводы, увидев неприятеля, вывели свои войска из-за укреплений и выстроили их в боевой порядок у самых ворот крепости, но затем без боя удалились назад в город. Тогда литовская конница бросилась их преследовать, гнала вплоть до самой крепости и успела убить несколько человек³³³.

Наконец 11-го августа прибыл и сам Баторий³³⁴. Королевскому войску пришлось совершить весьма утомительный переход. Солдаты должны были прорубать себе просеки в густых

³²⁷ Гейденштейн, 46.

³²⁸ См. письмо того же Мартинелло.

³²⁹ Хронология этих событий неясна у Гейденштейна, 52–53; он рассказывает сначала о взятии Красного, а потом Ситна. Козьян был выстроен после взятия Полоцка в 1563 г., на реке Оболи насупротив литовского замка Уды, Красное при озере Островите и Ситно при истоках реки Полоты на великолукской дороге. См. Коржунов, Карта военных действий между Русскими и Поляками в 1579 году и тогдашние планы города Полоцка и окрестных крепостей, Журн. Мин. Нар. Просв., 1837, VIII, 235–249. Замоиский в письме к нунцию Калигари говорит, что Козьян захвачен был внезапным нападением и дотла сожжен, а по взятии Красного попал в плен московский воевода со всем почти своим гарнизоном, см. Aug. Theiner, Annales ecclesiastici III, 70.

³³⁰ Acta Stephani regis, 98, № LXIX. Это назначение сильно раздражило Яна Ходасевича, который надеялся получить эту должность за управление Ливонией, см. Вержбицкий, В. Лаурео, стр. 702.

³³¹ Edictura regium de supplicationibus ob captam Polociam (Relacje nuucjuszów, I, 318).

³³² Acta Stephani regis, 171, № CXVI.

³³³ Гейденштейн, 53.

³³⁴ Edictum de skipplicat. – Relacie nuncj., I, 318.

лесах, которые успели вырасти с тех пор, как Иоанн взял Полоцк (в 1563 г.), потому что поля не возделывались; приходилось идти по запущенным топким дорогам, которые от проливных дождей сделались еще непроходимее. Все это замедляло движение армии³³⁵.

Подступив к Полоцку, Баторий осадил его, расположив свои войска в трех местах. Численность его армии простиралась до 16 000 человек³³⁶. Полоцкий гарнизон состоял из 6000 человек. Командовали им воеводы: князь Василий Иванович Телятевский, Петр Иванович Волынский, князь Дмитрий Михайлович Щербатый и Иван Григорьевич Зюзин³³⁷.

Город и крепость Полоцк представлялись тогда в следующем виде. Река Полота, плывя с севера на юг, поворачивает недалеко от своего устья сначала назад, а потом на юго-запад и в таком направлении впадает в Двину. Пространство между Двиной и первым изгибом Полоты представляет собою довольно возвышенное плоскогорье, которое, подходя к Полоте, ниспадает довольно круто к реке. На этом возвышении находились два замка: один из них, стоявший у самого слияния Полоты с Двиной, назывался Высоким, а другой, построенный к востоку от первого, Стрелецким Острогом. За Полотою, на правом ее берегу, лежал посад Заполотье, обнесенный деревянной стеной и соединенный мостом с Высоким замком. Таким образом, Высокий замок, как главная крепость, был окружен с востока Стрелецким Острогом, с запада Заполотьем и с севера Полотою; с южной стороны Двина делала доступ к нему совершенно невозможным. Иоанн Грозный, взяв Полоцк в 1563 году, укрепил Высокий замок новыми башнями в несколько этажей для боковой стрельбы, а всю крепость обвел стеной и глубоким рвом³³⁸.

³³⁵ Edictum de snpplicationibus, ib., I, 318, *Гейденштейн*, 19. Даниил Герман, данцигский ратман, автор Стефаниды, ездивший к Баторию в лагерь под Полоцк, сообщает следующие подробности: «Туда, т. е. к Полоцку из Вильны, ведет ужасная дорога, хуже которой не может быть во всем мире. Кажется, главной причиной является то, что с тех пор, как Московит взял Полоцк, т. е. от 1563 г., этот тракт был совсем закрыт, всякие сообщения отрезаны, а Московит на 20 миль в ширину и в длину, с этой стороны Двины, обратил страну в пустыню (lautter Wildniss lassen word en), страну, в которой были прежде города, рынки, деревни и возделанные поля. Поэтому всякий, отправлявшийся из Вильны в эту сторону, должен запастись хорошенько провизией на несколько дней. Ясно можно видеть, как Венгры и иные солдаты, которые шли впереди, должны были искать новых дорог и делать в лесах просеки, чтобы можно было перевезти артиллерию. Беспрестанная непогода, продолжавшаяся несколько месяцев, немало вреда причинила этой экспедиции», см. *Aug. Mosbach*, op. cit., стр. 161.

³³⁶ *K. Gorski*, op. cit., *Bibl. Warsz.*, 1892, II, 102. Уже в лагерь под Полоцком прибыло несколько отрядов добровольцев; среди них особенно выделялся отряд князя Острожского и отряд немецкой пехоты, присланный бранденбургским маркграфом.

³³⁷ *Strykowski*, II, 429; *K. Gorski*. I. с., 1892, II, 106. По выражению разрядных книг, «в Полоцке воеводы худы, а людей мало» – *Карамзин*, IX, 296–297 и примеч. 520, *Щербатов*, т. V, ч. III, стр. 19. Воеводы названы худыми несправедливо: мы увидим, что они будут доблестно защищаться; названы так потому, что не сумели отстоять крепости.

³³⁸ Топография Полоцка у Гейденштейна (стр. 54) представляется не совсем ясно. Он описывает положение крепости так: «с севера течет река Полота, у подошвы Стрелецкой крепости, немного уклоняясь от прямого течения к востоку, она, затем, снова отклоняется к северу и, обогнув подошву холма, на котором расположен Верхний замок, отделяемый ею от города, немного ниже того места направляется к югу и соединяется с рекою Двиною». На плане Пахоловецкого (Витебская Старина) течение Полоты изображено не совсем точно. Гурский исправил его согласно топографической карте России (см. op. cit., стр. 105).

Осада Полоцка войсками Стефана Батория в 1579 г. Гравюра конца XVI в.

Войска Батория расположились следующим образом: на правом фланге у Двины – Венгры, рядом с ними влево, тоже на правом берегу Полоты – Литовцы, за Полотою, на левом берегу – Поляки, на левом фланге, тоже как и Венгры, у самой Двины – Немцы.

Лишь только Баторий прибыл к Полоцку, как тотчас же отправился осматривать местоположение города и крепости, взяв с собой Замойского и Бекеша, предводителя венгерских войск. Осмотрев местность, он пришел к тому заключению, что все усилия надо направить на Высокий замок, ибо и доступ к крепости с этой стороны удобнее и – что еще важнее – с падением главного укрепления город и Стрелецкий Острог, лишившись провианта и огнестрельных снарядов, которые хранятся в Высоком замке, сами собою сдадутся. Напротив того, Бекеш был того мнения, что осаду следует начинать со стороны Заполотья; он мотивировал свое мнение следующими соображениями: если по завоевании города неприятели удалятся в крепость, то это поставит осажденных в более затруднительное положение, так как они будут стеснены в одном месте, что ослабит у них надежду на избавление от осады и, напротив того, уменьшит труд осаждающих и усилит их мужество: к тому же добывать замки со стороны города немногим теперь труднее, чем с другой стороны, ибо реку Полоту везде можно перейти вброд. Замойский соглашался с королем и уговаривал его настаивать на исполнении своего плана, указывая на выгодные стороны его, которые он заметил во время вторичной рекогносцировки местности, когда он, один подъехав к тому месту, на котором стоял город до 1563 года (место это называлось Пожарищем), увидел, что здесь нет ни рвов, ни высоких холмов и поэтому с этой стороны доступ к крепости легче.

Однако король не совсем последовал совету Замойского; он отступил несколько от своего собственного мнения. Не желая возбуждать национального антагонизма, он предоставил известную долю самостоятельности каждой национальности в своей армии. Немцам разрешено было вести подкопы против Стрелецкого Острога, а Бекешу с его Венграми – действовать против Заполотья. Венгерский предводитель начал обстреливать город на другой день осады, от

чего в городе произошел пожар. Тогда Русские, видя, что защищать город нет возможности, зажгли его со всех сторон и со всем имуществом удалились в Высокий замок³³⁹.

После этого Баторий направил главные силы на эту крепость, и именно на выступ, обращенный к северу, так как гарнизон не мог защищать его ни прямыми, ни боковыми выстрелами³⁴⁰. Король послал предварительно в крепость гонца с предложением сдаться добровольно. Русские задержали посланного на всю ночь, а в это время так энергично стали работать, что успели поднять еще выше деревянную башню, которая находилась против королевского лагеря. На следующий день они выпустили гонца, приказав сказать королю, что ключи от крепости находятся в руках их государя, а потому пусть король попробует сам отворить крепость, если только он будет в состоянии сделать это³⁴¹.

Баторий решил взять крепость приступом, но для этого надо было сделать пролом в стене. С этой целью попробовали сначала пробить стену артиллерийскими ядрами, однако безуспешно. Тогда начали бросать в крепость особенные раскаленные ядра, которые Баторий употреблял уже в Венгрии. Но и это средство не достигало цели: ядра, направленные выше стен, перелетали через них, а направленные к основанию стены зарывались в землю. Вследствие этого была сделана попытка поджечь стены при помощи лучины и смолы. Солдаты в надежде на большую награду, обещанную за такой подвиг, карабкались энергично по крутой покатности холма, на которой стояла крепость, и приближались к стенам, но встречали тут мужественный отпор. Осажденные скатывали на них громадные бревна, которые увлекали вниз карабкавшихся смельчаков и умерщвляли их.

А если удавалось зажечь в каком-нибудь месте стену, тогда осажденные, дряхлые старики, женщины и даже дети, с опасностью жизни спешили потушить пожар водой. Неустрашимость осажденных доходила до того, что многие при самой сильной пальбе из неприятельских орудий «решались спускаться на канатах за стены и лили воду, подаваемую им другими, свешиваясь с более высокого места для того, чтоб потушить огонь, приближавшийся извне». При этом многие гибли, но их с таким же самоотвержением заступали другие. По словам самого Батория, Москвитяне доказали тогда своей энергией и усердием, что в деле защиты крепостей они превосходят все прочие народы³⁴².

Осада затягивалась также вследствие проливных дождей и недостатка провианта. Лето 1579 года было в высшей степени сырое во всем Прибалтийском крае. По словам Рюссова, в течение пяти недель не было в Ревеле и трех дней без дождя³⁴³. Под Полоцком от непрерывных дождей дороги так испортились, что вычужные лошади, не будучи в состоянии выкарабкаться из грязи, падали и гибли от истощения сил, почва так пропиталась водой, «что даже под кожами в самых палатках магнатов не оставалось места, где можно было бы лежать». Дурное состояние дорог затрудняло весьма подвоз провианта. К тому же продовольствие надо было доставлять из отдаленных местностей, так как окрестности Полоцка были безлюдны. Затруднительность подвоза увеличивалась наконец от нападений, которые производились на шедшие

³³⁹ Относительно этого факта в источниках существует некоторое противоречие. В «Эдикте о молебствиях» король говорит след.: «на другой день город, укрепленный сильно рвами, валом, башнями и весьма толстыми стенами и защищаемый также гарнизоном, мы подожгли и в несколько часов весь уничтожили, главным образом, потому, что он являлся преградой для ближайшего доступа к крепости (*Postridie civitatem non mediocriter fossis et aggere et propugnaculis et parietibus densissimis, turn quoque praesidio firmam, ea maxime de causa, quod illo loco nos a propinquiore ad arcem accessu proliiberet, incendimus ac totam paucis horis delevimus. Relacje nuncjuszow, I, 318*). Гейденштейн говорит, что, когда Бекеш начал громить городские стены из орудий, тогда Москвитяне, «отчаявшись в возможности защищать город, согласно с общим наказом, какой получают от царя все, на кого возлагается защита городов, взяли с собою все вещи, зажгли город и удалились в Верхний замок» (58). Нам думается, что это противоречие можно примирить так, как это мы сделали в тексте.

³⁴⁰ *Górski, op. cit., 107.*

³⁴¹ *A. Mosbach, op. cit., 162.*

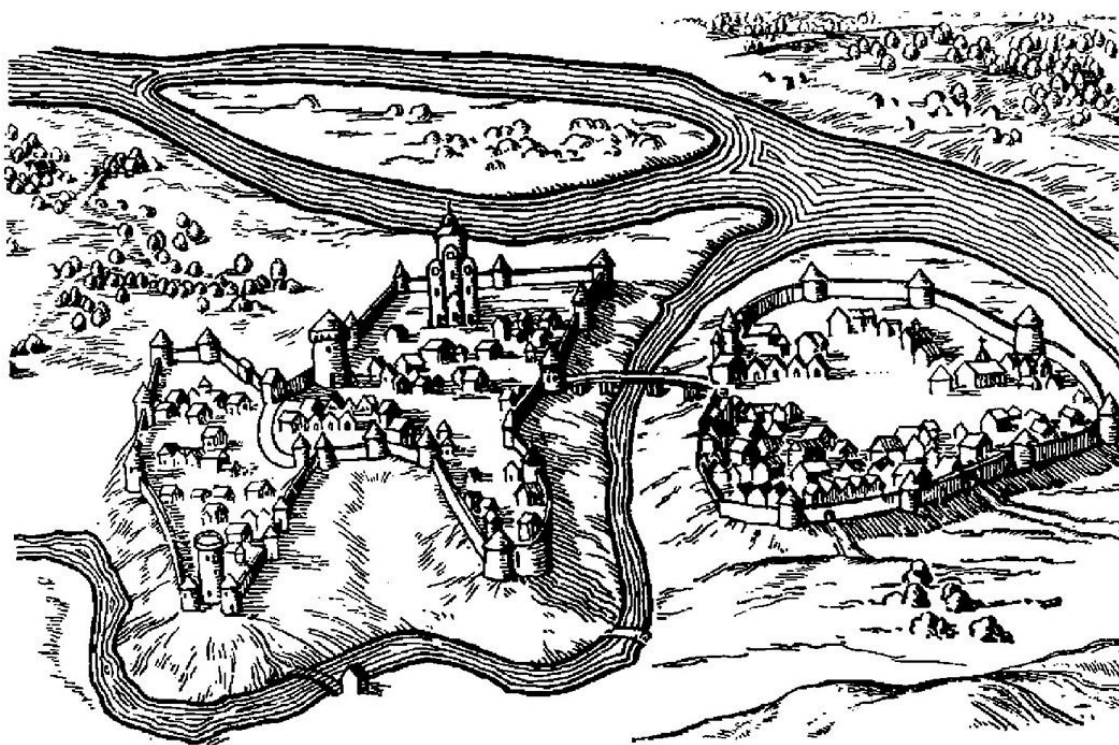
³⁴² «Эдикт о молебствиях» в *Relacje nuncjuszów, I, 319.*

³⁴³ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, III, 310.

к Полоцку обозы русскими отрядами из окрестных замков, Суши, Туровли и Сокола. Вследствие всех этих обстоятельств купцы очень редко показывались в полоцком лагере. Поэтому цены на съестные припасы и сено достигли неслыханных размеров. Армия Батория начала страдать от сильного голода. Дошло до того, что некоторые Поляки и Венгры не задумывались есть мясо падших лошадей. Сырая погода, голодание и дурная пища вызвали болезни в войске, от которых особенно страдали Немцы: многие из них умирали от кровавого поноса³⁴⁴.

При таких обстоятельствах осажденные имели возможность наносить еще больший вред своим врагам, и особенно Немцам³⁴⁵. Однажды немецкие солдаты, предавшись веселью и пьянству, легли беззаботно спать на траве враспынную. Заметив это, русские произвели вылазку, напали тихонько на сонных, многих умертвили, а некоторых захватили и унесли с собой в замок. Велико было изумление и ужас плененных, когда они проснулись и поняли, где они находятся. Они стали умолять своих врагов о пощаде, но те были безжалостны к ним и подвергли их страшным мучениям. Пробуравив у них плечи и продев через отверстия веревки, жестокосердые враги спускали их с высокой стены совершенно обнаженными и заставляли умирать в этих ужасных пытках медленной смертью³⁴⁶.

Несмотря на затруднения, осаждающие пытались производить приступы, но неудачно. Во время одного из таких приступов погиб, пораженный ядром, один из храбрых венгерских предводителей, Михаил Вадаш, прославивший свое имя в турецких войнах³⁴⁷.

Полоцк в XVI в.

³⁴⁴ Kronika polska Marcina Bielskiego nowo przez Joach. Bielskiego syna jego wydana. W Krakowie, 1597, стр. 761–765.

³⁴⁵ Письмо Даниила Германна, Äug. Mosbach, Wiadomości do dziejów polskich, стр. 162.

³⁴⁶ *Danielis Hermanni Borussi Stephaneis Moschovitica sive de occasione, causis, initiis et progressions belli a Serenissimo potentissimoque Polonorum Regno, Magno Duce Lithuamae etc. Stephano primo contra Joannem Basilium Magnum Moschorum Ducem gesti etc. libri duo priores.* Vxcusae Gedani a Jacobo Rhodo 1582. Изложено содержание этой поэмы у В.Г. Васильевского, Польская и немецкая печать о войне Батория с Иоанном IV. Журн. Мин. Нар. Просв., 1889, февраль, стр. 350–369. Гейденштейн (70) сообщает след.: «посадив их (Немцев) с ногами в котлы и подложивши в огонь, они варили их живыми в кипящей воде; в то же время, связав им руки за спиной веревкой, пропущенной по локтям, они самым гнусным образом изрезали у них животы и все тело частыми продольными ранами, так что это имело вид продольного панцыря».

³⁴⁷ Гейденштейн, 61.

Все эти неудачи побудили Батория созвать военный совет, чтоб решить вопрос, что делать дальше? Большинство было того мнения, что надо произвести со всех сторон нападение на крепость всеми войсками. Но король не согласился с этим мнением, опасаясь неудачи, вследствие которой пришлось бы отступить от крепости, что равносильно было бы крушению всего предприятия.

Баторий полагал, что прежде всего необходимо сделать отверстие в стене, через которое солдаты могли бы проникнуть в крепость, и согласно этому убеждению продолжал действовать. С этою целью он издал воззвание к солдатам, обещая большие награды тем, которые подожгут стены. Не следует, – говорилось в воззвании, – возвращаться из-под стен до тех пор, пока пламя не разгорится как следует, что прежде упускалось из виду. От поджога зависит успех предприятия, а поэтому лучше погибнуть доблестною смертью под неприятельским огнем, чем опозорить себя постыдно отступлением. Воззвание подействовало на солдат: они бросились бодро исполнять королевское желание. А тут и судьба начала им благоприятствовать. Дожди стали утихать, небо прояснилось и засияло солнце. Это было 29-го августа. Солдаты побежали к крепости: одни спускались во рвы, другие переплывали через Полоту, иные, преодолев различного рода затруднения, карабкались на возвышенность³⁴⁸. Первым прибежал к передней крепостной башне какой-то медник из города Львова; он принес с собой, как рассказывали, котел, наполненный раскаленными угольями, и смолистую лучину и, поджегши башню, пустился бежать назад. Вдогонку ему осажденные послали много стрел, и одна из них попала ему в спину; однако он благополучно возвратился вплавь через Полоту к своим. За этот подвиг король возвел его в дворянское достоинство, дал ему фамилию Полотинского и пожаловал имение³⁴⁹. Другие солдаты подожгли крепость в других местах, пламя быстро охватило громадное пространство, и огня нельзя уже было потушить. Тогда король послал в крепость грамоту, предлагая осажденным добровольно сдаться и обещая отпустить на волю всех с женами, детьми и имуществом, какое каждый будет в состоянии нести на себе; тем же, которые пожелают служить ему, королю, он обещал такие же права и милости, какими пользовались граждане великого княжества литовского; осажденные должны были выйти из крепости до полудня³⁵⁰.

Зарево поджара так ярко освещало небо, что его можно было видеть на далеком расстоянии. Ввиду этого король начал опасаться, чтобы гарнизон крепости Сокола, заметив пожар, не прибыл своим на помощь. Чтоб предупредить нападение с этой стороны, Баторий вывел почти все войско из лагеря и построил его в боевой порядок на правом берегу Полоты. Но опасения короля оказались напрасны.

В это время из крепости спустилось со стен 10 человек и явилось в неприятельский лагерь просить пощады, но венгерские солдаты умертвили несчастных перебежчиков. Остальные осажденные показывали тоже вид, что желают сдаться, но, как оказалось вскоре, притворно. Пользуясь тем, что громадное пламя закрывало их от неприятеля, они насыпали в том месте, где прогорела стена, вал, провели ров и поставили орудия. Сильный пожар продолжался до самого вечера, а поэтому король, не желая вести солдат через огонь, отложил приступ до следующего дня. Но некоторые венгерские и польские солдаты, побуждаемые жаждою добычи, попытались через пламя вторгнуться в крепость, однако огонь так сильно обжигал их и враг так мужественно отражал, что они были принуждены возвратиться назад. Русские пустились их преследовать, но на помощь бегущим бросился отряд пехотинцев Замоиского (200 чел.). Тогда

³⁴⁸ «Эдикт о молебствиях», *Relacje nuncjuszów*, I, 319.

³⁴⁹ Bielski, 763 и I). Hermann. Stephaneis: Primus at in reliquis qui primam lampadem ad aram Intulit, ille sibi nomenque decusque paravit, etc.

³⁵⁰ *Acta Stephani regis*, № CXVII.

завязалась горячая схватка. Король, узнав о штурме, поспешил занять дорогу, ведущую из Сокола, а Мелецкий – защитить орудия и окопы. Русские открыли в это время из крепости по неприятелю сильную пальбу. Король и Замойский подверглись в этот момент немалой опасности: один из всадников был убит ядром подле самого короля на том месте, которое оставил Замойский с той целью, чтоб переменить лошадь. Штурм был отбит, но и Русские, преследовавшие штурмовавших, должны были возвратиться с значительным уроном: во время этой схватки погибло, по польскому официальному известию, 27 солдат из войска Батория и 200 человек из крепостного гарнизона³⁵¹.

Эта неудача возбудила сильные раздоры между Поляками и Венграми: Поляки называли поступок Венгров безрассудством, а Венгры, в свою очередь, обвиняли Поляков в том, что они недостаточно энергически им помогали при штурме. Вследствие этих раздоров утро следующего дня до полудня прошло в бездействии. Король снова послал в крепость грамоту с требованием сдачи, заявляя, что опасная грамота будет действительна только до 3-х часов дня³⁵². Но осажденные не думали пока еще сдаваться. Они намеревались укрепить ту башню, которая была подожжена, и хотели сюда возвратиться. Однако король не позволил им исполнить это намерение. По его приказанию Венгры, предводительствуемые Петром Рачем, напали внезапно на эту башню и подожгли ее. Новый пожар продолжался всю ночь; всю ночь также производилась пальба из орудий. Осаждающие успели в эту ночь провести рвы на расстоянии нескольких шагов от неприятельских укреплений. Однако пожар в крепости произвел такие опустошения, что защита сделалась невозможной. Тогда стрельцы и дети боярские³⁵³ вступили с королем в переговоры о сдаче крепости и сдали ее, как этому ни сопротивлялись великолуцкий архиепископ Киприан и воеводы, которые хотели даже взорвать крепость на воздух, предпочитая героическую смерть постыдной сдаче. Не будучи в состоянии склонить гарнизон к этому подвигу, они заперлись в церкви Св. Софии, так что пришлось – по приказанию Батория – выводить их оттуда насильно. Приведенные к королю, они ударили ему челом, причем воевода Петр Волынский стал жаловаться Баторию на своего товарища Василия Микулинского за то, что этот последний оклеветал его перед царем, и поэтому царь приказал заключить его, Волынского, в оковы. Но король не пожелал за недостатком времени разбирать этой жалобы и поручил надзирать за воеводами и архиепископом литовскому подскарбию Лаврентию Войне³⁵⁴. Затем он послал несколько Венгров и несколько Поляков (Нищицкого, Пенкославского, Немоту и Красицкого) принимать замок. К ним вздумали было присоединиться еще некоторые Поляки, увлекаемые, вероятно, жадной добычи, что сильно рассердило короля: он бросился на одного из них, Доброславского, с саблей, чем обидел гетмана Мелецкого, так как Доброславский был его слугой³⁵⁵.

Приняв замок, король приказал Москвитянам выходить из него, предоставляя каждому на выбор – возвратиться на родину или остаться у него на службе. Большая часть, побуждаемая любовью к родине и преданностью царю, предпочла возвращение в отечество и службу своему государю, хотя «каждый из них мог думать, что идет на верную смерть и страшные мучения». Однако царь пощадил их, «или потому, – замечает польский историк, – что, по мнению его, они были вынуждены сдаться последней крайностью, или потому, что он сам вследствие неудач упал духом и ослабел в своей жестокости». По приказанию царя, они были размещены в окрестных замках: Великих Луках, Заволочье, Невеле, Усвят, чтобы они смыли, защищая эти

³⁵¹ Relacje nuncjuszow, I, 319.

³⁵² Acta Stephani regis, № CXVIII.

³⁵³ Карамзин (изд. 1852), IX, 300, присоединяет к ним и воеводу Петра Волынского, основываясь на словах летописца графа Толстого (см. прим. 526): «а сдал Полоцк Петр Волынский со стрельцами». Польские источники не упоминают этого имени; Стрыйковский (II стр. 429) причисляет даже Волынского к тем, которые не хотели добровольно сдаваться.

³⁵⁴ Гейденштейн, op. cit., 69.

³⁵⁵ J. Bielski, op. cit., 765.

крепости, позор сдачи Полоцка доблестными подвигами в дальнейшей борьбе с врагом. Король приказал охранять выходивших из крепости от обид и сам наблюдал за этим. Когда один из солдат, надеясь на то, что он останется незамеченным в толпе, стал грабить их, Баторий бросился на него и прибил его булавой³⁵⁶. С целью охраны от грабителей дана была Москвитянам, по приказанию короля, стража из литовских панов и казаков (2 эскадрона), под начальством ротмистра Садовского, для сопровождения их в пути³⁵⁷.

«Но когда они пришли на ночлег, то всякий сброд, который потянулся за ним от войска, начал их терзать и грабить, чему помогали и посланные охранять их казаки». Увидев это, встревоженные Москвитяне стали разбегаться, кто куда попало, так что Садовский не мог собрать их снова. Узнав об этом, Баторий выразил сильное сожаление, что так случилось³⁵⁸.

Взяв крепость, король хотел совершить благодарственное молебствие в тот же самый день в самом Полоцке, но множество трупов и сильное от них зловоние не позволили ему войти в город, а потому он приказал отслужить молебен на следующий день в лагере³⁵⁹.

В крепости победители нашли 38 орудий, 300 гаковниц, около 600 длинных ручниц³⁶⁰, 2500 центнеров пороха³⁶¹, много пуль и ядер³⁶² и значительную добычу, хотя Москвитяне, уходя на родину, и взяли с собой много сокровищ. Венгры в течение нескольких дней выносили разного рода вещи из замка, много продали явно в лагери и много, – то, что получше, – у себя спрятали³⁶³. Кроме того, победителям досталась драгоценная библиотека, состоявшая из летописей и сочинений отцов церкви на славянском языке³⁶⁴.

При разделе добычи между венгерскими и польскими солдатами произошли раздоры, которые достигли до такой степени, «что, выстроившись в боевой порядок, они едва не бросились друг на друга с обнаженными мечами. Уже раньше этого польские солдаты, собираясь в кружки, шумели по всему лагерю, говоря, что их храбрость пренебрегается Венграми, что те присваивают себе во всем преимущества, одни только захватывают плоды побед и всю добычу, как будто война предпринята для их славы и выгод». Возник раздор и между начальствующими лицами. Гетман Мелецкий, недовольный умалением своей власти, высказывал вражду к виленскому воеводе Радзивиллу, Замойскому и Бекешу, королевским любимцам, которым Баторий предоставлял столько власти, что они могли действительно стеснять распоряжения гетмана³⁶⁵. Король прекратил раздор между солдатами раздачей подарков из своей казны.

Чтоб упрочить окончательно за собой владение Полоцком, Баторий должен был взять окрестные крепости Сокол, Туровлю и Сушу, которые находились еще в руках Москвитян. Туровля расположена была в четырех милях от Полоцка вверх по Двине³⁶⁶, у впадения реки

³⁵⁶ Гейденштейн, 70.

³⁵⁷ Гейденштейн, 71 и J. Bielski, 765.

³⁵⁸ J. Bielski, 765.

³⁵⁹ Гейденштейн, 71.

³⁶⁰ Гваньини и Бельский.

³⁶¹ Сообщение Д. Германна в Aug. Mosbach, op. cit., стр. 162.

³⁶² Король в «Эдикте о молебствиях» говорит так: nostri cum ingressi essent passim magnum cadaverum insepultorum numerum repperunt, tum tormentorum ac pulveris tormentarii globorumque tantam vim deprehenderunt, quanta in arce aliqua christiani orbis his rebus instructissima posset reperiri. – Relacje nuncjuszów, I, 320.

³⁶³ Сообщение Д. Германна (Aug. Mosbach, op. cit., 162), которому, как очевидно, следует больше верить, чем Гейденштейну (стр. 71), говорящему, что «по взятии города Москвитяне увезли с собой в Москву все сокровища, оставив немного пожертвований». Если он прибавляет, что надежды солдат на добычу совсем не были удовлетворены, то эта неудовлетворенность происходила от озлобления, вызванного тем, что король разрешил Русским вынести с собой те вещи, которые они будут в состоянии взять. Сообщение Германна подтверждается словами нунция Калигари. Ввиду этого нельзя согласиться с мнением Соловьева (op. cit., II, столб. 272), который, следуя Гейденштейну, утверждает, что «добыча, найденная в Полоцке, обманула надежды осаждающих; самую драгоценную часть ее составляла библиотека...» и т. д.

³⁶⁴ Соловьев (op. cit., II, столб. 272) говорит, что все это погибло. Но так ли это?

³⁶⁵ Так надо понимать осторожные выражения Гейденштейна (72).

³⁶⁶ Strykowski, II, 429.

Туровли, так что крепость заключена была между двумя реками; с третьей стороны примыкало к ней озеро. Находясь посредине Улы, Витебска и других крепостей, принадлежавших Речи Посполитой, Туровля легко могла преграждать и действительно преграждала подвоз съестных припасов в Полоцк из этих местностей, отчего в лагере Батория под Полоцком недостаток в съестных припасах все более и более усиливался. Ввиду этого еще во время осады Полоцка была сделана попытка устранить это препятствие. Николай Разивилл послал отряд войск, под начальством Франциска Жука, взять Туровлю, но эта экспедиция потерпела неудачу как вследствие мужественной обороны гарнизона, стоявшего в Туровле, так и вследствие недостаточного количества орудий, взятых с собою Жуком. Неоднократные нападения его на крепость были отражены Русскими с успехом³⁶⁷. Взяв Полоцк, Баторий приказал идти к Туровле Венграм. Но Радзивилл сделал попытку взять крепость при помощи легких отрядов. Он послал туда известное количество всадников и пеших легковооруженных казаков, под начальством ульского старосты Константина Лукомского³⁶⁸.

Вследствие взятия Полоцка гарнизон Туровли упал духом, а потому Москвитянами овладения паника, лишь только они увидели неприятеля. Полагая, что приближается все войско Батория, они бросились из крепости через противоположные ворота и обратились в бегство. В крепости остались только воеводы, которые считали для себя позором покидать крепость. Они-то и достались в плен воинам Батория вместе со всеми припасами и военными снарядами, находившимися в крепости (4-го сентября). Спустя несколько дней после этого крепость сгорела вследствие неосторожного обращения солдат с огнем; празднуя взятие крепости, они устроили фейерверк, от которого и произошел пожар³⁶⁹. Сожжение Туровли огорчило Батория, так как оно отсрочило взятие Суши, гарнизон которой приободрился, ибо у них явилась надежда на возможность получить подкрепление и припасы.

В то время, когда все это происходило, король отправил к Соколу гетмана Мелецкого с отрядом польской конницы и польской и немецкой пехоты³⁷⁰. Сокол лежал в пяти милях³⁷¹ к северу от Полоцка по дороге во Псков. Крепость, имевшая 11 башен³⁷², расположена была между реками Дриссою и Нищею, окружена деревянной стеной и защищена с той стороны, где реки расходились друг от друга глубоким рвом. В ней находился гарнизон, достигавший 5000 человек³⁷³.

³⁶⁷ *Гейденштейн*, (стр. 62) и *Rerum post captam Polociam contra Mosensm gestarum narratio* (*Relacje nuncjusow*, I, 324). В.Г. Васильевский вполне правильно замечает, что последнее повествование, имеющее официальный характер, очень отчетливо излагает ход военных действий после взятия Полоцка (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1889, январь, 137, № 6).

³⁶⁸ *Гейденштейн* (73) говорит об этом так: между тем в это время Мартин Курц с отрядом казаков предложил свои услуги виленскому воеводе; его-то и послали против Туровли, присоединив к нему Константина Лукомского, начальника в Уле. Стрыйковский (II, 430) называет Лукомского князем.

³⁶⁹ Стрыйковский (II, 430) говорит, что крепость сожгли «наши», «*gdy książ Łukomski kazał z większych dział pod dobrą myśl strzelać*».

³⁷⁰ По словам Д. Германна, немецкий отряд, находившейся под начальством Христофора Розражевского, состоял из 3000 человек, см. *Aug. Mosbach*, op. cit., 162.

³⁷¹ Такое расстояние указано в *Rerum post captam Polociam narratio* (*Relacje nuncjusow*, I, 324) и у Стрыйковского. II, 429. *Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym*, opisana przez M. Balińskiego i Tym. Lipińskiego, IV, 493, определяет расстояние в 30 верст.

³⁷² См. статью Коркунова в *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1837.

³⁷³ По словам Д. Германна (*Aug. Mosbach*, op. cit., 162).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.